

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ ПОЛИТИКИ**

На правах рукописи

РАМАЛДАНОВ ГАДЖИБАЛА ИЗМАИЛОВИЧ

**ЦЕННОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО
МЕНТАЛИТЕТА ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН**

Специальность 23.00.03 – политическая культура и идеологии
(по политическим наукам)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель -
кандидат исторических наук, доцент
Евгеньева Татьяна Васильевна

МОСКВА – 2015

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Теоретические основания исследования ценностей и представлений в структуре политического менталитета.....	18
1.1. Исследования политического менталитета в социально-гуманитарных науках.....	18
1.2. Ценности и представления в структуре политического менталитета.....	38
1.3. Факторы, влияющие на формирование политического менталитета дагестанских народов.....	58
Глава II. Эмпирический анализ политических ценностей и представлений в структуре политического менталитета дагестанцев.....	80
2.1. Характеристика эмпирического исследования (концепция и модель исследования).....	80
2.2. Анализ политических представлений и ценностей дагестанцев, постоянно проживающих в республике.....	92
2.3. Анализ политических представлений и ценностей дагестанцев, переселившихся в Москву на постоянное место жительства.....	120
Заключение.....	151
Список источников и литературы.....	158

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Обстоятельства, переживаемые современной Россией в последние десятилетия и обусловившие социокультурный кризис, а также возросший научно-теоретический и практический интерес к проблемам специфики когнитивных составляющих политического менталитета (политических представлений и ценностей), определяющихся потребностями соответствующей политической практики, предопределили исследовательскую тематику. Причем в условиях глубоких трансформационных процессов указанная проблема наиболее актуализирована в отношении регионов Северного Кавказа, в частности Республики Дагестан, которые в некоторой степени выступают индикаторами стабильности обстановки в нашей стране.

Исторические реалии показывают, что менталитет народов Северного Кавказа имеет специфические особенности: отдельные его компоненты обладают высокой чувствительностью к различным политическим и социальным трансформациям, связанным с резким изменением политического курса, определяющего вектор ментальной направленности. Поэтому для понимания происходящих трансформаций в ментальной сфере народов Дагестана необходимо более глубокое изучение политических ценностей и представлений в структуре менталитета этих народов.

Проблематика нашего исследования также взаимосвязана с тем, что в настоящее время складывается новая тенденция в межрегиональной миграции, предопределенная необходимостью получения качественного образования и высокооплачиваемой работы жителями республики. Это также влияет на трансформационные процессы, происходящие в структуре политического менталитета дагестанцев в современной России: «столкновение» с новой культурной средой приводит к возникновению своеобразного культурного шока и часто приводит к деформации сознания граждан (формируется чувство

растерянности, влияющее на нарушение баланса принадлежности к «своей» этнической группе, в частности, на чувство собственной значимости и защищенности), что впоследствии находит отражение в повседневном поведении, принимающем в отдельных случаях радикальные формы. Другой аспект изучаемого явления связан с распространением негативных стереотипов и предубеждений о «приезжих» (кавказцах), которые становятся катализаторами этнической дифференциации и усиливают негативную этническую самоидентификацию граждан, направленную против «чужих» («чужой» общности).

Исследовательская проблема. Исследовательская проблема заключается в необходимости выявления и всестороннего анализа особенностей ценностей и представлений жителей, проживающих в Дагестане, а также коренного населения республики, переселившегося на постоянное место жительства в московский регион, формирующихся под влиянием устойчивых и изменчивых факторов.

Степень научной разработанности проблемы. В настоящее время проблема политических ценностей и представлений в качестве когнитивных структурных компонентов политического менталитета недостаточно широко представлена в научном дискурсе. Образовавшийся пробел в научной сфере объясняется тем, что термин «политический менталитет» был введен в научный оборот нашей страны сравнительно недавно – в 90-е гг. XX века. Отдельные научные монографии и диссертационные исследования последних лет¹ посвящены комплексному анализу проблемы политического менталитета, однако таких работ крайне мало и до сих пор нет единого подхода к данной категории, что свидетельствует о необходимости дополнительного изучения этого феномена.

¹ Лубский Р.А. Политический менталитет: Методологические проблемы изучения и российские реалии: Дис. ...канд. филос. наук. Р/на-Дону, 1999; Заманова Л.Б. Политический менталитет студенческой молодежи Республики Башкортостан на современном этапе: Дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2006; Омаров О.С. Правовая культура: становление и развитие. По материалам Республики Дагестан: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2000; Айгумова З.И. Особенности самосознания молодежи традиционных этносов Дагестана в условиях межэтнического взаимодействия: на материале изучения аварцев и даргинцев 16-17 лет: Дисс. ...канд. псих. наук. М., 1997.

В целом, научную литературу, связанную с проблемой диссертационного исследования, можно условно разделить на три основных блока:

1. Работы, посвященные изучению менталитета россиян, в частности народов Северного Кавказа;
2. Исследования, посвященные анализу политических ценностей и представлений различных поколений российских граждан;
3. Научные труды, посвященные особенностям политической истории и культуры народов Дагестана.

Наиболее интересными и содержательными работами, посвященными изучению менталитета народов Северного Кавказа, являются научные исследования З.И. Айгумовой, З.М. Гаджимурадовой, М.М. Гусаева, А.С. Саидовой, З.Р. Усмановой, Е.Н. Даниловой, Л.М. Дробижевой, Э.А. Паина, О.Ю. Малиновой, И.С. Семененко, В.А. Тишкова¹ и др.

Анализ теоретических аспектов исследования политических ценностей и представлений представлен в зарубежных исследованиях Ж. Абрика, С. Московичи, У. Уэллса, М. Рокича, Ш. Шварца, Р. Инглхарта. П. Бергера и Т. Лукмана, а также у российских ученых Т.В. Евгеньевой, А.В. Селезневой, И.В.

¹ Айгумова З.И. Особенности самосознания молодежи традиционных этносов Дагестана в условиях межэтнического взаимодействия: на материале изучения аварцев и даргинцев 16-17 лет: Дисс. ...канд. псих. наук. М., 1997; Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века. Махачкала, 2002; Гусаев М.М. Этноконфессиональные процессы в современном Дагестане: Дисс. ...канд. юрид. наук. Махачкала, 2000; Саидова А.С. Этнический фактор в становлении и развитии российского федерализма: региональные особенности (на примере Республики Дагестан): Автореферат дисс. канд.полит. наук. М., 2010; Усманова З.Р. Становление общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа (политико-психологический анализ). Дис... канд. полит.наук. М. 2013; Данилова Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006; Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003; Пайн Э.А. Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004; Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5-28; Семененко И.С. Российская идентичность перед вызовами XXI века: проблемы и риски на пути формирования гражданской нации // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России. Сборник статей. Отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. М., 2010. С. 61-80; Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003;

Следзевского, В.С. Мухиной, В.Г. Федотовой, В.А. Ядова, Н.Г. Щербининой, А.Г. Здравомыслова, Д.А. Леонтьева, И.А. Лебедева, Т.П. Емельяновой, О.Г. Дробницкого, И.В. Москаленко¹ и др.

Среди трудов, посвященных особенностям политической истории и культуры народов Дагестана, исследовательский интерес представляют научные работы О.С. Омарова, А.-Г.К. Алиева, А.-Н.З. Дибирова и К.М. Исрапиловой, З.Н. Кадиева, М.М. Ковалевского, М.А. Магомедова, Р.М. Магомедова, М.М. Магомедханова, Л.Р. Сюкияйнена, Ш.-С.О. Абдулаева, Д.В. Абрамсона, Л.Х. Авшалумова, С.Я. Алибековой, К.Ф. Гана, Х.В. Голбацевой, К.М. Залимхановой и

¹ Abric J.-Cl. Central System, Peripheral System: Their Function and Roles in the Dynamics Social representations // paper on Social Representation. V.2. № 2. 1993; Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations. Cambridge, 1984; Wells A. Social representations and the world of science // J. for the theory of social behavior. 1987. Vol.17. № 4; Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973; Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values. In M. P. Zanna (Ed.), Advances in experimental social psychology (Vol. 25, pp. 1-65). New York: Academic Press, 1992; Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. №4; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Евгеньева Т.В. Культурно-психологические основания образа «Другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят. Политический экстремизм и радикальная ксенофобия в социокультурном пространстве современной России / под ред. Евгеньевой Т.В. М., 2004; Селезнева А.В. Поколение в российской политике: политические представления и ценности. Дис. ...канд. полит. наук. М., 2008; Следзевский И.Е. Мир пространства и времени как специфическая форма архаического культурного текста // Пространство и время в архаических культурах. М., 1992; Мухина В.С. Предисловие // Механизмы формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности / МГПИ. М., 1985; Федотова В. Русская апатия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. №1; Ядов В.Я. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; Щербинина Н.Г. Ценности и политика // Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России. М., 2004; Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. М., 1986; Леонтьев Д.А. Ценности как междисциплинарное понятие. Опыт реконструкции // Вопросы философии. 1996. №4; Лебедев И.А. Взаимосвязь политических ценностей и политических институтов в процессе постсоветской трансформации России. Автореферат дис. ...канд. полит. наук. М., 2000; Емельянова Т.П. Социальные представления как предмет экспериментального исследования в современной французской социальной психологии // Вестник МГУ. Серия. 14. Психология. 1985. № 1; Дробницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблемы ценностей в философии. М.-Л.: Наука. 1996; Москаленко И.В. К проблеме изучения нравственных ценностей: нравственные национальные ценности // Сборники конференций НИЦ: Социосфера. 2011. № 16.

З.М. Ханбабаева, К.М. Магомедалиевой, А.М. Магомедова, М.З. Магомедовой, М.М. Магомаевой, З.Х. Мисрокова, К.Н. Гудиевой, Г.Г. Гасанова¹ и других.

¹ Омаров О.С. Правовая культура: становление и развитие. По материалам Республики Дагестан. Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2000; Алиев А.-Г.К. Северный Кавказ: современные проблемы этнополитического развития. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2003; Дибиров А.-Н.З., Исрапилова К.М. Дагестанцы – кто мы? Махачкала: Дагестанский институт экономики и политики, 2006; Кадиев З.Н. Особенности демографических и миграционных процессов в Дагестане. Национальные интересы и национальная политика на Юге России: приоритеты и перспективы. // Материалы Всероссийской научной конференции. 14.12.2006 г. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2007; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. М., 1890; Магомедов М.А. Этноконфессиональная толерантность – одно из условий формирования гражданского общества в Дагестане // Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона. Сборник научных статей. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2008; Магомедов Р.М. Обычаи и традиции народов Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз., 1992; Магомедханов М.М. Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.: ООО «ДИНЭМ», 2008; Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М.: Институт государства и права РАН. 1997; Абдулаев Ш.-С.О. К вопросу о прогнозировании социально-экономического развития республики Дагестан для достижения стратегических целей // Вестник Дагестанского центра. 2010. № 36; Абрамсон Д.В. Исследование перспективных направлений развития промышленных предприятий Республики Дагестан // Вестник Дагестанского научного центра. 2008. № 31; Авшалумов Л.Х. Традиции дагестанских народов как фактор стабилизации общественно-политической ситуации в Дагестане // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2005; Алибекова С.Я. Трансформация сознания молодежи в условиях глобализации (на примере Республики Дагестан и Чеченской Республики) // Трансформации в сознании молодежи Северного Кавказа в условиях глобализации. Сборник научных статей. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН. 2006; Ган К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Вып. XXXI. Отд. 2. 1989; Голбацева Х. Влияние религиозных факторов на правосознание дагестанцев // Правовая система Дагестана: Материалы республиканской межвузовской научной конференции. Махачкала. 2005; Залимханова К.М., Ханбабаев З.М. Политизация ислама на Северном Кавказе (на примере Дагестана и Чечни). Махачкала, 2000; Магомедалиева К.М. Влияние социальной дифференциации на мировоззрение дагестанской молодежи // Трансформации в сознании молодежи Северного Кавказа в условиях глобализации. Сборник научных статей. Махачкала. Изд-во ДНЦ РАН. 2006; Магомедов А.М. Традиции народов Дагестана как важнейшие средства формирования юных поколений // Наука и социальный прогресс Дагестана: Материалы № 3-й республиканской конференции, посвященной памяти Х.М. Фаталиева, 23-24 января 1995 г. С. 190-193; Магомедова М.З. Исламский образ жизни в сложном этноконфессиональном регионе // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2005; Магомедова Э.Р., Магомаев М.М. Цели и приоритеты социальной политики России в условиях экономического роста // Вестник Дагестанского научного центра. 2009. № 34; Мисроков З.Х. Феномен адатского и мусульманского права народов Северного Кавказа в процессах трансформации Российской государственности (XIX-начало XXI вв.) // Государство и право. 2002. №11; Гудиева К. Н. Политико-психологический анализ образов власти на Северном Кавказе (по материалам исследования жителей Республик Северная Осетия-Алания и Дагестан). Дисс. ...канд.пол.наук М., 2013; Гасанов Г.Г. Политическое сознание молодёжи и этнополитическая ситуация в Республике Дагестан. Дисс. ...кан. пол. наук. М., 2010.

Проведенный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о росте научного интереса к проблеме «политического менталитета» и его структурных компонентов. Выявленная тенденция, однако, не означает отсутствия сложностей, которые носят как теоретический, так и методологический характер: в современной научной литературе отсутствует единство в определении феномена «политический менталитет», не представлено систематических целостных многофакторных исследований содержания политических ценностей и представлений народов Северного Кавказа, а также работ, посвященных анализу влияния политического менталитета народов Дагестана на их формирование и трансформацию.

Объект исследования – политические ценности и представления жителей Республики Дагестан, а также представителей коренного населения Республики, переехавших на постоянное место жительства в Московский регион.

Предмет исследования – формирование и трансформация политических ценностей и представлений жителей Дагестана, а также коренного населения Республики, переехавшего на постоянное место жительства в Московский регион.

Целью диссертационного исследования является двухкомпонентный сравнительный анализ политических ценностей и представлений дагестанцев, как постоянно проживающих в Республике, так и переехавших на постоянное место жительства в Московский регион, с одной стороны, и сравнительный анализ политических ценностей и представлений представителей разных поколений дагестанцев с другой стороны.

Для достижения вышеуказанной цели диссертационного исследования необходимо решить комплекс научно-исследовательских **задач**:

- проанализировать современные научные подходы к изучению политического менталитета в социально-гуманитарном знании;
- провести теоретический анализ политических ценностей и представлений, как структурных компонентов политического менталитета;

- рассмотреть факторы, влияющие на формирование политического менталитета жителей Дагестана;
- составить авторскую концептуальную модель изучения политических ценностей и представлений в структуре политического менталитета жителей Дагестана;
- описать и проанализировать эмпирические данные по политическим ценностям и представлениям дагестанцев, полученные в рамках исследования в двух регионах – Республике Дагестан и городе Москва;
- провести сравнительный анализ политических ценностей и представлений дагестанцев, постоянно проживающих в Республике и переехавших в Московский регион на постоянное место жительства.

Гипотеза исследования основана на том, что ценности и представления, являясь составными компонентами политического менталитета, выполняют в целом различные роли: «устойчивое ядро» представлено иерархией политических ценностей, а «изменчивая периферия» – политическими представлениями.

Таким образом, можно предположить, что носитель условного «дагестанского» менталитета уточняет и даже изменяет представления о внешнем мире и себе самом с позиции одних и тех же, заданных менталитетом понятийных конструкций (мнений, впечатлений, форм отношения, понятия о хорошем и плохом, приемлемом и неприемлемом, должном и осуждаемом и пр.). Менталитет отвечает за сохранение ценностей, представленных в его ядре, в то время как остальные его элементы подвержены более или менее их (ценностей) влиянию.

Теоретико-методологические основы исследования. Методологической основой работы являются идеи и концепции, изложенные в работах отечественных и зарубежных исследователей по проблемам политического менталитета и специфических особенностей политических ценностей и представлений, как его структурных компонентов.

Изучение темы для целостного, объективного анализа базируется на совокупности научных концепций и подходов, опирающихся на базовые концепции политической культуры, существующие в западной и отечественной политической науке: политико-культурный (данный подход представлен в работах Н.Л. Подвойской, Г. Алмонда, С. Вербы, В. Рукавишников, Л. Халмана и П. Эстера, А.В. Дука, Л. Поуля, В.В. Козловского, С.А. Литвиной, О.В. Гаман-Голутвиной, М.Х. Фарукшина)¹, политико-психологический (научные труды Е.Б. Шестопаля, Л.Н. Пушкарева, Д. Фильда, И.Г. Дубова)² и «комплексный» подходы (Н.М. Ракитянского, Д.В. Полежаева, Р.А. Лубского, П.П. Тихоновой, У. Рульф, В.Г. Кусова, Л.В. Лесной, Б. Ачарии, Р.А. Додонова)³. Применение системного

¹ Подвойская Н.Л. Концепт политического менталитета в американской политологии второй половины XX века // Дисс. ...кан. пол. наук. Москва, 2009.

¹ Almond G. and Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963; Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998; Дука А.В. Политическая культура – поиски теоретических оснований // ПОЛИТЭКС = POLITEX: Политическая экспертиза: Научный журнал. Том 2. № 1. СПб., 2006; Pye L.W. Political Culture // International Encyclopedia of the Social Sciences / D.W. Sills (ed.). Vol. XII. N.Y., 1968; Козловский В.В. Понятие ментальности в социологической перспективе. // Социология и социальная антропология: Межвуз. сб. к 60-летию со дня рождения проф. А.О. Бороноева / Под ред. В.Д. Виноградова, В.В. Козловского. СПб., 1997; Литвина С.А., Муравьева О.И. Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян и ее взаимосвязь с культурными измерениями // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В.И. Кабрина и О.И. Муравьевой. Томск, 2004; Гаман-Голутвина О.В. Политическая культура как компонент культуры // Теоретическая культурология. М., 2005. С. 182-185; Фарушкин М.Х. К вопросу об определении понятия политической культуры // Проблемы политической науки. Казань, 2005. С. 33-34.

² Шестопаля Е.Б. Психология политического восприятия в современной России. М.: РОССПЭН, 2012; Пушкарев Л.Н. Понятие «менталитет» в современной зарубежной историографии // Российская ментальность: методы и проблемы изучения / Отв. ред. А.А. Горский, Е.Ю. Зубкова. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999; Фильд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996; Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5.

³ Ракитянский Н.М. Категории сознания и менталитета в контексте феномена политической полиментальности // Стратегическая стабильность. 2012. № 3; Полежаев Д.В. Национальное сознание и ментальность личности // Этнонациональные ценности в условиях глобализации: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Махачкала, 25-26 сентября 2008 г.) / Отв. ред. М.И. Билалов. Махачкала, 2008. С. 95-98; Лубский Р.А. Политический менталитет: Методологические проблемы изучения и российские реалии: Дис. ...канд. филос. наук. Р/на-Дону, 1999; Тихонова П.П. Фактор территориально-этнической ментальности. Режим доступа: <http://nikkolom.ni/book3/pagepk2.htm>, свободный доступ. Дата обращения: 05.03.2015; Раульф У. История ментальностей. К реконструкции духовных процессов. Сборник статей. М., 1995; Кусов В.Г. Категория ментальности в социологическом измерении // Социологические

(«комплексного») подхода позволяет аккумулировать в единую концепцию достижения политико-культурного и политико-психологического подходов, тем самым избежать излишней односторонности и крайностей в синтезе выводов.

За основу исследования бралась научная структурная модель, разработанная на кафедре социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева, Т.В. Евгеньева, Н.М. Ракитянский): структура политического сознания индивида конструируется при взаимодействии устойчивого ядра, определяемого иерархией политических ценностей, и изменчивой периферии, формируемой политическими представлениями.

Теоретической основой анализа для нас в первую очередь стали концепции политических представлений С. Московичи, Г. Тэджфела, Дж. Тернера, Г.М. Андреевой, О.Ю. Малиновой, Т.Н. Самсоновой, Т.В. Евгеньевой и А.В. Селезневой¹, и теория социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана².

Основой изучения структурных компонентов менталитета выступили научные разработки таких российских исследователей, как Н.Л. Подвойская, И.В. Мостовая и А.П. Скорик³, Н.А. Баранов¹, А.В. Лубский, З.Р. Усманова² и др.

исследования. 2000. № 9; *Лесная Л.В.* Интерпретация, понятия менталитета в российских и зарубежных источниках // II Всероссийский социологический конгресс «Российское общество и социология в XX веке: социальные вызовы и альтернативы». М., 2003. С. 227-239; *Ачария Б.* Политический менталитет россиян глазами иностранного ученого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 107-111; *Додонов Р.А.* Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье, 1998.

¹ *Moscovici S.* On social representations // *Social cognition*. L., 1981; *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict // W.G. Austin, S. Worchel (eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, Calif., 1979; *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект пресс, 1999; *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект пресс, 1997; *Малинова О.Ю.* «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // Полис. 2006, № 5. С.106-128; *Самсонова Т.Н.* О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 37-51;

² *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995

³ *Мостовая И.В., Скорик А.П.* Архетипы и ориентиры российской ментальности // Политические исследования. 1994. №4.

В основу исследования проблемы политических представлений и ценностей были положены концептуальные модели зарубежных (Р. Инглхарт, М. Рокич, Ш. Шварц) и российских (А.В. Андреев³, А.П. Вардомацкий⁴, М.С. Яницкий⁵, Е.Б. Шестопал, Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева, З.Р. Усманова, О.Г. Дробницкий, И.В. Москаленко и др.) авторов.

Динамические изменения политических представлений в условиях трансформации российского общества, в том числе влияние социокультурного кризиса на преобразование политических представлений и ценностей россиян, изучались в соответствии с разработанными подходами Т.П. Емельяновой⁶, И.В. Следзевского⁷, О.Ю. Малиновой⁸, Т.В. Евгеньевой⁹, З.Р. Усмановой¹⁰, В.Г. Федотовой¹¹.

Исследовательская модель диссертационного исследования базируется на понимании синергетического единства системы политических представлений и ценностей, являющихся элементами политического менталитета, и выполнении ими двух взаимодействующих, взаимозависимых ролей: относительно устойчивое ядро (политические ценности, сформированные в процессе первичной

¹ Баранов Н.А. Демократия и российская ментальность // Ментальность этнических культур. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 9-10 июня 2005 г. СПб., 2005. С. 222-228.

² Усманова З.Р. Становление общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа (политико-психологический анализ). Дис. ...канд.полит.наук. М., 2013.

³ Андреев А.В. Политическое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения. №3(97). Май-Июнь, 2010. С. 47-60.

⁴ Вардомацкий А.П. Некоторые особенности постсоветского общественного мнения // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 59-62.

⁵ Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система (монография). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000;

⁶ Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.

⁷ Следзевский И.Е. Феномен политического сознания в ситуации социокультурного кризиса // «Новая» Россия: социальные и политические мифы. М.1999.

⁸ Малинова О.Ю. Исследования политической культуры: Уч. пособие. М., 2002.

⁹ Евгеньева Т.В. Перспективы российской демократии и архетипы российской ментальности // Новая Россия: политика и культура в современном измерении. М., 2003.

¹⁰ Усманова З.Р. Становление общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа (политико-психологический анализ). Дисс. ...кан. пол. наук. М., 2013.

¹¹ Федотова В. Русская апатия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. №1.

социализации) и периферия, заполненная совокупностью политических представлений, поддающихся трансформации в процессе вторичной социализации и ресоциализации.

Исследовательская база диссертационных данных получена в результате применения качественных методик (фокусированное интервью «Политические ценности» и глубинное интервью «Политические представления»), разработанные в рамках научного проекта "Политическая полиментальность в современной России" и представляющих возможность не только детально описать аспекты изучаемой проблемы, но и раскрыть скрытые субъективные смыслы и внутриличностные механизмы исследуемого процесса.

Всего было опрошено 102 респондента: 50 жителей Республики и 52 жителя Московского региона. Исследование проводилось в период с весны 2013 года по осень 2014 года.

Научная новизна исследования

1. Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что круг рассматриваемых проблем, связанных с наиболее существенными аспектами политического менталитета и его компонентов, региональный аспект которых ранее был недостаточно разработан и проанализирован в научной литературе.

2. В работе впервые структурные элементы политического менталитета рассматриваются и анализируются комплексно, в политико-психологическом и политико-культурном аспектах. Авторский подход к исследуемой проблеме позволил дать уточненное определение термина «политический менталитет», описать и проанализировать структурный характер данного явления.

3. Автором впервые были эмпирически изучены когнитивные компоненты политического менталитета жителей Дагестана – политические ценности и представления.

4. Сравнительный анализ среди жителей Дагестана и дагестанцев, проживающих в столице России позволил автору впервые выявить и описать

влияние фактора среды на формирование ценностей и представлений одной и той же этнической группы.

Основные положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Анализ теоретических источников показал, что политический менталитет – это комплексная фундаментальная категория, отражающая национальную специфику большой социальной общности, имеющая тесные связи с политической культурой и наряду с ней выражающая политические установки, представления и идеалы через систему идей, ценностей и представлений, формирующаяся в массовом национальном политическом сознании в периоды первичной и вторичной социализации.

2. Проведенный анализ эмпирических данных показал, что в обеих исследованных группах респондентов сформирован относительно однородный политический менталитет. Данные результаты позволяют говорить о том, что основные характеристики политического менталитета передаются от поколения к поколению в результате социализации, а некоторые его специфические черты определяются под воздействием факторов той «среды», в которой она происходит.

3. Политические ценности в структуре менталитета респондентов обеих групп и во всех исследованных поколениях идентичны и относительно стабильны. Формы проявления указанных ценностей в виде системы политических представлений основаны на различных смысловых (когнитивных) конструкциях. Они подвергаются существенной трансформации в двух направлениях: временном (поколенческом) и пространственном (региональном).

4. Диссертантом была выявлена как поколенческая специфика (различия политических представлений дагестанцев, социализировавшихся в разный период), проявляющаяся в том, что:

- граждане, прошедшие первичную политическую социализацию в период существования стабильного СССР, подсознательно стремятся к

социалистическому ренессансу, ввиду чего их представления проходят через призму ностальгических воспоминаний, они все политические и иные события современности стремятся сравнить с теми, что происходили в СССР, и зачастую придают последним «романтическое» позитивное значение;

- граждане, прошедшие первичную политическую социализацию в период существования нестабильного СССР, демонстрируют вектор «постоянного сомнения», их представления осторожны, зачастую не имеют четких и ясных границ, но границ не смысловых (смысловое содержание политических образов у данной группы имеется), а оценочных. Данная категория населения не может объективно оценить значимость происходящих изменений, четко соотнести их с позитивными и негативными тенденциями;

- граждане, прошедшие первичную политическую социализацию в Российской Федерации, демонстрируют наличие системы политических представлений, которые можно охарактеризовать как искаженные или аморфные. В их представлении все политическое – это «неправда», «не для людей», и оценивается ими в основном негативно. Образование таких взглядов у данной группы населения объясняется тем фактом, что они социализировались в одном из проблемных регионов страны, а также в период пика обострения социально-экономической и политической обстановки.

5. Региональная специфика (различия политических представлений дагестанцев, постоянно проживающих в Дагестане, и дагестанцев, переехавших в Москву, после прохождения первичной социализации в Дагестане):

- у первой группы политические представления основаны на патриархальных и традиционных ценностях, имеющих коллективистский оттенок. Представления в полной мере отражают региональную специфику: о политике федерального масштаба респонденты знают немного; интерес к этой сфере в среднем низкий; в региональной политике они более заинтересованы, а представления о ней проходят сквозь призму обыденного сознания и обретают оттенки национальной и религиозной культуры ислама;

- у второй группы политические представления более детализированы. В отличие от первой группы, вторая четко понимает двухкомпонентный характер политической сферы: во власти показаны федеральный и региональный уровни. Политические представления данной группы характеризуются следующими особенностями: они часто носят радикальный характер, проявляющийся в форме отрицания дагестанской идентичности или же наоборот ее намеренного подчеркивания.

6. Изменчивые факторы, влияющие на политический менталитет обуславливает трансформацию политических представлений:

— для дагестанцев, постоянно проживающих в Дагестане, они привели к возникновению нескольких систем политических представлений, среди которых можно выделить следующие: представления архаического этнического ренессанса, представления архаического религиозного ренессанса, нигилистические (отрицающие действительность) представления (особая форма которых - атеистический коммунизм), отщепенческие представления;

— для дагестанцев, переехавших в Москву, после прохождения первичной социализации в Дагестане, они привели к «культурному шоку» в различных его формах: *конфронтация со средой*, проявляемая через демонстративное празднование национальных и религиозных праздников, ношение типичной одежды и прочей символики, демонстративное проигрывание этнической музыки в общественных местах, исполнение национальных танцев; *ассимиляция со средой*, проявляемая через отрицание культурного размежевания, игнорирование культурной идентичности, пренебрежение национальными и религиозными праздниками, типичной одеждой и прочей символикой; *культурная автономия*, проявляемая через комплементарное, взаимодополняемое сотрудничество с представителями «инокультурной» среды, при этом бережное сохранение собственной культурной идентичности; и наиболее полярная форма – *агрессивное отрицание своей этнокультурной принадлежности*.

Научно-практическая значимость исследования. Полученные результаты исследования могут быть использованы для разработки учебных курсов гуманитарных наук различных направлений, а также могут выступить основанием для государственных органов федерального и регионального уровня при разработке более эффективных социальных и экономических программ.

Апробация результатов исследования. Основное содержание и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Основные идеи и выводы диссертационной работы были опубликованы в «Вестнике Томского государственного университета», в «Вестнике Московского университета», в журнале «Информационные войны» и представлены автором в докладах и сообщениях на российских¹ и международных конференциях².

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на 6 параграфов, заключения, библиографии и приложений.

¹ VI Всероссийский конгресс политологов "Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия" (2012), «Ломоносов 2013»

² «Citizens and Leaders in a Comparative Perspective: What can political psychology and political socialization research tell us about recent trends and events» (2012),

ГЛАВА I. Теоретические основания исследования ценностей и представлений в структуре политического менталитета

1.1. Исследования политического менталитета в социально-гуманитарных науках

В настоящее время проблема «политического менталитета», содержательное наполнение данной категории недостаточно изучены в научной литературе политико-культурной направленности. Существует определенный информационный вакуум по данной проблеме: очень мало работ, посвященных комплексному анализу политического менталитета. Однако данная тематика актуализируется в современных исследованиях, и как следствие – обостряется полемика вокруг самого концепта «политический менталитет», ведется поиск его унифицированных определений. Возросший интерес к данному явлению во всех социально-гуманитарных науках указывает на то, что существует необходимость использования данного термина в социально-политических исследованиях.

Отсутствие общепринятого определения данной категории, употребление её в разных социально-политических областях, порождает ряд проблем, решение которых требует изучения научной литературы. Анализ современных научных исследований показал, что термин «политический менталитет» встречается в научных трудах и публицистике чаще всего без конкретного научного объяснения и обоснования его специфики и дефиниции, что усложняет их изучение и понимание. Данное применение указанной категории привело к тому, что ученые в своих работах стали разделять понятия «менталитет» и «ментальность».

Отечественный исследователь Р.А. Лубский считает, что наличие множества значений термина «менталитет» не является следствием существования разнообразных методов его исследования – это результат отсутствия желания у исследователей вывести из множества существующих

определений одно комплексное¹. Систематизация и введение унифицированной дефиниции осложнены неоднозначностью определения и многокомпонентностью указанного понятия.

Большая популярность понятия «менталитет» также в отечественной научной литературе объясняется поликультурностью и многонациональностью России. На данный факт указывает исследование Д.В. Полежаева², подчеркивающее, что употребление понятия «менталитет» обосновано задачей обособления социальной группы, которая может быть образована на культурных и исторических различиях. Именно это, с точки зрения ученого, делает его распространенным в отечественной науке и в общественном сознании³. При исследовании российского общества возникает необходимость выделения социальных групп по культурному признаку и по признаку исторического генезиса.

В настоящее время термины «менталитет» и «политический менталитет» прочно вошли в общественно-политический дискурс, транслируются национальными средствами массовой информации, ретранслируются общественным сознанием разных социальных групп. Все это происходит на фоне динамических изменений современного общественного российского сознания, обладающего такими современными чертами трансформационных процессов, как фрагментарность, плюрализм, разрозненность и влияние на него массы ситуативных и объективных факторов. Указанные факторы особенно определяют необходимость обращения массового сознания к основополагающим парадигмам миропонимания. Однако и в этом процессе наблюдается отсутствие единства мнений: в общественном сознании

¹ Лубский Р.А. Политический менталитет: Методологические проблемы изучения и российские реалии: Дис.... канд. филос. наук. Р/на-Дону, 1999

² См.: Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». Волгоград, 2003; Полежаев Д.В. Русский менталитет: социально-философское осмысление. Волгоград, 2007.

³ См.: Полежаев Д.В. Национальное сознание и ментальность личности // Этнонациональные ценности в условиях глобализации: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Махачкала, 25-26 сентября 2008 г.) / Отв. ред. М.И. Билалов. Махачкала, 2008;

«менталитет» используется скорее для определения того, что с трудом объясняется с позиции других распространенных понятий, таких как «политическая культура», «национальный характер», «сознание» (например, о менталитете говорят, когда объясняют странности, особенности мышления, поведения и т.д.). Именно в этом и заключается сложность концептуального определения понятия «политический менталитет», раскрытие его содержания и выделение определяемых структурных элементов.

Отмеченная выше объективная проблема отсутствия единообразного научного понимания менталитета требует изучения и систематизации логических и эпистемологических предпосылок исследуемого феномена, рассмотрения различных подходов к его трактовке и влечет необходимость выведения комплексного понятия в рамках данной работы.

Как отмечают исследователи, слово «менталитет» происходит от латинского корня «менс», что означает «ум»¹. Примерно в XIV в. это слово было преобразовано в прилагательное «mentalis», которое обозначало «принадлежность к уму, рассудку, разуму». Несколько позднее, в английский язык вошло существительное «менталити», которое переводится как «склад ума, мышление»². Сделав анализ французской публицистики, У. Раульф³ пришел к выводу, что изначально слово «менталите» использовалось в обыденном языке. Данные подходы к определению основ происхождения исследуемого понятия свидетельствуют о том, что латинское слово «mens» перенималось европейскими языками, а в ходе развития языков смысл, изначально заложенный в слове, трансформировался. Отметим, что в современных зарубежных научных текстах

¹ См.: Лубский Р.А. Политический менталитет: Методологические проблемы изучения и российские реалии: Дис. ...канд. филос. наук. Р/на-Дону, 1999

² См.: Кусов В.Г. Категория ментальности в социологическом измерении // Социологические исследования. 2000. № 9; Лесная Л.В. Интерпретация, понятия менталитета в российских и зарубежных источниках // II Всероссийский социологический конгресс «Российское общество и социология в XX веке: социальные вызовы и альтернативы». М., 2003.

³ Раульф У. История ментальностей. К реконструкции духовных процессов. Сборник статей. М., 1995. С. 14.

редко встречается термин «менталитет»: он заменяется другими схожими понятиями «культура» и «сознание».

Особо важную роль в изучении менталитета сыграла французская школа «Анналов». В частности, исследованием менталитета занималась группа ученых под руководством М. Блока и Л. Февра¹. Необходимо отметить, что фактически этот термин встречался и у других исследователей, например, считается, что в научный оборот термин менталитет был введен американским философом Р. Эмерсоном².

Изначально изучение менталитета проходило в русле биологической науки и особенности сознания рассматривали на основе генетических различий. Первым термин при изучении социально-психологических явлений употребил французский психолог и культуролог Л. Леви-Брюль³, который описывал особенности этносов и других социальных групп.

Несмотря на то, что термин «менталитет» имеет более чем вековую историю, в современной науке его понятие размыто. Данный факт вызван отсутствием понятийного аппарата для системного анализа взаимоотношений между социальной и духовной сферой, последняя из которых объединяет культурные и психические компоненты. В связи с этим, исследование феномена политического менталитета невозможно без рассмотрения различных подходов, в рамках которых необходимо сформулировать понятийный аппарат. Важно выделить ключевые понятия в виде переменных в системе установленной иерархии, включающей множество значений (последнее необходимо для учета социальной и исторической динамики менталитета, так как они составляют модификации и трансформации смыслов).

¹ См. подробнее: *Ревель Ж.* История ментальностей: опыт обзора // Споры о гласном. М.: Наука, 1993.

² История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.

³ *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 2012.

При изучении политического менталитета мы опираемся на три **научных подхода**:

- политико-культурный;
- политико-психологический;
- комплексный.

Исследованиями в рамках **политико-культурного подхода** занимались такие ученые, как Г. Алмонд, Т. Парсонс, Э. Шилз, С. Верба, Л. Халман, П. Эстер, В. Рукавишников, К. Ленк, Г. Моргентау, Н.Л. Подвойская, В.В. Козловский, В.В. Рожанский, А.Я. Гуревич¹ и другие. Особенностью предоставленного направления является отождествление политического менталитета с политической культурой и политической идеологией.

Помимо политического менталитета политическая культура включает и другие компоненты – политическое мировоззрение, политическое поведение, политический идеал, политические установки и политические традиции. Эти феномены важны, так как в своей основе отражают разного рода ориентации, установки, национальные мифы, стереотипы общества.

В рамках политико-культурного подхода при изучении политического менталитета ученые пытаются определить, почему гомогенные по своей сущности социально-политические компоненты по-разному реализуются у представителей различных народов, или же в силу каких причин те или иные

¹ См. подробнее: *Almond G., Verba S. The civic Culture Revisited. Boston, Toronto, 1980; Parsons T., Shils E. Toward a General Theory of Action. N.Y.: Harper & Row, 1964; Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М.: «Совпадение», 1998; Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П., Рукавишникова Т.П. Россия между прошлым и будущим. Сравнение показателей политической культуры 22-х стран Европы и Северной Америки // Социс. 1995. №5; Рукавишников В.О. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М., 1998; Подвойская Н.Л. Политический менталитет // Элитология: Энциклопедический словарь. / Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ. 2013; Подвойская Н.Л. Политический менталитет как категория политической науки // Научный потенциал регионов на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей / Под общ. ред. В.А. Гутмана, А.Л. Хаченяна. Астрахань: ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2013. № 1(4) и другие.*

рациональные компоненты оказываются дееспособными в одних социокультурных условиях и совершенно неприемлемыми в других.

При этом понимание особенностей рассмотрения политического менталитета в рамках данного направления невозможно без рассмотрения трактовки понятий «политическая культура» и «политическая идеология» в зарубежной и отечественной политической науке.

Среди ученых отсутствует единое мнение в определении политической культуры. Наиболее удобная систематизация подходов представлена в работах Н.Л. Подвойской¹, которая выделила в западной науке два подхода к определению политической культуры – это определение политической культуры в традициях Г. Алмонда (политическая культура как совокупность ориентаций и предпочтений на политическую систему) и рассмотрение политической культуры как элемента политического поведения (политическая культура – это психологические особенности и поведенческие шаблоны больших социальных групп в политической сфере).

В рамках первого подхода работали Г. Алмонд и С. Верба, которые в работе «Гражданская культура и стабильность демократии»² ввели определение указанной категории, ведя исследование в таком же направлении теории как Т. Парсонс и Э. Шилс³. Они приводят такую градацию политических ориентаций:

¹ См.: Подвойская Н.Л. Политический менталитет // Элитология: Энциклопедический словарь. / Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ. 2013; Подвойская Н.Л. Политический менталитет как категория политической науки // Научный потенциал регионов на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей / Под общ. ред. В.А. Гутмана, А.Л. Хаченьяна. Астрахань: ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2013. № 1(4); Подвойская Н.Л. Комплексный характер взаимовлияния политической культуры и политического менталитета // Социально-психологические вызовы современного общества. Проблемы. Перспективы. Пути решения: материалы II Международной заочной научно-практической конференции. Брянск: «Курсив», 2013.

² Almond G., Verba S. The civic Culture Revisited. Boston, Toronto, 1980; Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. №4

³ Parsons T., Shils E. Toward a General Theory of Action. N.Y.: Harper & Row, 1964.

1. познавательные ориентации – представления о политической системе, ролях, лидерах, институтах и то, что система берет из окружения «на входе» и что отдает «на выходе»;

2. эмоциональные ориентации – чувства, возникающие относительно политической системы;

3. оценочные ориентации – слух, мнения, стереотипы о политических субъектах и в целом о политической системе¹.

Данный подход, представленный Г. Алмондом, характеризуется отсутствием в структуре политической культуры поведенческого компонента и свидетельствует о слиянии понятий «политической культуры» и «политического менталитета».

Первым ученым в западной политической науке, который выделил поведенческий компонент, как одну из составляющих компонентов политической культуры, был Р. Такер².

В отечественной науке в рамках первого подхода работают Ю.С. Пивоваров, Э.Я. Баталов, О.Ю. Малинова. Анализ отечественной литературы выявил, что политическая культура рассматривается как совокупность социальных норм и моделей политического поведения, которые характеризуются политическими ценностями, предпочтениями, установками и т.д. Большое значение при этом отдается ценностному ядру, то есть универсальной системе ценностей формирующихся в ходе социализации.

Во многом отождествление политической культуры и политического менталитета в рамках рассматриваемого подхода происходит в ракурсе теории социализации личности, в силу чего выделяют два основных слоя политической культуры:

- архетипические образцы поведения, нормы и правила общественной жизни, которые человек воспринимает как данность;

¹ Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963.

² Tucker R. Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N.Y.-L., 1987.

- приобретенные ценности, ориентации, смыслы, которые являются результатом целенаправленного, сознательного воздействия – воспитания или самовоспитания личности.

Еще один ракурс проблемы, которую необходимо рассмотреть – это отождествление политического менталитета с политической идеологией. В зарубежной политической науке исследуемый нами феномен рассматривается как «теневая структура». При этом большинство исследователей в рамках политико-культурного подхода, указывая на очень тесную связь этих явлений, все же предпочитают не отождествлять ментальное и идеологическое. Возможное объяснение заключается в том, что в зарубежной политической литературе идеология рассматривается как система идей и ценностей, которые формируют определенные политические доктрины. Поэтому термин «политический менталитет» не может, как синоним, заменить термин «политическая идеология», поскольку не несет в себе того содержательного контекста, которым нагружено последнее понятие.

В основном в зарубежной научной литературе политическую идеологию отождествляют с политикой в целом и политическим поведением, для которого определяющую роль играет политический менталитет, представляющий собой систему ценностей, сформированную конкретной политической культурой. Так, в понимании Г. Маргентау и К. Ленка, политическая идеология – это система ценностей и идей, которая обосновывает существующую политическую систему социально-политический порядок¹.

В отечественной научной литературе в рамках политико-культурного подхода обозначен четкий научный водораздел между понятиями политической идеологии и политического менталитета. При этом внимание акцентируется на том, что часть компонентов политической идеологии, то есть политические ценности, политические установки, входят в систему политического

¹ См.: Ленк К., Маринг М. Ответственность и глобализация // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: В 5 тт. Москва, 24-28 мая 2005 г.; Morgentau H. Politics among Nations. N.Y., 1967.

менталитета¹. Исследователь В.В. Козловский, например, отмечает, что идеология является составной частью менталитета, который, в отличие от формирования идеологии под воздействием интеллектуального влияния политических элит, вырабатывается в ходе исторического развития под воздействием определенных устойчивых факторов. Транслируемые идеи политической идеологии он рассматривает как ценностный компонент менталитета, являющийся результатом принуждения, поскольку это «интеллектуальное насилие, санкционированное властью ради осуществления собственных целей»².

В отечественной науке принято политическую идеологию рассматривать как систему упорядоченных политических ценностей и идеалов, которые в отдельных случаях могут быть поддержаны официальными властями с учетом ментальной предрасположенности общества³. В связи с этим возникает необходимость учитывать взаимосвязь феноменов политического менталитета и идеологии, и особенно тот факт, что от специфики менталитета народа в целом или его отдельной социальной группой зависит выбор формы воспринимаемой идеологии.

Данные выводы позволяют подтвердить и обосновать представления А.Я. Гуревича о существовании разных видов «ментальностей»⁴, различия которых зависят от особенностей социальной категории: ученый выделяет национальную, религиозную, этническую ментальность⁵.

¹ См.: Иванов В.Н., Назаров М.М. Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования // Социально-политический журнал. 1998. № 2.

² Козловский В.В. Понятие ментальности в социологической перспективе / В.В. Козловский // Социология и социальная антропология. СПб., 1997.

³ См.: Коваленко В.И., Костин А.И. Политические идеологии: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1997. №2; Волков Ю.Г. Идеология в социально-политической жизни // Политическая социология. Ростов-на-Дону. 1997.

⁴ Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1., М., 1989,

⁵ См. подробнее: Рожанский М. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989.

В целом в рамках политико-культурного подхода менталитет рассматривается как стабильная структура и представляет собой глубоко укорененные в сознании культурные компоненты, которые могут частично быть изменчивыми.

Другой подход к пониманию политического менталитета представлен в рамках **политико-психологических исследований**, которые рассматривают его в контексте концепции политического сознания и подчеркивают, что психосфера менталитета включает неосознаваемые установки, мотивы, потребности, страхи, влечения - как индивидуальные, так и коллективные, массовые. Представителями политико-психологического подхода в отечественной науке являются Е.Б. Шестопал, Л.Н. Пушкарев¹, А.А. Горский², А.Я. Гуревич и другие.

Недостаток данного подхода состоит в том, что нет единой точки зрения на определение политического сознания. Зарубежные исследователи говорят в основном о компонентах политического сознания – представления, установки, убеждения, знания, а также используют идентичные политическому сознанию понятия³.

Термин «политическое сознание», в первую очередь, распространен в отечественной политической науке, в рамках которой представлено два подхода к его пониманию. Согласно одному из них политическое сознание включает исключительно осознанные компоненты психики и представляет собой совокупность когнитивных представлений и знаний о социально-политической сфере общества. Данная гипотеза основывается на семантической природе данной категории.

В рамках другого подхода в структуре политического сознания выделяются осознанные (рациональные) и бессознательные элементы. Данное понимание

¹ *Пушкарев Л.Н.* Понятие «менталитет» в современной зарубежной историографии / Л.Н. Пушкарев // *Российская ментальность: методы и проблемы изучения*. М., 1999; *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? (Исторические заметки) // *Отечественная история* 1995. №3.

² *Горский А.А., Пушкарев Л.Н.* Предисловие // *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.)*. М., 1994.

³ *Reinerman C.* *American States of Mind*. New-Haven-L., 1987.

предопределяет рассмотрение данной категории как совокупность осознанных, бессознательных, рациональных, аффективных образов и норм, которые регламентируют социально-политические отношения и легитимируют политическую власть¹.

Политический психолог Е.Б. Шестопа́л в структуре исследуемой категории выделяет две группы элементов: мотивационные (чувства, ценности, потребности, установки) и познавательные (знания о политической реальности, интерес к политике, информированность и т.д.). Представленная структура менталитета является условной, так как на деле оба эти блока элементов взаимосвязаны². Она подчеркивает, что различия между понятиями «политическое сознание» и «политический менталитет» не существует, то есть данные понятия тождественны и обозначают один и тот же политико-психологический феномен.

И.К. Пантин³ в структуру политического менталитета включает историческую память народа и культурные стереотипы. Однако эта теория недостаточно разработана и имеет ряд недочетов: не представлена и не проанализирована сущность памяти народа, не определены ее структурные компоненты, а также не исследованы ее функции и особенности влияния на поведение людей.

Еще один отечественный научный подход рассматривает менталитет через категорию повседневного массового сознания как «систему символов, закрепляющихся в массовом сознании в процессе общения с представителями своей социальной группы»⁴. Указанные символы служат идентификационной основой каждого члена группы, создавая единые социально-политические условия для общества в целом. В ходе социализационных процессов в

¹ См.: Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий. М., 1993

² См.: Шестопа́л Е.Б. Политическая психология. Москва 2010.

³ См.: Пантин И.К. Проблема самоопределения России // Вопросы философии. 1999. № 10; Пантин И.К., Плимак Е.Г. Драма российских реформ и революций. М.: Весь мир, 2000.

⁴ Лубский А.В. Политический менталитет и легитимность политической власти // Политический менталитет. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Ростов-на-Дону, 1996.

определенной социальной среде человек перенимает общепринятые политические ценности и представления.

Л.Н. Пушкарев и А.А. Горский переводят смысл понятия «менталитет» как «мировосприятие» и «самосознание»¹. Мировосприятие в их понимании – это процесс восприятия окружающего социального мира, в ходе которого формируется картина окружавшего социального мира. Самосознание, с позиции ученых, – осознание своей роли и своего места в окружающей социальной среде. Таким образом, менталитет структурно состоит из мировосприятия и осознания.

Третий, **комплексный, подход** рассматривает анализируемый политический феномен обособленно, не отождествляя его со схожими политическими категориями, но при этом учитывая коренную связь с ними. В таком ракурсе политический менталитет рассматривается как категория, являющаяся результатом компиляции отличительных черт политического сознания отдельной социальной группы, пересечения понятий «менталитет» и «ментальность». В рамках данного направления работают такие ученые, как Н.М. Ракитянский, А.В. Лубский, Р.А. Додонов, В.Е. Семенов, И.В. Кондаков и др.

Исследователи анализируют и рассматривают проблемы ментальности при взаимосвязи с такими концептами, как национальный характер, национальное сознание, душа народа.

Так, анализируя и классифицируя имеющиеся современные дефиниции менталитета, отечественный ученый Р.А. Додонов² пришел к выводу, что все исследователи сходятся во мнении: менталитет – это особенности сознания определенной социальной группы, обусловленные историческим развитием народа.

¹ Горский А.А., Пушкарев Л.Н. Предисловие // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.). М., 1994.

² См.: Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье, 1998.

Н.М. Ракитянский, считая, что «менталитет – это особенности сознания определенной социальной группы»¹, дает определение менталитета как «глубинных, вековых инвариантов национального характера, ценностей, архетипических представлений, идеалов жизни народа». В основу политического менталитета он ставит «догмат как некую истину *a priori*»². Эта истина принимается на веру, в дальнейшем ей дается рациональное обоснование. На основе догм строится поведение и деятельная направленность человека. В соответствии с этим подходом, менталитет не отождествляется с сознанием, а обуславливает особенность коллективного сознания, поскольку осознанные его элементы неразрывно связаны с областью коллективного бессознательного.

В этом же русле работает и российский философ и культуролог И.В. Кондаков, определяющий менталитет как глубоко укоренившиеся национально-культурные структуры, сформированные в ходе исторического развития народа³. Эти структуры обуславливают национальную и этническую особенность менталитета, которая мало подвержена аксиологической трансформации, даже, несмотря на изменения в развитии общества.

В рамках данного подхода встречаются исследования менталитета, с точки зрения которых, менталитет – совокупности представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы⁴.

В.Е. Семенов, опираясь на представление о том, что Россия – страна специфическая и уникальная в своем социально-экономическом и политико-ментальном плане и характеризуется «переплетением» множества культур, конфессий и взглядов, отрицает возможность применения одной концепции

¹ Ракитянский Н.М. Категории сознания и менталитета в контексте феномена политической полиментальности// Стратегическая стабильность. 2012. № 3.

² Указ. сочинение.

³ Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.

⁴ Манекин Р.В. Контент-анализ как метод исследования истории мысли. Опыт количественного исследования итальянских текстов эпохи Возрождения (Поджо Браччолини) // Клио. 1991. №1.

политического менталитета для определения социально-политической жизни всей страны. В связи с этим он вводит в научный оборот понятие «полиментальность», которое обозначает «наличие нескольких менталитетов в их сложном взаимосуществовании и взаимодействии»¹.

Его концепция, на наш взгляд, является наиболее подходящей для России, так как более точно определяет российскую социально-политическую действительность.

Данные научные изыскания в рамках комплексного подхода позволяют говорить о существовании политических субментальностей, которые представляют собой систему установок и ориентаций относительно политической сферы, основанных на ценностях определенной социальной группы. Можно сделать вывод, что каждой субкультуре свойственен свой субменталитет.

Рассмотрение данных подходов подчеркивает необходимость выработать наиболее объективный, многоаспектный подход к рассмотрению феномена политического менталитета, учитывающий научное наследие всех рассмотренных социально-гуманитарных школ. Наше диссертационное исследование в соответствии с поставленными задачами позволяет объективно компилировать и преобразовать достижения научных школ. Так как изложенные выше подходы к изучению феномена политического менталитета имеют свои понятийные аппараты, основанные на разнообразии типов, масштабов и изменчивости компонентов, в нашей работе необходимо использовать сквозные системы понятий, которые возможно применить при исследовании структурных моделей менталитета и вывести его рабочее понятие.

Отметим, что существует множество **структурных моделей** менталитета, имеющих философский, социальный, культурологический контекст. Однако одной из задач нашего исследования является наиболее широкий и объективный анализ всех существующих в социально-гуманитарном знании подходов к

¹ Семёнов В.Е. Российская полиментальность и умонастроения современной молодежи // Молодежная политика XXI века (Материалы Всероссийской ювенологической конференции). СПб., 1999.

проблеме политического менталитета. В связи с этим, мы систематизировали его модели.

Согласно первой модели (политико-культурной) политический менталитет имеет «послойную структуру»:

- первый слой: партикулярная культура (бессознательный уровень);
- второй слой: адаптивная возможность культуры локальной общности (рефлексивный уровень);
- третий слой: общественная национальная культура;
- четвертый слой: метанациональный слой (этнокультурные ориентации вовне).

Согласно второй модели (политико-психологической) в структуре политического менталитета можно выделить два блока компонентов:

- рациональный;
- бессознательный.

Согласно третьей модели политический менталитет включает:

- политические ценности;
- политические представления;
- политические образы;
- политические установки;
- социально-политическую (национально-государственную или гражданскую) идентичность.

Рассмотрим каждую модель структуры политического менталитета более детально, учитывая вариативность структур в подходах различных исследователей.

Анализируя смысловую структуру понятия «политический менталитет» согласно первой модели, коррелирующей с политико-культурным подходом, И.В.

Мостовая и А.П. Скорик дифференцируют политический менталитет на «слои»:¹ первый слой – партикулярная культура – язык, ментально-символическое пространство, то есть все то, что формируется в ходе социального взаимодействия между «своими» внутри малой социальной группы; второй слой – традиции, обычаи, распространенные на уровне нескольких социальных групп; третий слой политического менталитета – элементы национальной культуры, на основе которых формируются единые политические представления; четвертый слой – это национальная идея, направленная на внешний политический мир.

Согласно рассматриваемой модели доминирующий «слой» в менталитете определяет культурные корни, «социогенную матрицу» анализируемой социальной группы.

Изучение политического менталитета согласно второй модели, коррелирующей с политико-психологическим подходом, представлено в работах Н.Л. Подвойской². Политолог дополнила структуру политического менталитета, включив, помимо рационального и бессознательного, поведенческий компонент, который взаимосвязан с рациональной составляющей.

В своих изысканиях исследователь пришла к выводу, что сознательные структуры рационального компонента и поведенческий компонент, обусловленные во многом политической культурой – динамичны и активны. Динамичность данных компонентов в структуре менталитета обусловлена многими факторами, оказывающими диверсификационное влияние.

¹ Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1994, № 4.

² См.: Подвойская Н.Л. Политический менталитет // Элитология: Энциклопедический словарь. / Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ. 2013; Подвойская Н.Л. Политический менталитет как категория политической науки // Научный потенциал регионов на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей / Под общ. ред. В.А. Гутмана, А.Л. Хаченьяна. Астрахань: ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2013. № 1 (4); Подвойская Н.Л. Комплексный характер взаимовлияния политической культуры и политического менталитета // Социально-психологические вызовы современного общества, Проблемы. Перспективы. Пути решения: материалы II Международной заочной научно-практической конференции. Брянск: «Курсив», 2013.

Бессознательные структуры в отличие от рационального и поведенческого компонента устойчивы, консервативны и импульсивны. Они незаметны в стабильной обстановке, но при возникновении социокультурных «катаклизмов» и при смене социокультурной среды активизируются. Подобный эффект американский ученый К. Оберг назвал «культурным шоком»¹. Объясняя поведение переселенцев, он показал, что новая культурная среда для человека является стрессом и переживанием, в связи с чем происходит активация бессознательных компонентов, вызванная сменой социокультурной среды. Каждая культура выработала множество символов и образцов, стереотипов поведения, с помощью которых человек может автоматически действовать в разных ситуациях. Когда человек оказывается в условиях новой культуры, привычная система ориентаций становится неадекватной, поскольку она основывается на других представлениях о мире, иных нормах и ценностях, стереотипах поведения и восприятия.

Согласно третьей модели анализ структуры политического менталитета, соотносящийся с комплексным подходом, представлен в работах Н.А. Баранова² и А.В. Лубского³. Ученые связывают политический менталитет с опытом повседневной жизни, который находит свое отражение в поведении индивида, социальной группы. Согласно их теории политический менталитет включает в себя политические ориентации, политические представления и политические установки.

Н.С. Розов⁴, исследуя ментальную динамику, в рамках понятийного аппарата третьей модели выделил габитусы, характерные для разных индивидов,

¹ Oberg K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environment // Practical Anthropology. 1960. № 7.

² Баранов Н.А. Демократия и российская ментальность // Ментальность этнических культур. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 9-10 июня 2005 г. СПб., 2005.

³ Лубский А.В. Политический менталитет и легитимность политической власти // Политический менталитет. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Ростов-на-Дону, 1996.

⁴ Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1998.

социальных групп, которые можно рассмотреть как устойчивую структуру следующих установок:

- познавательные установки – фреймы (когнитивные структуры для схематизации опыта);
- ценностные установки – символы (принимаемые религиозные, морально-этические константы и/или идеологические святыни, идеи, идеалы, ценности);
- установки самовосприятия – идентичность (представления человека о своем месте в социальном окружении);
- поведенческие установки – стереотипы практик поведения (управляющие психические структуры, программирующие социально поведение).

Ученый приходит к выводу, что каждая группа обладает разнообразием габитусов, но в этом разнообразии всегда имеются инварианты, которые в совокупности являются менталитетом.

В целом рассмотренные модели анализа политического менталитета позволяют определить его как комплексную фундаментальную категорию, отражающую национальную специфику большой социальной общности, имеющую тесные связи с политической культурой и наряду с ней выражающую политические установки, представления и идеалы через систему идей, ценностей и представлений, формирующуюся в массовом национальном политическом сознании в периоды первичной и вторичной социализации. Политический менталитет, как и политическая культура, отвечают за зарождение, сохранение и воспроизводство национальных политических ценностей, которые в свою очередь определяют поведенческие рамки нации (политическую идеологию). Мы выводим проблематику политической идеологии за рамки основного определения, опираясь на следующее умозаключение: идеология (система идей) может в различные исторические периоды находиться в состоянии кризиса, преобразования, раскола, первичного зарождения или разрушения, но утверждать при этом, что возможно исчезновение менталитета, мы не можем (хотя не отрицаем возможности его трансформации).

Относительно возможности трансформации политического менталитета мы предполагаем, что эффект «культурного шока», описанный во второй структурной модели, оказывает прямое влияние на изменение (искажение) некоторых элементов политического менталитета, таких, как политические представления и образы, политические установки и политическая идентичность. Это происходит в силу разочарования в адекватности собственной культуры, осознания факта отсутствия в ней признаков универсальности, столкновения со сложностями во взаимодействии с носителями «другой» культуры, трудностями, связанными с преодолением недоброжелательного, опасливого к себе отношения. Такой «шок» может привести к проявлению крайности в поведении по причине острой необходимости выбора между принятием новой картины мира (ассимиляцией, интеграцией) или принятием мер к самосохранению, вытеснению негативных чувств, связанных с дезадаптацией (сегрегацией, обособлением). В состоянии фрустрации, «культурного шока» человек может проявить крайности в своем поведении.

Выводы по параграфу 1.1.

В результате подробного анализа генезиса понятия «политический менталитет» мы пришли к следующим выводам:

1. Категория политического менталитета чрезвычайно сложна для анализа (что не должно останавливать исследователя в его научно-теоретическом поиске) и на данном этапе развития политической науки представляется актуальной в силу того, что часто используется при описании политико-культурных феноменов. С учетом специфики нашего диссертационного исследования и преодоления размежевания взглядов на «политический менталитет» в социально-гуманитарном знании, мы сгруппировали все подходы в три блока: политико-культурный, политико-психологический и комплексный;

2. Политический менталитет подобен политической культуре, но данные феномены не являются тождественными понятиями, потому что в структуру политического менталитета не включен поведенческий компонент. Однако

политический менталитет детерминирует политическое поведение, что позволяет говорить о взаимозависимости и взаимовлиянии этих двух феноменов. В связи с этим исследование политического менталитета целесообразнее всего проводить в рамках комплексного подхода, придерживаясь определения менталитета как особенности определенной социальной группы;

3. Наиболее точно содержание политического менталитета в рамках нашего понимания отражает структурная модель, включающая следующие компоненты: политические ценности (лично и общественно значимые), политические представления, политические образы, политические установки и социально-политические идентичности (их территориально-региональные пределы, масштабы и иерархическая структура). Особое значение при этом имеет присутствие субъекта в ситуации «культурного шока» либо в стабильной, привычной и устойчивой социокультурной ситуации;

4. Политико-психологический подход существенно дополняет и детализирует политико-культурный, привнося в понятие менталитета совокупность наиболее распространенных внутри массового политического сознания большого сообщества осознанных или неосознанных когнитивных структур – идеалов, ценностей и принципов, а также мировоззренческих установок, поскольку в этом случае можно говорить об этническом (аварский менталитет), региональном (дагестанский менталитет), национальном менталитетах (российский менталитет) и их соотношении.

5. Было сформулировано авторское определение «политического менталитета» основанное на синтезе его трактовок, существующих в социально-гуманитарном знании (в рамках комплексного подхода). ***Политический менталитет*** – это комплексная фундаментальная категория, отражающая национальную специфику большой социальной общности, имеющая тесные связи с политической культурой и наряду с ней выражающая политические установки, представления и идеалы через систему идей, ценностей и представлений,

формирующаяся в массовом национальном политическом сознании в периоды первичной и вторичной социализации.

1.2. Ценности и представления в структуре политического менталитета

Основу политического менталитета, связанного с опытом, политической жизнью индивида, являющего в определенной степени отражением социально-психологического состояния субъекта (этноса, социальной группы, индивида), составляют присущие каждой конкретной социальной группе установки, ценности, нормы, стереотипы, воспроизведенные в системе представлений. Выделение бинарных элементов (ценности, носящие как осознанный, так и неосознанный характер, и представления о политической реальности) политического менталитета позволяет построить его многомерную модель и лучше выявить особенности отдельных социальных общностей граждан, определить устойчивые образования, которые в наименьшей степени подвержены изменениям, а также динамические и склонные к диверсификации.

В связи с этим необходим теоретико-методологический анализ разработанных научных концепций и подходов к изучению политических ценностей и представлений.

В первую очередь необходимо провести фундаментальный обзор трудов, посвященных проблеме «**ценность**». Наблюдаемое в современной России, да и во всем мире, разногласие между этническими, политическими, религиозными и другими социальными группами предполагает под собой наличие разных систем ценностей и ценностных ориентаций. Ценности человека обусловлены его социальным происхождением и основаны на его ментальных и мировоззренческих особенностях.

На протяжении продолжительного периода категория «ценность» в научных кругах являлась предметом изучения различных дисциплин: эстетики,

философии, политологии, социологии, культурологии и др. Исследования данных областей позволили выработать большой пласт теоретических знаний, подробный анализ которого в нашем диссертационном исследовании не может быть проведен. Поставленные исследовательские задачи предопределили сосредоточение внимания на комплексном представлении основных трудов и этапов изучения понятия «ценность».

Исследования по изучению социальных ценностей в настоящее время составляют основную базу научных изысканий, которая является фундаментом для осуществления масштабных исследовательских проектов по изучению политических ценностей – они порождаются и вытекают из социальных ценностей. Данные выводы обусловлены двумя факторами. Во-первых, политическая жизнедеятельность относится к числу видов социально-значимой деятельности, тем самым любая политическая активность изначально рассматривается и как социальная. В настоящее время ряд исследователей склонны все чаще заострять внимание на тенденции расширения политической среды, экстраполируя ее на многие направления человеческого бытия. Так, по справедливому мнению Л.И. Лазебного, любая проблема социальной жизни общества может обрести политическую окраску в случае, если решение такой задачи, так или иначе, зависит от взаимоотношений с властными структурами¹.

Во-вторых, любая ценность (политическая, этическая, правовая), направленная на регулирование поведения человека в обществе, является социальной по своему происхождению.

В различных политологических дисциплинах термин «политическая ценность» используется наравне с совокупностью таких понятий, как «идеал», «интерес», «цель», «политическая установка», «политическая социализация», «политическое сознание» и др. Но в отличие от них политические ценности непосредственным образом влияют на регулирование поведения субъектов в обществе и жизнедеятельности в политической сфере в целом. Это определяет

¹ Лазебный Л.И. Политическое сознание отражение, регуляция, ценности. М.: Знак, 1999.

функциональную природу этих ценностей. Данные выводы позволяют определять ценности как абстрактные и сверхличностные феномены, не детерминированные сознанием отдельного человека.

Однако в современной системе социально-гуманитарного знания отсутствует единое мнение относительно природы политических ценностей. Например, профессор В.Н. Шилов, анализируя различные определения термина «политические ценности», существующие в современной научной литературе, делает вывод, что данная категория не имеет единой смысловой нагрузки и, по его представлению, взаимосвязана с политическими идеалами (свобода, выбор, справедливость и т.п.), наличием общественных политических институтов и различными политическими кампаниями (выборы, война, революция)¹. Такой подход к определению понятия приводит к вариативности взглядов и концепций в отечественных и зарубежных исследованиях.

Классификация, в наибольшей степени соответствующая целям нашего диссертационного исследования, представлена в работах политолога А.В. Селезневой, которая условно разделила все подходы на утилитаристский, политико-психологический и социально-психологический².

В рамках **утилитаристского подхода** ценности рассматриваются как определенные характеристики, присущие психике индивида (работы западных философов Дж. Дьюи³, Р.Б. Перри⁴). По мнению Дж. Дьюи ценности воспроизводятся от общих к частным на основе всей сознательной деятельности человека, его опыта и навыков, мировоззрения. Представитель неореализма Р.Б. Перри видел в ценности «объект соответствующего интереса», при этом сам интерес складывался из таких элементов, как инстинкт, чувства, эмоции.

¹ См.: Шилов В. Н. Политическая аксиология. Монография. Белгород, 2005.

² См.: Селезнева А.В. Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России// Политическая психология. Хрестоматия. /Под ред. Шестопа Е.Б. М., 2010.

³ См.: Дьюи Д. Возрождающийся либерализм Текст. / Д. Дьюи // Полис. 1994. №3. С. 32-38; Дьюи Д. Свобода и культура / пер. с англ. Л. Машковского. Лондон, 1968; Дьюи Д. Этика демократии // Полис. 1994. №3.

⁴ Perry R.B. General Theory of Values. N.Y., 1926.

К представителям **политико-идеологического подхода** относятся исследования М. Рокич, Ш. Шварц и др.

В рамках указанного направления исследования М. Рокич разработал психологическую теорию, выделив две большие группы ценностей: терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства), состоящие из 36 ценностей (по 18 в каждой группе)¹. Первая группа, например, включает в себя здоровье, развитие, активный образ жизни. К инструментальным же ценностям относятся честность, терпимость, самоконтроль. Инструментальные ценности относятся к «моделям поведения», тогда как терминальные включают желаемые состояния. Данный подход стал наиболее распространенным в рамках изучения ценностных ориентаций, а также позволил применять составленные исследователем тесты на иерархию для подробного описания психологического типа личности.

Однако недостатками концепции М. Рокича являются отсутствие рабочей теории структуры ценности и анализ только отдельных, частных ценностей. Систематизация же, обобщающая все человеческие ценности, была предложена его последователем Ш. Шварцем². Он ввел новую классификацию ценностей, присутствующих во всех социальных группах, выделяя 10 типов, которые включали индивидуальные ценности специфические для конкретной группы. Стремясь исследовать межкультурные различия в ценностях, ученый старался выявить и описать их универсальную структуру. Ученый развивал теорию, выделяя типы ценностей, которые должны присутствовать во всех человеческих обществах.

В другом русле исследования политических ценностей работали представители **социально-психологического подхода**, представленного работами таких ученых, как А. Маслоу, Г. Оллпорт, Р. Инглхарт и др.

¹ См.: Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y., 1973.

² Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values. In M. P. Zanna (Ed.), Advances in experimental social psychology (Vol. 25, pp. 1-65). New York: Academic Press, 1992.

Согласно концептуальной модели американского психолога А. Маслоу феномен ценности ассоциируется с проблемой удовлетворения потребностей и процессом человеческого выбора. И если на вопрос о статусе этих ценностей А. Маслоу дает категоричный ответ: «выбранные ценности и есть собственно ценности»¹, то сам акт их выбора подчинен иерархии человеческих потребностей, вершину пирамиды которой составляет потребность в самореализации. Более того, он рассматривает термины «потребность» и «ценность» как синонимичные, о чем свидетельствует анализ его работы «На подступах к психологии бытия»². В связи с этим деление ценностей согласно анализируемой концепции детерминировано делением потребностей: если удовлетворение базовых потребностей приводит к обнаружению и реализации общечеловеческих ценностей, то, соответственно, удовлетворение «профилирующих» потребностей ведет к закреплению и реализации таких же «профилирующих» ценностей.

Приведенная выше цитата А. Маслоу о «выбранных ценностях» в определенной степени перекликается с теорией Г. Оллпорта, в соответствии с которой ценности мыслятся как категории внутреннего характера («личностные смыслы»). В противоположность им существуют «категории знания», концентрируемые во внешних наслоениях человеческого сознания. Однако при определенных обстоятельствах и с течением времени происходит трансформация «категорий знания» в «личностные смыслы», и подобного рода процесс именуется Г. Оллпортом «функциональной автономией»³.

Для зарубежного ученого ценностные ориентации формировались посредством выявления основных интересов или мотиваций личности: теоретических, экономических, эстетических, социальных, политических и религиозных. Особое внимание он уделял когнитивной установке, с которой связывал свое видение ценностей, упорядочивание и систематизация

¹См.: Маслоу А. Психология бытия. М., Киев, 1997.

²Маслоу А.Г. На подступах к Психологии Бытия / пер. с англ. / под общ. ред. О. Чистякова. М.: Рефл-бук. К.:Ваклер; М.: Смысл, 1997.

³См.: Оллпорт Г. Личность в психологии. СПб., 1998.

накопленных человечеством знаний о мире – это основное направление, призвание, основная ценность индивида. Что касается политического типа личности, то наивысшими ценностями, по мнению Г. Оллпорта, являются стремление к власти, соревнование и борьба.

Опираясь на научные разработки указанных исследователей, американский социолог Р. Инглхарт¹ предложил иную концепцию природы, определения и содержания человеческих ценностей в рамках социально-психологического подхода. В его работах показана целостная теоретико-методологическая концепция изучения собственно политических ценностей, которая нашла практическое подтверждение в ходе проведенных исследований в 43 странах. В основе теории Р. Инглхарта лежит теория иерархии человеческих потребностей, разработанная А. Маслоу, где потребность – психическое явление, отражающее нужды человека, как биологического существа и нужды человека, как члена обществ (социальные потребности)². Согласно данному подходу разнообразные человеческие потребности имеют иерархическую структуру, представленную в виде нескольких уровней, составленных таким образом, при котором удовлетворение потребностей более высокого уровня невозможно без удовлетворения потребностей низового уровня.

Рассмотренные нами зарубежные теоретические концепции позволяют проанализировать соотношение потребностей и политических ценностей. Опираясь на разработки ученых, мы можем говорить о том, что потребности являются детерминантой всей жизнедеятельности человека, направленность реализации которых определяется системой ценностей, в то время как ценности ориентируют их на конкретную цель, которая уже сама по себе является ценностью и служит для удовлетворения потребности. Потребности присущи всем людям и являются биологической основой сознания, они единообразны, в то время как ценности варьируются в силу социального происхождения человека и

¹ *Inglehart R. The silent revolution. Princeton: Princeton University Press, 1977; Inglehart R. Cultural shift in advanced industrial society. Princeton: Princeton University Press, 1990.*

² См.: *Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.*

зависят от его менталитета. Причем каждая социальная группа обладает своей системой ценностей – идеями о совершенствовании социально-политической формации, в которой ее представители смогли бы удовлетворить свои потребности.

Данные научные изыскания в определенной степени прослеживаются и в работах отечественных исследователей в области социологии и психологии. Их теоретической основой являются работы Г. Оллпорта в переработке Д.А. Леонтьева¹, выделившего формы существования ценностей, особенности которых заключаются в переходе одной формы в другую:

- общественные идеалы (ценности массового сознания);
- предметное воплощение общественных идеалов;
- мотивационные структуры личности (индивидуальные ценности).

Кроме этого ученый выделяет ценностные ориентации, ценностные стереотипы и ценностные идеалы, являющиеся структурными компонентами ценностных представлений.

В рамках социальной психологии существует точка зрения, согласно которой трактовка политических ценностей сводится к «формам сознания» или же «пустым формам»², которые в зависимости от складывающейся в тот или иной период исторической обстановки имеют разное по наполненности идеолого-мировоззренческое содержание. Представленная позиция основана на том, что ценности являются содержательным базисом любой идеологии, политических программ, манифестов, различных мифологем. При этом такие фундаментальные ценности как свобода, справедливость, как указывает Н. Щербинина, выступают в качестве идеологической базы программных документов разных политических партий, то есть универсальные ценностные категории носят своего рода «обслуживающий» характер в отношении любой идейно-политической доктрины.

¹ Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.

² См.: Щербинина Н. Г. Ценности, миф и лидер как символические политические формы // Проблемы политических ценностей в условиях трансформации режима: Научный ежегодник Томского МИОН / Под. ред. А.И. Щербинина. Томск, 2004.

Данный политико-психологический контекст исследования проблематики политических ценностей позволяет, опираясь на работы А.В. Селезневой¹, выделить в них два уровня:

- общественный, который рассматривается как выработанные в сознании определенной социальной группы обобщенные представления о совершенстве политической сферы;
- личностный – когнитивные критерии в сознании личности, определяющие ее отношение к политическим процессам, явлениям и событиям.

Помимо рассмотренных подходов к изучению политических ценностей, можно выделить еще и **политико-культурный подход**, особенностью которого является рассмотрение политических ценностей как одной из составляющих компонентов («ядро») политической культуры². Среди ученых, исследующих политические ценности в рамках данного подхода, можно выделить таких отечественных ученых, как А.В. Попов, Л.А. Зуева, В.М. Сергеев, Н.И. Бирюков и др.³.

Данный подход основывается на концептуальных разработках М. Вебера, который ввел понятие «ценности» в социологию первоначально как некую методологическую предпосылку для изучения явлений общественной жизни, а позднее трансформировал его применение для объяснения специфических особенностей культурной среды. Рассматривая саму культуру как составляющий элемент ценности, ученый объясняет соотношение ценностей и их влияния на познавательную деятельность тем, что лишь малая часть происходящей действительности имеет значение для человека, только она обусловлена теми ценностными идеями, которые обнаруживают в себе связи, являя соотнесенность

¹ Селезнева А.В. Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России// Политическая психология. Хрестоматия. / под ред. Шестопал Е.Б. Москва, 2010. С. 179-188.

² См.: Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии: Учеб. Пособие. М., 1995

³ Попов А.В., Зуева Л.А. Ценности в политике // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 1.; Бирюков Н., Сергеев В. Демократия и соборность: кризис традиционной политической культуры и перспективы российской демократии// Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995.

с ценностными идеалами.¹ На основе ценностей М. Вебер осуществлял и выбор материала для изучения культурной действительности: указанное соотнесение необходимо, поскольку ценности определяют механизмы восприятия социальной сферы целой эпохи.

Сами ценности не являются некой абстракцией, а носят конкретный исторический характер, что предполагает их изменение в зависимости от существующих в определенный исторический отрезок времени настроений в обществе и идейных установок. За пределами же определенного исторического периода ценности не представляют собой какой-либо силы, их жизнеспособность завершается с «уходом» конкретного исторического периода.

Для понимания сущности политико-культурного подхода интересны также работы таких классиков американской социологии, как У. Томас и Ф. Знанецкий. В основе их концепции лежит представление о том, что существуют два вида компонентов социальной теории – объективные культурные компоненты общественного устройства и индивидуальные параметры членов социальной группы, предопределяющие социальные ценности и личностные установки. Причем в их понимании ценность – это каждый факт, обладающий способностью быть воспринятым той или иной социальной группой, являющийся объектом деятельности или который может стать таковым в дальнейшем. Всякая ценность, в рамках такого подхода, будет иметь значение лишь тогда, когда она успешно применяется в отношении всех видов человеческой деятельности, при этом установка понимается как «феномен индивидуальной ментальности, определяющий активность человека в социальной среде в зависимости от обстоятельств»², то есть «индивидуальный двойник общественной ценности».

Такая трактовка категорий не позволяет выявить четкую взаимосвязь между ценностями и установками. На этот факт обращает внимание С. Фельдман,

¹ См.: Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Он же. Избранные произведения. М., 1990.

² Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1. Second edition. N.Y., 1927.

подчеркивая, что невозможно понять, при каких ситуациях установки выступают ценностями¹. Таким образом, мы можем отметить некоторые аспекты, требующие особенного рассмотрения. Так, политические установки, которые структурированы ценностями, могут не демонстрировать простую одномерную структуру. К тому же многие теоретики утверждают, что ценности существуют не в изоляции, а в виде систем. Дополнительным аспектом, который необходимо учитывать, выступает то, что ценности также должны быть вне системы политических установок, так как если ценности будут подвергаться значительному влиянию со стороны установок, то будет сложно рассматривать первые как основу организации последних. Большинство исследований по влиянию ценностей на политические установки полагает, что именно различие в ценностях вызывает различие в политических установках. Лучший способ определить причинно-следственную связь между ценностями и политическими установками — это проанализировать большое количество эмпирических данных, но, к сожалению, у нас такая возможность отсутствует.

Рассматривая особенности формирования ценностей, определяемые в рамках политико-культурного подхода, мы будем опираться на работы отечественных исследователей. А.В. Попов и Л.А. Зueva в статье «Ценности в политике»² выдвинули предположение, что ценности имеют три исходных формы существования:

- ценности как идеалы понимания должного и благого;
- ценности как выражение результатов материальной культуры и отдельных человеческих поступков;
- ценности как результат процесса интериоризации, когда ценности прочно оседают в психической структуре человека.

¹ *Feldman S. Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes // Oxford Handbook of Political Psychology. 2003.*

² *Попов А.В., Зueva Л.А. Ценности в политике // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2000. № 1. С.4.*

Другие исследователи, В.М. Сергеев и Н.И. Бирюков¹, выделяют три уровня политических ценностей: на первом находится собственно «картина мира», на втором располагаются политические ценности, на третьем уровне присутствует операциональный опыт.

По их мнению, ценности представляют собой «сложную систему, относящуюся к социальной онтологии и служит для дескрипции и обоснования социальной ситуации, т.е. ценности являются критериями для присвоения ситуациям статуса приемлемости или неприемлемости»². Ценности, являясь вторым компонентом в структуре сознания и первым в структуре менталитета, отталкиваются от имеющихся политических представлений. Если политические представления – это групповые знания об объективной социально-политической конъюнктуре, то политические ценности – это совершенный социально-политический идеал. Таким образом, политические ценности и политические представления являются разными сторонами одной «монеты»: с одной стороны – условно объективный социальный мир, с другой стороны – идеальный мир, своего рода, утопия.

В целом, опираясь на понимание ценности как когнитивного компонента в структуре индивидуального и массового сознания, мы можем выделить следующие её характеристики:

- двойственная психосоциальная природа (с одной стороны – ценности социальные, так как обусловлены опытом в связи с положением человека в обществе, воспитанием, с другой стороны – индивидуальные, поскольку в них сосредоточен жизненный опыт отдельного индивида);
- возникновение в процессе политической социализации индивида;

¹ Бирюков Н., Сергеев В. Демократия и соборность: представительная власть в традиционной российской и советской политической культуре //Общественные науки и современность. 1995. № 6; Бирюков Н.И., Сергеев В.М. «Соборность» как парадигма политического сознания// Полис. 1997. № 3.

² Sergeev V., Biryukov N. Russia's Road to Democracy, Parliament, Communism and Traditional Culture. Brookfield, Vermont, 1997. P.12.

- детерминация и обусловленность социально-историческим состоянием в конкретный период;
- немногочисленность и статичность, изменения в них возможны в периоды социокультурных кризисов¹;
- составляют ядро политического сознания личности;
- носят стереотипизированный характер;
- характеризуются своей абстрактностью, отвлеченностью и иерархической упорядоченностью.

Таким образом, политические ценности выступают первичной производной в сравнении с установками и представлениями, которые в свою очередь подвергаются структурированию благодаря ценностям.

Проведенный анализ понятия ценности, понимание его роли, содержательного наполнения и места в структуре политического менталитета, позволяет нам перейти к рассмотрению еще одной его составляющей – **«представления»**. Исследователи отмечают, что каждая социальная группа обладает свойственным только ей комплексом представлений, в том числе и политических, которые определяют характерное отношение к окружающей политической, социальной, экономической, культурной действительности.

Политические представления – это одна из форм социальных представлений с присущей ей спецификой, обладающая при этом всеми характерными чертами социальных представлений. Такое понимание сущности политических представлений определяет выбор методологической основы их исследования – теории социальных представлений.

По мнению психолога К. Абрика представление является совокупностью мнений, установок, верований и информации, имеющих отношение к объекту или

¹ Селезнева А.В. Методология исследования политических представлений и ценностей // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. № 2. 2011. С.42-45.

ситуации, которые обусловлены ролью субъекта, а также социальной системой, в которую данный субъект вовлечен¹.

Для другого исследователя, Д. Жоделе, социальные представления – это модальности практического познания, имеющие целью осмысление социального, материального и идеального (духовного) окружения.²

Рассматривая проблемы отношений в определенном социальном пространстве, В. Дуаз определил социальные представления как некие принципы формирования отношения личности к различным ориентирам. При этом особое внимание он обращает на необходимость исследования взаимосвязи социальных представлений и динамики социальных отношений, а не только на описание содержания представлений.³

В целом, изучение «представления» как научного понятия отличается множественностью подходов и толкований. Каждое направление исследований при изучении конструкта политических представлений делает акценты на различные аспекты исследуемого явления: рассматривает его в контексте конструирования социальной реальности; встраивает новое понятие в уже существующую систему; представляет как пятое «квази-измерение» объективного мира и т.д., Условно их можно систематизировать в три группы:

- социально-конструктивистский подход;
- политико-психологический подход;
- структурный подход.

Первый подход, разработанный в рамках теории конструктивизма, фокусируется на представлениях как продукте коллективного конструирования в процессе социального общения.

¹См.: Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологические подходы / Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1997.

² См.: Jodelet D. Representation sociale: phenomenes, concept et theorie// Moscovici (S). Psychologie sociale. Paris, PUF, 1984.

³ См.: Дуаз В. Явление анкеровки в исследованиях социальных представлений // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1.

В рамках данного подхода можно выделить несколько направлений. Одно из них – сосредоточение на исследованиях проблематики «языка» как ключевого инструмента построения образа мира. Представителем данного подхода является К. Леви-Стросс¹, анализирующий роль языка как системы символов и знаков, с помощью которой можно проследить структуру социальных отношений.

Другую особенность языка показывают исследования П. Бергера и Т. Лукмана, выдвинувших тезис, что «члены различных социальных групп воспринимают как должное наличие различных социальных «реальностей»². Под реальностью в этом случае понимается качество, присущее феноменам, которые отложились в сознании человека и от которых он не в состоянии освободиться. В результате фундаментом конструирования подобной реальности становится язык – «выразитель» общепризнанного различными слоями общества опыта и сохраненного комплекса коллективных знаний.

В этом же направлении работает К. Герген³ и его теория социального конструкционизма, базирующаяся на представлении, что социальное действие выражает собой некий заверченный текст, существующий в различной интерпретации, исходя из направленности самого действия. Тем самым, социальное действие, представленное в широком диапазоне интерпретаций, одновременно способствует формированию самих интерпретаций в форме текста, действий и пр.

Другое направление в рамках теории социального конструктивизма акцентирует внимание на «дискурсе» – общем принципе структурирования представлений о мире. Так, в исследованиях Э. Геллнера⁴ на первый план выходит анализ понятия «разделяемой» культуры, семантико-смысловое значение которой близко понятию «воображаемого сообщества», предложенного Б.

¹ См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: «Наука», 1983.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

³ Герген К. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М., 1995.

⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991

Андерсоном¹. Точка зрения Э. Геллнера состоит в том, что осознание индивидом или социальной группой своей культурной принадлежности к какой-либо общности является ключевым этапом в формировании национальной идентичности. Схожая концепция представлена в работах Э. Хобсбаума², чье отношение к «воображаемому» как фундаменту национальной идентичности отражается в теории национального сознания.

Особенным в исследованиях представленных авторов является тезис об общей роли дискурса в процессе структурирования социальных представлений об окружающей действительности. Реальность они понимают в качестве инструмента, формирующего эти представления, которые, в свою очередь, отражаются в рамках указанного выше дискурса, без которого затруднительно понимание процесса создания образа реальности.

В рамках второго, политико-психологического, подхода следует выделить представителей школы психоанализа З. Фрейда, К. Юнга и других³, согласно которым социальные представления лежат в плоскости понимания бессознательных структур и носят, как следствие, мифологический характер, на что указывали Э. Кассирер, М. Элиадэ, Р. Барт⁴.

В числе отечественных специалистов, занимающихся проблематикой политических представлений в рамках политико-психологического подхода, следует выделить концепцию, разработанную под руководством Е.Б. Шестопал⁵.

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998.

³ См.: Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. М.: Марани, 1991; Юнг К.Г. Человек и его символы/пер. с англ. СПб.: Б.С.К., 1996; Юнг К.Г. Тавистокские лекции: исследование процесса индивидуализации /пер.с англ. М.: Рефлбук; Киев: Ваклер, 1998.

⁴ Кассирер Э. Философия символических форм. В 3-х т. М.; СПб.: Университетская книга, 2002; Элиадэ М. Аспекты мифа. М.: Академ. проект, 2000; Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989; Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.

⁵ См. подробнее: Блинов В.В. Политико-психологический анализ консервативной идеологии в современной России. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2007; Молчанова О.А. Политическая социализация в современной российской школе (политико-психологический анализ). Дис. ...

Данная модель анализа социальных и политических представлений рассматривает их исключительно как феномен группового (коллективного) характера, поскольку только в этом случае можно утверждать, что представители тех или иных социальных групп являются носителями этих представлений¹.

Е.Б. Шестопап предлагает структурировать совокупность политических представлений как систему, состоящую из политических ценностей (ядро) и собственно представлений и образов (периферия). Эти представления формируются в рамках политической социализации и характерны для конкретного социально-исторического контекста, в котором они протекают. Соответственно исследовательские интересы специалистов по политической психологии сконцентрированы на анализе институтов политической социализации, непосредственно формирующих политические представления (семья, школа, СМИ и др.).

Деулина О.Ю.², продолжая разрабатывать теорию Е.Б. Шестопап, выделила следующие механизмы формирования политических представлений, которые детерминируют их содержательные структуры и требуют, соответственно, адекватного подхода к их конструированию и корректировке:

- механизм идентификации;
- механизм стереотипизации;
- механизм категоризации.

канд. полит. наук. М., 2007; *Пищева Т.Н.* Трансформация представлений о политических лидерах в постсоветской России // Психология политической власти: Науч. докл. Саратов, 2004. *Медведева С.М.* Влияние социальной памяти россиян на их представления об идеальной власти // Психология политической власти: Науч. докл. Саратов, 2004.

¹ Образы власти в постсоветской России. Монография. Под ред. *Е.Б. Шестопап*. М. 2004.

² В целом, выделенные в работе Деулиной О.Ю. механизмы, изучались в рамках исследований социальной перцепции и социальной идентичности (У. Липпмана, К. Коэна, С. Фиске, С. Нейберга, Дж. Тернера и других), однако целостный анализ влияние указанных механизмов на формирование именно политических представлений был представлен в работе указанного политолога. См. подробнее: *Деулина О.Ю.* Политические представления в предвыборных материалах современных российских парламентских партий (сравнительный анализ избирательных кампаний 2003, 2005 и 2007 гг.). Дис. ...кан.пол.наук. М., 2011.

Данное понимание проблемы, особенно выделяемые механизмы идентификации и стереотипизации, позволит нам более детально исследовать политические представления в структуре политического менталитета. Это связано с тем, что стереотип возникает на основе упрощенного, некритичного восприятия объекта, способствует функционированию традиций и привычек. Стереотипы делят мир на две противоположные части – «знакомое» и «незнакомое». Они не нейтральны и всегда содержат в себе оценочный элемент – объект предстает окрашенным или положительно, или отрицательно, но никогда не бывает нейтральным. Еще С.Е. Тейлор¹ подчеркивал, что социальные стереотипы обозначают категории, целью которых является распределение людей по различным социальным группам, способствуя снижению сложности социальной информации. Благодаря стереотипам происходит упрощение межличностного взаимодействия в рамках социальных групп, наиболее полно отражаются составляющие элементы социальных представлений, улучшается возможность управления поведением социальной группы. Содержание стереотипа, в то же время, не всегда объективно отображает характеристику того или иного явления, так как он связан непосредственно с субъективными представлениями и ценностными установками людей.

Последний, третий структурный подход, к пониманию «представлений» представлен французской психологической школой под руководством С. Московичи, в рамках которой были разработаны структура социальных представлений и этапы их формирования.

Указанные исследования опираются на понимание представлений как отражение некоего типа реальности, с которой человек связан в повседневной жизни. Социальное представление также означает способность восприятия новых фактов и явлений и имплементацию их в привычную картину мира. В целом, представления являются основой для объяснения и обоснования индивиду

¹ См.: Taylor S.E., Fiske S., Etcoff N., Ruderman A. Categorical and contextual bases of person memory and stereotyping // Journal of Personality and Social Psychology. 1978. № 36.

окружающей социальной действительности. Формирование же групповых представлений, по мнению С. Московичи, происходит за счет двух процессов – закрепления (процесс присоединения того или иного образа, идеи к категориям человеческой жизнедеятельности) и объективации (своеобразный переход абстрактного содержания в конкретное и более доступное для понимания человеком понятие).

Данное понимание проблемы позволило выделить основные формы существования социальных представлений – это процесс массовой коммуникации и дискурс, посредством которых они обретают всеобщий характер.

С. Московичи выдвигает гипотезу, что человек ощущает потребность адаптировать под себя те или иные социальные представления с целью минимизации возможных отклонений и создания непротиворечивой и соответствующей его представлениям картины мира. Поэтому они выступают как формирующий реальность фактор для индивида и/или группы. Для понимания сущности социальных представлений исследователь выделил их структуру, состоящую из следующих элементов¹:

- информация (совокупность необходимых для фиксации представлений знаний об объекте);
- поле представления (определяет контентное наполнение представления);
- установка (выражение отношения человека или группы лиц к происходящим событиям или явлениям повседневной действительности; причем данный компонент присутствует только в том случае, когда поле представления недостаточно информировано или носит нечеткую структуру).

Позднее представленная структура подверглась пересмотру со стороны Ж.-К. Абрика, выделившего:

- центральное ядро (связано с коллективной памятью, определяет гомогенность группы, не очень чувствительно к контексту);

¹ *Московичи С.* От коллективных представлений - к социальным // Вопросы социологии. 1992. №2.

– периферическая система (обеспечивает интеграцию опыта, поддерживает гетерогенность, подвижна и чувствительна к контексту)¹.

Ученый подчеркивает, что «ядро» состоит из нескольких ключевых элементов, генерирующих основное значение представлений и формирующих всю структуру. Эти элементы имеют исторические и идеологические корни и предопределены существующим согласием в отношении их в конкретной группе. Периферийные системы, являющиеся гибкой частью конструкции и не обязательно разделяемые группой, получают императивы от руководящих принципов центрального ядра к конкретной ситуации и конкретным случаям. Благодаря своей гибкости, данный элемент защищает содержимое центрального ядра от противоречий со стороны окружения: при возникновении ситуации-«вызова» части периферийной системы активизируются и пытаются оправдать, обосновать противоречия. Таким образом, периферия функционирует как «бампер» для центрального компонента.

Данную концепцию дополнили научные изыскания П. Молинер², согласно которым центральные элементы имеют два отличительных свойства:

– во-первых, они обладают символическим значением в отношении социального объекта, им важно сохранить свою идентичность;

– во-вторых, наличие ассоциативной мощности центральных элементов, которые могут быть связаны между собой, в то время как периферийные элементы связаны с меньшим из них.

Выводы по параграфу 1.2.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. В контексте соотношения социально-политических представлений и ценностей в структуре политического менталитета, последние могут быть определены как сумма индивидуальных ценностей представителей конкретной

¹ *Abric J.-Cl.* Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // *Papers on social representations*. 1993. V. 2. №. 2.

² *Moliner P.* Les méthodes de repérage et d'identification du noyau des représentations. In C. Guimelli (Ed). *Structures et transformations des représentations sociales*. Paris: Delachaux et Niestlé, 1994.

группы: они выступают как «общий знаменатель» этой совокупности. Социальные ценности появляются как всеобщие принципы существования повседневного человеческого и общественного бытия и, после завершения определенных социально-исторических этапов, конструируются и наполняются различной идеологической риторикой, что приводит к трансформации социальных ценностей в политические. В то же время данные компоненты политического менталитета принимают преимущественно устойчивый характер и плохо поддаются трансформации.

2. Второй структурный элемент – политические представления, определяемые как совокупность знаний социума о политической жизни общества, выраженных в интерпретации политических категорий, объектов и явлений, напротив, поддаются смене и трансформации в течение жизни граждан под влиянием исторических (социокультурных, политических) процессов. Специфика данного компонента политического менталитета тех или иных социальных групп позволяет дифференцировать и идентифицировать социальные общности: соотносить индивидов с общностью на основе единства представлений. А наличие в структуре политических представлений устойчивого ядра и изменчивой периферии позволяет четко проследивать поколенческие и пространственные трансформации политического сознания.

3. Формирование групповых представлений, в том числе политических, происходит посредством закрепления (присоединения нового образа к уже существующему) и объективации (перехода от абстрактного и непонятного значения к конкретному и понятному). Выделение данных механизмов важно для правильного построения модели исследования, так как демонстрирует необходимость выявления и анализа не только политических представлений в чистом виде, но и ряда иных социальных представлений, а также фиксации ценностей, которые эти представления выражают. Данные гипотетические изыскания необходимы для возможности исследования того, какие представления

являются первичными, а также анализа трансформационных изменений под воздействием различных внешних факторов.

4. Опираясь на наше синтезированное определение политического менталитета, в основе которого лежат ценности, установки и идентичности, выражающиеся через представления, формирующиеся в массовом национальном политическом сознании в периоды первичной и вторичной социализации, мы можем говорить о том, что тождество политического менталитета проистекает из общих социально-политических условий, в которых происходит формирование политического сознания. Единообразие менталитета при таком рассмотрении проявляется в способности его носителей наделять одинаковым смыслом одни и те же происходящие в стране и мире политические события, то есть одинаковым образом интерпретировать их с помощью существующих установок, ценностей, идеологических ориентаций. В то же время, следует предположить, что неоднородность, разнообразие менталитета, наоборот, обусловлено различием указанных условий.

1.3. Факторы, влияющие на формирование политического менталитета дагестанских народов

Политический менталитет и его структурные компоненты выступают в определенной степени отражением внутреннего мира народа, который, как показывают исследователи, обусловлен его географическим расположением, обычаями, традициями, состоянием духовной культуры, религией, в том числе состоянием его политической культуры¹.

¹ См. подробнее: Политология: словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин [и др.]. М., 2001; *Подвойская Н.Л.* Концепт политического менталитета в американской политологии второй половины XX века. Дис. ...канд. полит. наук. М., 2009; *Полежаев Д.В.* Национальное сознание и ментальность личности // Этнонациональные ценности в условиях глобализации:

Отечественные научные исследования позволяют проанализировать и классифицировать по разным параметрам специфические факторы, влияющие на политический менталитет жителей Дагестана. Например, Г.Г. Гасанов¹ подразделяет их на:

- официальные (политические институты власти, должностные лица, СМИ, школа, семья и др.);
- неофициальные (от различных культурных автономий до неформальных референтных групп).

Другой подход, разработанный политологами МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Е.Б. Шестоपाल², позволяет выделить устойчивые и изменчивые факторы, влияющие на формирование политического менталитета народов. Данная классификация представляется наиболее точной и раскрывающей суть изучаемого феномена. Опираясь на представленную классификацию, дополнив ее комплексом факторов, влияющих на формирование политического менталитета дагестанских народов, нами была разработана следующая схема, в которой выделено два основных блока факторов:

– **Устойчивые факторы:**

- а) историко-культурный фактор (специфические традиции, обычаи; клановость; многовековое влияние восточной цивилизации и т.д.);
- б) этнический фактор (полиэтничность);
- в) конфессиональный фактор (уже более трехсот лет повсеместный ислам);
- г) территориально-географический фактор (особенности природного ландшафта – проживание на равнине и в горах; тройное пограничье – *цивилизационная граница* между Европой и Азией, *религиозная граница* между

мат-лы Всерос.науч.-теоретич. конф. (г. Махачкала, 25–26 сентября 2008 г.) / отв. ред. М.И. Билалов. Махачкала, 2008 и другие.

¹ Гасанов Г.Г. Политическое сознание молодёжи и этнополитическая ситуация в Республике Дагестан. Дисс. ...кан.пол.наук. М., 2010

² См. подробнее: Усманова З.Р. Становление общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа (политико-психологический анализ). Дисс. ...кан. пол. наук. М., 2013.

православием, исламом и иудаизмом, а еще и граница с буддийской Калмыкией, *внешняя политическая граница* со странами СНГ - Грузией и Азербайджаном, а по морю с Ираном и Туркменией, *внутренняя регионально-административная граница* с Чечней, Ставропольским краем и Калмыкией).

– **Изменчивые факторы:**

а) постсоветские политические трансформации («хаос девяностых годов», систематическая смена власти, слабая власть, подверженная внутриэтнической и межэтнической борьбе за «количество» власти, смена способов прихода к власти регионального руководителя – выборы, назначение президентом РФ и др.);

б) социально-экономическая и демографическая трансформация (рост социального расслоения и связанных с этим процессом противоречий, высокий уровень безработицы, нагрузка на госаппарат в сфере профессиональной занятости, низкий уровень развития региональной экономики, которая опирается почти полностью на коммерческий сектор, рост рождаемости при недостаточности ресурсов для обеспечения необходимого уровня жизни и др.);

в) культурно-образовательная трансформация (отток русского населения, формальный ренессанс архаического традиционализма – жизнь по адатам, обычаям, исламизация, наличие практик непосещения общеобразовательных школ с заменой их на медресе, общее снижение качества и престижа образования);

г) терроризм (конфессиональный экстремизм, этнический сепаратизм, действия организованных бандформирований, преследующих групповые политические и экономические цели – рэкетирство, давление на неполиитизированный бизнес и т.д.).

Представленная система факторов не является исчерпывающей: кроме вышеуказанных, можно также выделить традиционную семью, быт и т.д., но все многообразие факторов, так или иначе, подразумевается в предложенной нами схеме. Рассмотрим более подробно каждый блок факторов.

Устойчивые факторы

Историко-культурный фактор. Традиции и обычаи, как коренные элементы национальной культуры, сложившиеся исторически, выступают источником самосознания, являясь выразителем национальных чувств народа (менталитета). Содержанием последней является психологическая сторона жизни национального общества, определяемая как общность социально-психологических качеств всех представителей этноса.

Безусловно, традициям и обычаям в жизни народов Дагестана всегда отводилась значительная роль, именно поэтому нарушение обычаев преследовалось гораздо строже, чем нарушение законов, установленных государством¹. А проходящие в настоящее время изменения в обычаях и традициях затрагивают материальные или социально-экономические аспекты жизнедеятельности, не трансформируя их смысловых основ.

В целом, как верно подчеркивает М.М. Магомедханов², Дагестан представляет собой исторически единое социокультурное пространство, характеризующееся формированием и установлением городскими и сельскими общинами традиций сосуществования, результатом которого служило и служит сохранение своей национально-культурной идентичности.

Такое национальное самосознание может усилить консервативность традиций и обычаев и закрепить их как неписаный закон. Этот процесс может быть обусловлен:

– стремлением противостоять влиянию инноваций, воспринимаемых как разрушение национальной культуры или отрицание ее бытия. Данные тенденции

¹ См.: *Асваров Н.А.* Молодежь Дагестана: особенности и процесс формирования правосознания и правовой культуры на современном этапе // Режим доступа: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2013/Istoria/2_126185.doc.htm (свободный, дата обращения 25.02.2015); *Джамалова Э.К., Гуруев Д.К.* Некоторые проблемы формирования правосознания и правовой культуры молодежи в Республике Дагестан // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. Вып. 2; *Сагидов А.М.* Обычаи и традиции в правовой системе Республики Дагестан. Дис. ...канд.юрид.н. М., 2008

² *Магомедханов М.М.* Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.: ООО «ДИНЭМ», 2008. С. 166.

могут вызвать психологическую скованность представителей общины и проявиться в излишней агрессивности в отношениях с другими этносами, а также выработать установку на исключительность народа;

– пропагандой местного национализма или шовинизма. В ситуации постепенного снижения значимости традиций под влиянием глобализационных процессов, национальное самосознание начинает искать обоснование необходимости своего сохранения в представлениях о собственной исключительности. Например, табасаранцы (один из народов Дагестана) считают себя исключительным народом, ввиду наличия в их языке свыше 40 падежей¹. А кумыки считают, что практически все народы мира имеют генетическую и культурную связь с кочевыми тюркскими народами, к которым относятся и они сами². Подобные суждения, особенно при обладании крайне узкой картиной мира, основанной на бытовом и мифологическом мировосприятии, могут превратиться в убеждения о собственной уникальности и неповторимости. Для пропаганды местного мелкого национализма, подпитывающего соперничество народов Дагестана за лидирующие позиции в политике, экономике, культуре используются факты из истории, породившие национальных героев. Национальные герои предстают, как правило, как символ борьбы за независимость от всевозможных угнетателей (например, имам Шамиль и события Кавказской войны), а их образы символизируют гордость за свой народ и ненависть к народу-поработителю.

Еще одним историко-культурным фактором выступает «психология горца», которая по мнению исследователей, в частности А. Дибирова, формировалась и утвердилась под влиянием обычаев родной общины, которые имели целью

¹ См. подробнее: Табасаранский язык // Электронный ресурс «Википедия». Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%81%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA (свободный, дата обращения 12.03.2015)

² См. подробнее: Алиев К. Проблема происхождения кумыков в советской идеологии и историографии // КНКО: Вести. 2001. Вып. № 5.

сохранение внутреннего единства и способствовали восприятию остального мира как чуждого, а порой и враждебного¹.

Нравственно-правовое воспитание личности осуществляется посредством влияния старшего поколения на формирование личности молодых людей через социальный институт общественного мнения. Этот процесс является неотъемлемой частью социализации личности, поскольку, по мнению М.В. Столярова, старшее поколение передает базовые обычаи и традиции подрастающему поколению по мере его роста и степени социализации в целях установления и поддержания некоего духовного и социального равновесия.²

В числе наиболее популярных традиций народностей Дагестана выделяется уважительное отношение к старшим³. Например, послушание родителям и почтение к старшим: если в помещение вошел пожилой человек, младший обязательно встает и уступает место; любой старший по возрасту вправе сделать замечание, если младший позволяет себе проявить недостойное поведение - и многое другое.

Подобного рода субординация в отношениях может подавить индивидуальность человека, то есть чрезмерное следование обычаям и традициям становится препятствием для дагестанской молодежи в выборе жизненного пути в соответствии с собственными потребностями и возможностями. В Дагестане нередки случаи, когда при выборе направления учебы, выборе супруга, трудоустройстве родители или другие члены родовой общины навязывают свою позицию и молодой человек, не готовый возразить, соглашается с решением старших родственников. Впоследствии данное обстоятельство выражается в

¹ См.: Дибиров А.-Н.З., Ибраилова К.М. Дагестанцы - кто мы? // Дагестанский институт экономики и политики, 2006.

² Столяров М.В. Федерализм в российском измерении: записки политологов: 1998-2009: предисл. В.А. Михайлов. М.: Изд-во РАГС, 2010.

³ См.: Булатов Г. Отношение к старшим и долгожительство на Кавказе // Отечественные записки. 2005. №5; Смирнова Я.С. Семейное и общественное положение старших возрастных групп // Абхазское долгожительство. М., 1987; Ахмедов Дж. Светлые адаты горцев // Народы Дагестана: Республиканский и общественно-политический журнал. 2011. №2.

отсутствии желания к учебе или работе по выбранной старшим поколением специальности, а также ведет к развалу семьи.

Таким образом, личность, пройдя становление в условиях подобных традиций, постепенно адаптируется и приспосабливается к ним путем вынужденного взаимодействия. Осознание тождественности образа жизни, в конечном счете, способствует взаимопониманию между членами социума. Моральные принципы и базовые ценности усваиваются в семье в рамках первичной социализации, поэтому они являются наиболее устойчивыми и доводятся до уровня чувств, которые в дальнейшем для самой личности могут казаться «врожденными инстинктами».

Еще одним семейно-родственным влиянием выступают **теневые клановые отношения**, которые становятся системообразующим фактором современных социально-политических процессов в Республике Дагестан. В настоящее время феномен клановости в условиях Дагестана – недостаточно исследованная проблема. Основное отличие клана от иных неформальных групп то, что клановые группы основаны на семейно-родственной связи ее членов, а их ядром выступает демографическая семья¹. Причем, группировки, сформированные по этническому принципу, также можно отнести к кланам. Клановая организация такого характера получила широкое распространение в традиционно полиэтнических регионах России, в частности в Дагестане, подлинная этническая структура общества которого состоит в основном из так называемых джамаатов.²

Показанная специфика структуры общественных отношений в Республике предопределяет абсентеизм, апатию к демократическим формам борьбы за

¹См.: Розин М.Д., Суций С.Я. Современный Северный Кавказ – между системным кризисом и инерционным развитием // Инженерный вестник Дона. 2012. №2; Дорожкин Ю., Быстриковский А. Теневые политико-элитные группы в постсоветской России // Власть. 2011. №6; Современная молодежная образовательная политика. Методические материалы по образовательной программе Молодежного образовательного форума «Каспий – 2011». М.: Парнас, 2011.

² Кисриев Э. Соппротивление системы политических институтов Дагестана процессу создания «единого правового пространства» России // Федерализм в России. Казань, 2001.

политическую власть, что приводит к постоянным конфликтам с представителями разных кланов в борьбе за «доминирование».

Указанная специфика (клановость) оказывает влияние и на менталитет, так как присутствие кланов во власти наводит людей на мысль, что политика – это закрытая сфера, куда невозможен доступ для обычного человека, не имеющего родственных контактов¹. Такое восприятие социальной, в том числе политической, действительности формирует у граждан недоверие к власти, ее политическим институтам.

Этнический фактор. Анализ полиэтничности как фактора, влияющего на формирование политического менталитета, опирается на объективные особенности Дагестана – существование множества народностей на территории Республики.

В настоящее время исследуемый субъект Российской Федерации является самым многонациональным: по данным Всероссийской переписи населения 2010 года на его территории проживают представители более чем ста этносов². Одновременно регион представляет собой уникальное явление совместного многовекового проживания свыше 30 коренных этносов, что нашло отражение в переплетении общероссийских и всемирных социокультурных тенденций общественного развития с региональной спецификой.

Сегодня почти все народы Дагестана, даже малочисленные, имеют собственные национально-культурные центры или национально-культурные автономии³. Наиболее динамичными из них являются Кумыкское народное движение «Тенглик» («Равенство»), Лакское народное движение «Гази-Кумух», Съезд аварского народа, ФЛНКА (Федеральная лезгинская национально-культурная автономия), Даргинское демократическое движение «Цадеш»

¹ Ламажжаа Ч.К. Клановость в политике регионов России. СПб.: Алетейя, 2010

² Всероссийская перепись населения (Эл. Ресурс). Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (свободный, дата обращения 09.03.2015).

³ Грызлов В. Национальные отношения в Дагестане (в контексте общероссийских проблем) // Обозреватель. № 28(32). Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N28/93/28_02.HTM (свободный, дата обращения: 13.03.2015)

(«Единство»), ногайское национальное общество «Бирлик» («Единство»), Съезд чеченцев-аккинцев Ауха.

Отдельные организации осуществляют свою деятельность и за пределами Дагестана: например, уставы ФЛНКА¹ и «Бирлик»² зарегистрированы не в Дагестане, а в Министерстве юстиции Российской Федерации. Существенной особенностью их является то, что их влияние зачастую крайне политизировано: объединение людей по национальному и религиозному признаку направлено на достижение политических целей определенных социальных кругов. В целом, такая ситуация способствует подрыву национального единства Дагестана.

Полиэтничность дагестанского общества находит свое отражение также в том, что каждый народ имеет собственные идентификационные и индивидуализирующие его признаки:

- свой язык (причем не диалекты, а именно языки, зачастую принадлежащие к разным языковым, речевым группам);
- уникальную культуру (от особенностей традиций и обычаев, бытового уклада жизни, традиционного ремесла и национального костюма до уникального фольклора, национальной музыки, орнамента, архитектуры и т.д.);
- территорию компактного проживания (уникальные природно-географические ландшафты).

При этом исторические особенности взаимодействия и развития данного региона обусловили формирование всеобщей межэтнической и межрелигиозной толерантности³. Конфликты, возникающие на этой почве, существовали, однако они имели скорее экономическую подоплеку, были подстрекаемы элитами, преследующими собственные цели, и не были затяжными. В повседневной жизни, среди рядовых граждан, подобных конфликтов не наблюдается, а в сознании

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://flnka.ru/> (свободный, дата обращения: 13.03.2015)

² Электронный ресурс. Режим доступа: http://nogaici.ru/publ/1/birlik_edinstvo/2-1-0-466 (свободный, дата обращения: 13.03.2015)

³ Омаров М.А. Этническое многообразие как фактор формирования российской идентичности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, № 6, 2012.

дагестанского общества заложена готовность к сотрудничеству. Подтверждением этому служат «адаты», касающиеся уважительного отношения к незнакомым гостям.

Полиэтничность Дагестана, взаимодействие разных этносов определило также толерантное отношение к существованию разных культур и религий¹: общедагестанская идентичность отражала и отражает диалог разных культур и различных религий с учетом поиска межконфессионального мира и межнационального согласия на территориях компактного проживания. Л.Х. Авшалумов² справедливо отмечает, что традиции проявления толерантного отношения к соседним народам сформировались и успешно применялись как нормы уважительного поведения еще в далеком историческом прошлом.

Как и в любом многонациональном регионе, большое значение имеет язык межнационального общения. Для нашего исследования важен тот факт, что в крупных дагестанских городах (Махачкала, Дербент, Кизляр, Каспийск, Хасавюрт), населенных представителями разных этнических и конфессиональных групп, общение между представителями различных национальностей происходит на русском языке. Государственный язык выступает при этом консолидирующим фактором, приобщая жителей Дагестана к общероссийской культуре. Данное явление наиболее целостно проанализировано в рамках исследовательских работ З.Р. Усмановой³, показавшей, что в полиэтнических республиках значимость гражданской идентификации выше, чем в моноэтнических.

Конфессиональный фактор. В целом, как справедливо отмечает М. Магомедова, этнополитическая стабильность представляет собой именно тот

¹ Гусаева К.Г. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности. Дис. ...кан.философ.наук. Махачкала, 2006.

² Авшалумов Л.Х. Традиции дагестанских народов как фактор стабилизации общественно-политической ситуации в Дагестане // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2005.

³ Усманова З.Р. Становление общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа (политико-психологический анализ). Дис. ...канд.полит.наук. М., 2013.

ключевой аспект в жизни многонационального региона, который является основой формирования при таких условиях гражданского общества. В свою очередь, для построения и укрепления социально-политической стабильности требуется положительное развитие межконфессиональных отношений, при безусловной необходимости принятия во внимание роли тенденций радикализма, повлиявших на политическое развитие России последних десятилетий.¹

Современные общественно-политические процессы в Дагестане во многом подвержены весоному влиянию религиозного фактора, поэтому рассмотрение процесса формирования политического менталитета народов региона должно также опираться на выявление особенностей, связанных с преобладающей в регионе религией.

Несмотря на то, что ислам - это одна из самых молодых мировых религий, он пронизывает и регламентирует все стороны жизнедеятельности социума. Священная книга мусульман Коран выступает источником не только собственно религиозных норм, но и норм правовых и политических², придавая последним авторитет божественной природы.

С проникновением на территорию Дагестана ислама началось влияние шариата: на протяжении длительного исторического периода наблюдались попытки авторитетных ученых имамов и шейхов заменить сложившиеся в народах обычаи и традиции нормами шариата, руководствуясь тем, что именно эти нормы являются единственным источником правил поведения для мусульман, однако эти стремления не привели к значимым изменениям³.

В определенной степени это связано с тем, что отдельные особенности массового сознания (эгоизм, бездуховность), как полагают исследователи,

¹ См.: Магомедова М.А. Этноконфессиональная толерантность — одно из условий формирования гражданского общества в Дагестане // Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона. Сборник научных статей. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2008.

² Коран. Перевод смыслов и комментарий И.В. Прохоровой // Гл. ред. д-р Мухаммед Шейх Сайд Аль Рошд. М., 2004. С. 8.

³ См. подробнее: Кисриев Э. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004

способствуют разрушению устоявшихся религиозно-правовых традиций жизни народа, что порождает негативную реакцию со стороны духовенства и религиозно настроенных людей, для которых следование исламу исторически основано на соблюдении религиозных традиций, имеющих неразрывную связь с правом.

Особую угрозу в настоящее время представляют различные тенденции, направленные на проявление религиозного экстремизма, и участившиеся случаи террористических актов. Это обуславливает определение борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом как наиболее остро стоящие вопросы, требующие разрешения¹. В связи с этим, как показывает Э.К. Джамалова, современные представители разных народов стали склонны осознавать значимость религии в своих национальных культурах, что и активизировало религиозные настроения, вновь подчеркнув историческую значимость и роль религии в становление национального самосознания.

Однако данные настроения в обществе способствуют и тому, что в настоящее время в Дагестане увеличивается число неопитов², особенно среди молодежи: для современной молодежи характерна более сильная увлеченность религиозными чувствами в отличие от старшего поколения, они стремятся все больше к поиску каких-то моральных ценностей, соответствующих их желаниям приложить свои усилия в определенной сфере. В условиях, когда религиозная культура на протяжении семидесятилетнего господства атеистических настроений подвергалась деформации, подобная религиозность оборачивается такими формами, как фундаментализм и религиозный экстремизм.

На процесс формирования политического менталитета жителей Дагестана оказывают влияние также крупные религиозные деятели и организации. Основное

¹ Джамалова Э.К. Историко-правовой анализ основ формирования правосознания молодежи. Дис. ...канд. юрид.наук. Махачкала, 2005; Розин М.Д., Суций С.Я. Современный Северный Кавказ – между системным кризисом и инерционным развитием // Инженерный вестник Дона. 2012. №2; Гасанов С.С. Социально-экономические детерминанты преступности на Северном Кавказе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3.

² Сулейманов Р. Русские мусульмане в постсоветской России: причины неопитства, положение в исламской среде, реакция государства и общества // Агентство политических новостей. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article27336.htm>

воздействие оказывается представителями Духовного Управления Мусульман Дагестана (ДУМД)¹ посредством официальной пропаганды религиозных воззрений, на основе проведения встреч с учащимися средних общеобразовательных и высших учебных заведений, ознакомления их с религиозной литературой и ее распространения.

Росту религиозного сознания жителей региона способствует также засилье символики ислама в Республике: массовое строительство мечетей в городах и аулах, начавшееся в пост-перестроечные годы и увеличившее темпы с 2005 года в «геометрической прогрессии»; открытие религиозных школ; изучение арабского языка в учебных заведениях Республики; увеличившееся количество религиозных исламских передач и каналов по местному радио и телевидению; принятие законодательных подзаконных актов о введении религиозных правил в бытовой обиход; грандиозные масштабы присутствия символов религии в коммерческой рекламе. В то же время власть никак не реагирует на действия регионального телевидения по перекрыванию вещания развлекательных каналов в условленные вечерние часы. Возможно, такие действия – некий условный консенсус во взаимоотношениях власти и религии, закона и религиозного обычая.

Возвышение конфессиональной идентичности жителей Дагестана в сравнении с другими кавказскими республиками, где преобладает исламская идеология, подчеркивается и в современных исследованиях. Например, политолог Усманова З.Р. приводит такие эмпирические данные религиозной идентичности кавказских республик²: Дагестан – 41,7%, Ингушетия – 12,5%, Карачаево-Черкесия – 18,7%. Представленное исследование позволяет предположить, что исламская идеология является «сверхидентичностью» дагестанцев, которая объединяет жителей полиэтнического региона.

¹ Проценко Н., Дементьева Ю. Исламу придётся идти по пути модернизации // Эксперт-Юг. 2013. №11-12 (251). Режим доступа свободный: <http://expert.ru/south/2013/12/islamu-pridyotsya-idti-po-puti-modernizatsii/>

² Усманова З.Р. Становление общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа (политико-психологический анализ). Дис. ...канд.полит.наук. М., 2013.

Таким образом, религия как фактор, влияющий на формирование политического менталитета в условиях Дагестана, имеет большое значение, основанное на особенности исторического процесса формирования государственности и межэтнических отношений, когда главенствующая роль в становлении политических связей отводилась соображениям религиозного свойства.

Территориально-географический фактор. Необходимость анализа указанного фактора подчеркивалась еще в зарубежных исследованиях менталитета в рамках французской школы анналов, а в отечественной науке в рамках примордиалистского подхода о его значимости говорили А.Я. Гуревич, Л.Н. Гумилев¹, демонстрируя особенности влияния территориального признака на формирование «национального характера».

Территориально-географический фактор, как постоянно оказывающий влияние на формирование менталитета народов региона, интересует нас с точки зрения двух его составляющих:

- рельеф региона;
- геополитическое расположение региона.

Взяв за основу рельеф, мы можем условно подразделить население Дагестана на жителей гор (условных «горцев») и жителей равнин (условных «равнинцев»)². Жители гор смотрят на остальное население как бы сверху. Это их положение влияет на формирование таких качеств личности как авторитарность и высокомерие, появляющиеся, в частности, в повседневной жизни. Жители равнин,

¹ Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1., М., 1989; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993; Гуревич А.Я. Предисловие к сборнику // Одиссей. Человек в истории. М., 1989.

² См. подробнее об особенностях, связанных с республиканским расселением: Суций С.Я. Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2014; Проблемы миграции и опыт ее урегулирования в полиэтничном Кавказской регионе. М.-Ставрополь, 2003; Ковалевский В.Г. Культурно-географическая и биологическая роль горных регионов // Природа. 1931. №2; Карпов Ю.Ю. Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI вв.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Спб., 2011.

наоборот, ощущают себя ниже по статусу по отношению к горцам. Данная квалификация основывается автором на изучении отдельных анекдотичных рассказов, непосредственно указывающих на приведенное разделение местного населения на горцев и равнинцев. Местный фольклор свидетельствует о том, что равнинцы, как правило, подчеркивают низкий интеллектуальный уровень горцев, а те, в свою очередь, указывают на физическую слабость, недостаток боевого духа равнинцев. Немаловажно и то, что горцы в своем поведении (в обычаях и традициях) более консервативны, нежели равнинцы.

Помимо рельефа, к территориально-географическому фактору следует отнести геополитическое расположение Дагестана. Расположение региона таково, что его окружают культуры различных народов, транслирующие разные социальные и политические ценности: на юге – это арабская культура, на севере – русская, а на западе влияют европейские ценности. Уникальность социокультурного пространства Северного Кавказа, по мнению Г.И. Юсуповой¹, заключается в столкновении различных культур: русско-советской, партикулярной этнической, западной культурной традиции и культурной традиции стран Востока с тенденцией расширения влияния последней.

Совокупно, территориально-географический фактор можно назвать фактором «тройного пограничья», так как Дагестан находится на пересечении трех границ:

- *цивилизационной границы* между Европой и Азией;
- *религиозной границы* между православием, исламом и иудаизмом, а еще и буддийской Калмыкией;
- государственной, подразделяемой на *внешнюю государственную границу* со странами СНГ – Грузией и Азербайджаном, а по морю – с Ираном и Туркменией, и *внутреннюю регионально-административную границу* с субъектами РФ – Чечней, Ставропольским краем и Калмыкией.

¹Юсупова Г.И. Глобализация и социокультурные трансформации на юге России // Вестник Дагестанского научного центра. 2010. № 36.

Эти три границы несут в себе одновременно политический, геополитический, экономический, социокультурный, идеологический, исторический, формально-территориальный и официально-территориальный смыслы.

Принятие ценностей разных граничащих культур, которые по существу разнородны, придает Кавказу, и в частности дагестанскому народу, «мозаичность», предопределяя тем самым эклектизм социальных и политических ценностей, а, следовательно, и многие конфликты на Северном Кавказе.

Изменчивые факторы

Постсоветская политическая трансформация. Влияние данного фактора обусловлено несколькими аспектами политических изменений, определенных особенностями трансформации политического режима: хаос 90-х годов прошлого века, систематическая смена власти, слабая власть, подверженная внутриэтнической и межэтнической борьбе за «количество» власти, смена способов прихода к власти регионального руководителя – выборы, назначение президентом РФ и др.

Социально-экономическая и демографическая трансформация. Демографическая ситуация в Дагестане продолжает оставаться благоприятной. При этом прирост населения Дагестана является основным фактором, неблагоприятно воздействующим на рынок труда: отсутствие достаточного количества рабочих мест в большинстве муниципальных образований, наличие сложности с трудоустройством отдельных групп населения (молодежь, женщины, инвалиды).

Взаимосвязанные с этим экономические проблемы оказывают влияние на формирование этнополитической напряженности в регионе. Г.И. Юсупов справедливо замечает, что достижение межнационального согласия во многом

зависит от социально-экономических факторов и способствует балансу интересов личности, общества и государства¹.

Особенности социально-экономических отношений региона влияют и на национальное самосознание, национальные чувства и волю, которые, являясь составными элементами культуры, в последующем получают выражение в массовом сознании через идеи, ценности и установки. Значительное число дагестанской молодежи, проживающей в отдаленных сельских районах, лишены возможности удовлетворения своих потребностей в обретении передовых достижений материальной и духовной культуры. Таким образом, место проживания индивида имеет решающее значение: если он живет в горных районах, то социальные противоречия обостряются еще сильнее, так как практически полностью отсутствует работа. Указанная проблема создает условия для массовой миграции населения в города, что обостряет уже иные противоречия².

Еще одной немаловажной проблемой выступает отсутствие внятной экономической политики руководства Республики вкупе с недостаточными усилиями федерального центра по выработке единого понимания путей решения народнохозяйственных проблем³. В настоящее время занятость обеспечивается в основном в результате проявления активности со стороны субъектов малого и среднего бизнеса, но в скором времени и они не справятся с возрастающим числом безработной молодежи.

Республика Дагестан относится к числу регионов, в которых показатель незанятого населения намного превышает количество заявленных вакантных мест работодателями. Уровень безработицы в Дагестане превышает средний

¹ Указанные сочинения.

² *Абидов М.Х.* Миграция населения и миграционная политика в Дагестане // Народонаселение. 2008. №1; *Громов Д.В.* Межнациональная напряженность в Москве // Свободная мысль. 2008. № 2; *Карпов Ю.Ю.* Этносоциальные трансформации в условиях миграционных процессов (на примере Дагестана) // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008

³ См. подробнее: *Дибиров А.-Н.З., Исраилова К.М.* Дагестанцы – кто мы? Махачкала: Дагестанский институт экономики и политики. 2006. С. 32.

показатель по России в шесть раз, а отношение производимого валового продукта на число жителей отстает в 12,5 раз; в 2,8 раза ниже оказался уровень производства сельскохозяйственной продукции¹. Эта проблема продолжает оставаться одной из наиболее острых для Дагестана на протяжении уже более чем десяти лет подряд.² Расходы республиканского бюджета на $\frac{1}{4}$ превышают его доходы, образуя тем самым серьезный дефицит, вследствие чего на протяжении ряда лет Дагестан пребывает в числе наиболее дотационных регионов России. Отсюда вытекает и проблема с низкой покупательной способностью заработной платы.

В таких тяжелых социально-экономических условиях дагестанцы не имеют возможности полностью реализовать и удовлетворить свои материальные и социальные потребности, способствуя тем самым пренебрежению ими законными способами деятельности и вынуждая их вступать в различного рода криминальные и экстремистские формирования.

Длительная социально-экономическая дестабилизация, активация экстремистских тенденций способствуют стремительным миграционным процессам – прежде всего оттоку русского населения из региона. Подобные тенденции, отсутствие прямого контакта с культурой и обычаями русского народа определённым образом сказывается на формировании у жителей Дагестана искаженного представления о нем, а также влияет и на сепаратистские настроения.

Культурно-образовательная трансформация. На социальные процессы влияет не только доминирующая в обществе иерархия ценностей, но и способ формирования ценности индивидом. Общепринятым является утверждение, что в

¹ Занятость и Безработица в Республике Дагестан. Электронный ресурс. Режим доступа: http://уровень-безработицы.рф/%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD.aspx (доступ свободный, дата обращения: 11.03.2015)

² Гасанов Г.Г. Политическое сознание молодёжи и этнополитическая ситуация в Республике Дагестан. Дисс. ...кан. пол наук М., 2010.

числе основных производных поддержания социально-профессиональной дифференциации в обществе выступает образование. Внешне современную ситуацию с образованием в Дагестане можно отнести к числу наиболее успешных, так как по этому показателю Республика стоит наравне с социально продвинутыми субъектами РФ.

Однако образование в исследуемом регионе часто носит формально-статусный характер и в принципе характеризуется низкой значимостью его качества. В таких условиях (отсутствие качественного образования) большое влияние на формирование менталитета оказывают социальные стереотипы¹ прошлых поколений, следствием влияния которых является формирование негативных представлений о представителях других этнических групп и отчуждение их ценностей.

Причем трансформационные процессы в образовании усугубляются оттоком русского населения (в том числе русских учителей), выступающего носителем интегрированной «колониальной» культуры, – это влечет постепенное ее исчезновение, исключает плюрализм и взаимодействие культур.

Указанные процессы запускают формальный ренессанс архаического традиционализма: жизнь по адатам, обычаям; исламизация; наличие практик непосещения общеобразовательных школ с заменой их на медресе; дальнейшее снижение качества и престижа образования². А отсутствие качественного образования не позволяет среднестатистическому дагестанцу конкурировать в современных условиях, когда требуются высококвалифицированная рабочая сила. Поэтому, не находя удовлетворения своим социальным потребностям и амбициям в легальной социальной среде, он склоняется к участию в различных

¹ Дибиров А.-Н.З, Исрапилова К.М. Дагестанцы — кто мы? Махачкала: Дагестанский институт экономики и политик. 2006. С. 24.

² См. подробнее: Бобровников В.О. Исламское «возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. 20097. № 2; Дзуцев Х.В. Система высшего образования в общественном мнении жителей республик на территории СКФО Российской Федерации // Наука и образование на Юге России: достижения и проблемы модернизации. Ростов-на-Дону, 2012.

криминальных и полукриминальных сообществ, к занятию нелегальной деятельностью, а иногда к вступлению в бандформирования.

Терроризм. Данный фактор в целом оказывает негативное влияние на материальные и духовные ценности народа и имеет свои исторические особенности. Среди ключевых выделим конфессиональный экстремизм, этнический сепаратизм, действия организованных бандформирований, преследующих групповые политические и экономические цели – рэкетирство, давление на неполиитизированный бизнес и т.д.

Отдельный блок факторов – **факторы ресоциализации**, которые в первую очередь затрагивают изменение политического менталитета у «переселенцев» из Дагестана в другие регионы России. Для московского региона мы выделили особый, легитимный только для него, набор факторов: более высокий, чем в среднем по стране, уровень политической активности масс; более высокий, чем в среднем по стране, уровень жизни; концентрация и наибольшая, чем в среднем по стране, актуализация межэтнических и межконфессиональных противоречий, а также экономических и политических противоречий (активность протестных масс в Москве выше, чем в среднем по стране); фактор идейного первенства. Москва задает ритм всем трансформациям в стране, идущим от всех социальных слоев – политиков, общественников, интеллигенции, правозащитников и многих других. Отметим, что именно данные факторы определяют особенности испытываемого индивидом «культурного шока», а следовательно определяют вектор поведения субъекта, возможные вариации его представлений, не затрагивая системы ценностей, характерных для культуры дагестанца.

Выводы к главе 1

Проблемы выявления внутренней логически выстроенной системы политического менталитета, его взаимодействия с остальными элементами политической картины мира не теряют актуального характера, а в настоящее время подвергаются более тщательному и скрупулезному анализу. Однако, несмотря на то, что концепты политического менталитета выступают одними из

наиболее часто выделяемых направлений в исследовании политической культуры, в настоящее время не предложено четкой схематически последовательной структуры компонентов политической картины мира.

Для нашего диссертационного исследования важно, что политический менталитет является частью менталитета в целом, частью политической культуры, включающей в себя бессознательный и сознательный компоненты, относящиеся к политической сфере.

Подводя итоги раздела, мы пришли к **следующим выводам:**

1. Ценности и представления, являющиеся системными компонентами политического менталитета, формируются под влиянием различных факторов. При этом на формирование ценностей дагестанцев влияют, в первую очередь, постоянные факторы. А представления, являясь более динамичной структурой, могут изменяться в зависимости от социальной обстановки, поэтому важную роль в формировании их содержательного контекста играют изменчивые факторы.

2. Однако вышеизложенное не сводится к категоричному разграничению влияния постоянных факторов только на ценности, а изменчивых факторов на представления, так как оба блока факторов влияют как на формирование ценностей, так и на формирование представлений, поскольку ценности и представления являются взаимосвязанными категориями.

3. Система выделенных для целей нашего диссертационного исследования факторов выглядит следующим образом:

– к устойчивым факторам относятся: а) историко-культурный, б) этнический, в) конфессиональный, г) территориально-географический фактор (тройное пограничье);

– к изменчивым факторам относятся: а) политический, б) социально-экономический и демографический, в) культурно-образовательная трансформация, г) терроризм (эти факторы отвечают за становление ценностей в период первичной и вторичной социализации, следовательно, их воздействие определяющее, и задающее базис менталитету дагестанца, который сохранится у

него уже навсегда), а также д) факторы ресоциализации, детерминирующие трансформацию представлений.

4. В особую группу факторов мы выделили те, воздействию которых субъект подвергается в периоды смены места жительства и переезда в регион с отличным от «домашнего» культурно-экономическим и политическим «образом жизни». Для московского региона мы выделили: высокий уровень политической активности масс; высокий уровень жизни; наибольшую актуализацию межэтнических и межконфессиональных противоречий, а также экономических и политических противоречий; фактор идейного первенства. Эти факторы составляют основу субъективного «культурного шока» и определяют возможные вариации его представлений. Именно эти факторы задают вектор возможному поведению субъекта. И тут очень важно понимать, что указанные факторы не меняют систему ценностей дагестанца, а лишь повлияют на его представления.

Глава II. Эмпирический анализ политических ценностей и представлений в структуре политического менталитета дагестанцев

2.1. Характеристика эмпирического исследования (концепция и модель исследования)

Разработанная авторская модель анализа системы политических ценностей и представлений в структуре менталитета жителей Республики Дагестан опирается на фундаментальные теоретические изыскания отечественных ученых кафедры социологии и психологии политики МГУ имени М.В. Ломоносова – Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой, Т.В. Евгеньевой, Н.М. Ракитянского и других. Согласно их подходу, менталитет коллективных субъектов конструируется при взаимодействии устойчивого ядра, включающего систему политических ценностей, и изменчивой периферии, формируемой политическими представлениями. Все эти компоненты менталитета формируются в период социализации под воздействием культурно-исторического процесса и разнообразных агентов, а также устойчивых и изменчивых факторов социокультурной среды. Но, если политические ценности поддаются трансформации в меньшей степени и составляют относительно устойчивое ядро менталитета, то политические представления подвержены изменениям в большей степени: они также формируются в рамках политической социализации, но поддаются частичной трансформации в результате ресоциализации.

Важно также то, что ценности имеют свое непосредственное выражение в виде представлений, что обуславливает формирование различных представлений на основе одних и тех же ценностей. Это происходит под воздействием двух основных факторов:

- специфики социализации субъекта;
- особенностей социальной среды проживания, окружения субъекта.

Авторская исследовательская модель основывается на понимании

политических представлений и ценностей как системы синергетического единства политического менталитета, выполняющей две взаимодействующие роли:

- роль относительно устойчивого ядра, которое выражает устойчивые политические ценности индивида (сформированные в период первичной социализации под воздействием как устойчивых, так и изменчивых факторов);
- роль периферии, поддающейся частичной трансформации в результате ресоциализации (воздействия различных изменчивых факторов на систему представлений и вероятно ценностей).

Авторская исследовательская модель основана также на **гипотезе** о том, что ценности и представления, являясь составными компонентами политического менталитета (наряду с установками и идентичностью), выполняют взаимосвязанные и взаимозависимые, но при этом разные роли. Следовательно, менталитет как комплексная конструкция, представляющая синергетическое единство ценностей, представлений и образов, установок и идентичностей, проецирует все протекающие в сознании процессы на себя как единое целое. То есть, так или иначе, политический менталитет влияет на выбор ценностей, воздействует он и на картину мира своего носителя. Индивидуальный носитель определенного менталитета уточняет и даже изменяет представления о внешнем мире и себе самом с позиции одних и тех же (заданных коллективным менталитетом) понятийных конструкций – мнений, впечатлений, эмоционального отношения, понимания хорошего и плохого, приемлемого и неприемлемого, должного и осуждаемого и других. Менталитет отвечает за сохранение ценностей, представленных в ядре политического сознания, и получается, что все остальные элементы подвержены более или менее их (ценностей) влиянию. Формирование политического менталитета происходит в период социализации, под воздействием устойчивых и изменчивых факторов социокультурной среды. При этом представления вырисовывают, конкретизируют, выражают в четком, определенном, понятном и осознанном смысловом поле ценности индивида.

Опираясь на представленную гипотезу, становится возможным определить степень трансформации политического менталитета, которая напрямую зависит от изменения представлений при сохранении устойчивых ценностей в периоды ресоциализации.

Определившись со специфическими чертами процесса формирования менталитета, которые зависят от того, проходит ли индивид первичную социализацию либо ресоциализацию, нам показалось целесообразным исследовать три поколенческих страты:

- граждан, прошедших первичную социализацию в период существования стабильного СССР и подвергнувшихся трем вехам значительных изменений в политической, социальной и экономической обстановке (распад СССР, «Лихие 90-е» и «Путинская республика 2000-х годов»).

- граждан, прошедших первичную социализацию в период существования нестабильного СССР, подвергнувшихся двум вехам значительных изменений («Лихие 90-е» и «Путинская республика 2000-х годов»).

- граждан, прошедших первичную социализацию в Российской Федерации в 2000-е гг., степень влияния существенных трансформаций на которых незначительна.

Определившись также и с факторами, влияющими на формирование менталитета в периоды первичной социализации и ресоциализации, автор предположил, что степень выраженности данных факторов в различных регионах страны колеблется, кроме того есть факторы специфические для того или иного региона. В параграфе 1.3. для реализации компаративного анализа автор представил две группы факторов – устойчивые и изменчивые, сугубо региональные и общефедеральные. К устойчивым факторам относятся - историко-культурный, этнический, конфессиональный, территориально-географический, а к изменчивым – политическая, социально-экономическая, демографическая, культурно-образовательная трансформация и терроризм.

Для эмпирического анализа особенностей воздействия указанных факторов на формирование политического менталитета было принято решение сравнить ценности и представления:

- граждан, родившихся и постоянно проживающих в Дагестане,
- граждан родившихся в Дагестане, но переселившихся в Москву (как город, представляющий «сплав культур» народов России) на постоянное место жительства в возрасте 20-21 года, после прохождения первичной социализации в Республике.

Опираясь на нашу гипотезу, мы можем говорить о наличии совпадающих систем ценностей у представителей обеих групп, так как они прошли первичную социализацию в одной и той же среде. В силу же влияния второй группы факторов – специфики социальной среды проживания – выражение ценностных ориентиров в виде представлений, может быть отражено в значительных различиях. Проверка значимости различных ценностных ориентиров для обеих групп респондентов осуществлялась по критерию устойчивости их воспроизводства в различных социокультурных обстановках.

Граждан, прошедших первичную социализацию в Москве, мы не брали в расчет, так как предполагаем, что они уже являются носителями менталитета «москвича», отличного от сугубо регионального менталитета. При этом автор объективно понимает, что первое поколение не может полностью избавиться от влияния регионального менталитета, но полагает, что в данном случае оно остаточное; еще более остаточное оно во втором и третьем поколениях, где постепенно происходит исчезновение указанного влияния.

Исходя из специфики нашего диссертационного исследования, особенностей применения качественных методик анализа, автор верифицировал выборку респондентов для достижения максимально возможного разнообразия по нескольким критериям – пол, возраст, этническую принадлежность. В рамках исследования учитывался также уровень образования, позволяющий при анализе соотнести его со степенью когнитивной сложности ассоциаций и образов. Кроме

того, существенное значение для нашего исследования имело отношение респондентов к религии (подавляющее большинство указали, что они верующие люди), семейное положение (подавляющее большинство респондентов оказались включенными в состав семьи и носителями определенной «роли»).

Возраст испытуемых, в связи со спецификой предмета исследования, составляет три диапазона: 21-35 лет, 36-50 лет, старше 50 лет. Такие возрастные группы позволяют учесть поколенческую специфику массового восприятия. Такая классификация опирается на работы ученых кафедры социологии и психологии политики МГУ имени Ломоносова, которые выделили особенности восприятия поколений, социализированных в различные периоды существования СССР, в период 90-х годов XX века и в период «Путинской республики 2000-х». Автор полагает, что выявленные исследователями особенности восприятия имеют различные формы выражения в рамках сознания разных поколений, и на них оказывают воздействие факторы социокультурной среды.

Методологию исследования составили качественные методы. Разработка формализованного интервью по исследованию политических ценностей опиралась на теоретические представления о том, что политические ценности не поддаются вербальной дескрипции и могут быть выявлены посредством специальных методов качественного анализа. Глубинное интервью состояло из нескольких блоков вопросов, направленных на выявление следующих аспектов:

– фиксацию всего набора ценностей, включенных в систему базовых человеческих ценностей, как материалистических – физическая и психологическая безопасность – «спокойствие, покой, порядок, мир, законность, суверенитет, защита, стабильность»; благополучие «труд, достаток, здоровье, семья», так и постматериалистических – принадлежность к группе, «одобрение своей группой, любовь людей», равенство, справедливость «истина, правда, честность», самовыражение, качество жизни, свобода, красота и гармония, власть, религиозные ценности «мир, служение, предназначение, смысл жизни», саморазвитие, общественное развитие-прогресс, патриотизм, демократия;

– определение, какие именно из выявленного перечня ценностей являются индивидуальными, локально-групповыми, национальными, универсальными, и демонстрирование, как происходит переход ценности в персональную через интериоризацию ценностей общества;

– демонстрацию иерархии ценностей, выявление степени стабильности данной иерархии у разных поколений и групп. Была поставлена задача определить степень значимости именно политических ценностей, выявить, каким образом те или иные ценности становятся политическими, каким именно «политическим смыслом» они обрастают и под воздействием каких средовых факторов и механизмов;

– определение, как социализация влияет на ценности – формирует их (условия и особенности первичной политической социализации), закрепляет (специфика процесса вторичной политической социализации), трансформирует (особенности политической ресоциализации).

На анализ политических представлений была направлена методика глубинное интервью, вопросы для которой разрабатывались таким образом, чтобы выявить наиболее глубинные, латентные пласты сознания респондентов, определить их сознательное и неосознанное отношение к политике, политические представления и установки политического участия, а также выявить отношение к демократии, определить, в каких когнитивных категориях данное понятие выражается в сознании респондентов, с какими ценностями оно имеет идейно-смысловую связку. Особенно важным для исследования было определить степень личностной и общественной значимости указанной смысловой категории в сознании респондента.

Важным аспектом интервью являлись вопросы о политическом участии, его формах, эмоциональном отношении к политической деятельности и активности, что имеет значение для фиксации *характера политических установок*. При этом учитывались такие оценочные характеристики как отношение к личностной политической активности (активной, пассивной), так и активности социальных

групп («своих», «чужих»), что может свидетельствовать о работе *идентификационных механизмов*. В этом отношении имел большое значение анализ иерархии значимости политического участия на разных уровнях власти. Опираясь на исследования российских политологов,¹ мы предположили, что жители Дагестана, проявляющие высокую степень политического участия, находясь в «своей среде», выказывали отношение скорее к местной и региональной власти, проявляли сознательную поддержку и сочувствие персонифицированным представителям власти в силу желания поддержать «свою этническую группу», демонстрировать прямую или косвенную «принадлежность к сильным тухумам, кланам», поддержать «мифический этнический имидж»². Но иначе дело обстоит в том случае, когда вопрос о политическом участии касается федерального уровня власти³, или всех уровней власти в «не своей среде».

Отношение к *ценности* власти, а также атрибутивное приписывание власти различным индивидуальным и коллективным «носителям» имело немаловажное значение для цели исследования. Власть может восприниматься респондентом как личная ценность, либо ценность «своей» социальной группы, но какова система представлений о власти, в каких образах эта категория «существует» в

¹ Усманова З.Р. Становление общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа (политико-психологический анализ). Дисс. ...кан. пол. наук. М., 2013; Гудиева К.Н. Политико-психологический анализ образов власти на Северном Кавказе (по материалам исследования жителей республик Северная Осетия – Алания и Дагестан). Дисс. ...канд.пол.наук. М., 2013.

² Например, в ракурсе обыденного сознания исторически сложились своеобразные «этнические имиджи». Так, лезгины считаются в народе – умными, физически слабыми, даргинцы – жадными, стяжателями, власть предержащими, лакцы – хитрыми, аварцы – грубыми, сильными, недалекими. Эти оценочные характеристики – штампы, отражаются в простейшем фольклоре, в том числе анекдотах. Кроме того, на наш вывод повлияли прослеживающиеся уже в период существования РФ на основании многих исследований - стереотипы массового сознания, отражающие представление о том, что власть в Республике делят между собой попеременно аварцы и даргинцы.

³ См.: Усманова З.Р. Становление общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа (политико-психологический анализ). Дисс. ...кан. пол. наук. М., 2013; Гудиева К.Н. Политико-психологический анализ образов власти на Северном Кавказе (по материалам исследования жителей республик Северная Осетия - Алания и Дагестан). Дисс. ...канд.пол.наук. М., 2013; Дробизева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М., 2002.

его сознании? Каким индивидуальным или коллективным субъектам, и какого уровня принадлежит власть (уровня «своей» этно-религиозной группы, или уровня региона/страны), светский или религиозно-патерналистский характер она носит?

Поскольку мы изначально установили специфику политического восприятия разными поколениями, то нам было необходимо учесть *особенности представлений* всех трех исследуемых поколений о власти в различные периоды. Это дает возможность сравнить представления, например, о советской власти в сознании групп, которые прошли социализацию в период существования СССР (т.е. носителей первичных оценочных суждений), и групп, прошедших социализацию позднее (т.е. носителей вторичных оценочных суждений). Интересны и обратные сравнения, с целью выявления ценностной связи в оценках, констатации факта ее наличия, отсутствия, либо системной трансформации (перехода из одних форм в другие)¹.

Особое значение имеет логическое обоснование респондентами разных поколений своего нынешнего социально-экономического положения. Мы ожидали, что общая картина «уровня жизни» среднестатистического россиянина стала чуть лучше, как и в среднем по РФ, чем, например в 90-е годы. В таком случае, нас интересует вопрос, как разные поколения объясняют этот факт – ролью субъективного персонифицированного «носителя власти», или стечением объективных обстоятельств, а может и лично своей ролью в данном процессе. Если к улучшению социально-экономической обстановки в стране причастна власть, то интересны представления респондентов об автономности или зависимости этой власти. В таком контексте становится очень важным понимание *оценочных суждений* респондентов, того в каком ракурсе – положительном,

¹ Например, ценность социальной обеспеченности-защиты, несомненно, существовала в сознании и советских людей и существует в сознании наших современников. Для нашего исследования примечательны смысловые обобщения, логические связки с образом «того, кто обеспечивает эту защиту». Кто этот «защитник»? Каково отношение к нему, доверие, насколько его образ ясен, последователен, насколько ясны его функции, полномочия и т.д.? Чем эти образы отличаются в сознании разных поколений?

отрицательном или нейтральном они оценивают деятельность власти. Приписывают ли они социально-экономические улучшения суверенной власти, доверяют ли они ее действиям, либо испытывают сомнения в независимости от власти, а значит, и с осторожностью воспринимают социально-экономические изменения. Считают ли они эти изменения основательными, укрепившимися в обществе надолго, или с опаской ждут продолжения трансформаций, проявляя неуверенность в завтрашнем дне (ощущение отсутствия стабильности)? Одобряют ли они вообще действия власти, причем важно всех ли уровней власти, или выделяя только один?

Особое внимание в интервью уделяется также и представлениям о стране, они очень важны для определения масштабов политической идентичности. В этом ракурсе наибольшее значение имеет вопрос «насколько Дагестан является Россией?». Дело в том, что сама постановка вопроса разрушает логику всех предыдущих суждений. Это позволяет определить степень формализма ответов, а также продемонстрировать неосознаваемые пласты сознания. Предполагаем, что получив ответы, кроме однозначного «это соотношение части и целого», мы сможем проследить факты рассогласования представлений, понять причины формулирования респондентом ответов на многие другие вопросы интервью. Иначе говоря, это вопрос – тест, фиксатор степени формальности (малой или большой личной значимости) ряда суждений и умозаключений респондента.

Еще ряд важных вопросов интервью посвящены представлениям о стране в контексте исторической памяти и связаны с событиями, стимулирующими чувства гордости или разочарования.

Для завершения полной картины «ментальной идентичности» предлагается ряд вопросов о друзьях и врагах страны. Примечательно тут особое выделение вопроса о негативном отношении к кавказцам (в последнее время персонифицировано – дагестанцам). Нам представляется, что возможными вариантами ответов будут те, которые представляют «дагестанца» внутренним

врагом¹, ожидаемы и представления о дагестанце внешнем враге, о дагестанце-иностранце, что подпитывает представление об отсутствии коренной связи между категориями «граждане России – дагестанцы», «Россия – Дагестан», «федеральная власть – дагестанская власть», «выборы президента России – выборы мера Махачкалы» и т.д. Представляется, что неправильное понимание образа «своих» и «своего места в мире», приводит к деформациям во взглядах и влечет целую цепочку разрушенных связей в коренных идентификационных механизмах.

В целом, благодаря использованию указанных качественных методов анализу подверглись данные о системе ценностей и системе представлений респондентов, а также был выявлен социализационный контекст их формирования. Для обеих систем были разработаны гайды интервью, позволяющие выявить *системы ценностей и представлений*. Структура гайдов интервью позволяет учесть необходимость выявления и компаративистского анализа устойчивых и изменчивых факторов, влияющих на формирование политического менталитета. Основное значение для нас имело место жительства респондента, что дает четкое понимание конкретного набора указанных факторов, специфичных для данной территориально-географической общности.

Полученные эмпирические данные были подвергнуты качественному контент-анализу в соответствии с общими проблемными вопросами:

- соотношение политических и иных коллективных и индивидуальных ценностей (здоровье, труд, семья, саморазвитие, безопасность, общественное развитие, религия и др.), преобладание определенных ценностей;
- представления о демократии и формах политического участия, представления об идеальной форме правления, существующие и преобладающие в сознании политические установки;

¹ Например, в исследовании Усмановой З.Р. были зафиксированы данные о восприятии дагестанцами самих себя, как «мифических врагов» русских. Это обстоятельство, по мнению респондентов, вызывало негативное отношение к дагестанцам, а в самих респондентах, стимулировало представление о Дагестане как автономном государстве, мало чем связанном с Россией.

- представления о политической власти (федеральной, региональной), оппозиции, политических предпочтениях, мотивации политического поведения;
- представление о государстве (реальном, идеальном), его политическом масштабе, представление о месте и роли региона в составе страны;
- представления о политических лидерах (регионального и федерального уровня);
- представления о политических институтах (на региональном и федеральном уровне) и отношение к ним;
- представления в контексте исторической памяти.

Для анализа политических ценностей и представлений как структурных элементов политического менталитета был выбран комплексный подход, являющийся синтезом политико-культурного и политико-психологического подходов, поскольку он позволяет определить их как политические убеждения и цели индивида или общества, отражающиеся в их сознании и служащие ориентирами в сфере политики. Данный подход подразумевает не только фиксацию и определение структуры и содержательного контекста указанных феноменов, но и выявление, характеристику и объяснение определяющего их культурно-политического контекста.

Политические представления и ценности респондентов обеих групп анализировались с точки зрения их когнитивной сложности, которые в рамках исследования были разделены на три уровня:

- высокая: свободно и грамотно оперируют понятиями, дают более трех содержательных характеристик;
- средняя: свободно и грамотно оперируют понятиями, дают 2-3 содержательные характеристики;
- низкая: некорректно используют понятия, дают одну содержательную характеристику.

Временные рамки исследования. Исследование проводилось в два этапа. Первый этап был осуществлен во второй половине 2013 года - первой половине 2014 года в республике Дагестан (диагностике подверглись представители первой группы респондентов). Второй этап был реализован весной – летом 2014 года в Москве. Общее количество собранных интервью – 102. Пятьдесят интервью собрано в Дагестане (17 респондентов в возрасте 21-35 лет, 16 респондентов в возрасте 36-50 лет и 17 респондентов в возрасте старше 50 лет). Пятьдесят два интервью собрано в Москве (18 респондентов в возрасте 21-35 лет, 17 респондентов в возрасте 36-50 лет и 17 респондентов в возрасте старше 50 лет).

Выводы по параграфу 2.1.

1. Систематизировав существующие в политическом и социально-гуманитарном знании теоретические и методологические подходы к исследованию нашего предмета, для выполнения поставленных задач диссертационной работы была разработана авторская модель, основанная на двухкомпонентном анализе динамики политических представлений и ценностей в структуре политического менталитета:

– компаративном анализе политических ценностей и представлений дагестанцев советского поколения, постсоветского поколения и поколения двухтысячных;

– компаративном анализе политических ценностей и представлений дагестанцев, постоянно проживающих в Республике и покинувших ее после прохождения в указанной регионе первичной социализации.

2. Для достижения целей анализа были избраны качественные методы исследования:

– формализованное интервью «Политические ценности»;

– глубинное интервью «Политические представления».

Оцифрованные текстовые данные интервью были подвергнуты качественному контент-анализу. Эмпирическое исследование проводилось в два этапа: первый этап осуществлен во второй половине 2013 года - первой половине

2014 года в республике Дагестан – исследованию подверглись дагестанцы, постоянно проживающие в Республике; второй этап был осуществлен весной–летом 2014 года в Москве – исследованию подверглись дагестанцы, переселившиеся в Москву на постоянное место жительства.

3. Таким образом, логически удалось выстроить эмпирическую часть исследования соизмеримо с общими методологическими задачами и методически обеспечить решение главных из них:

- выявить структуру и содержание ценностных ориентаций респондентов, зафиксировать их иерархию, прояснив место политических ценностей в общей системе ценностей, а также выявить и дать характеристику тому культурно-политическому контексту, который непосредственно влияет на их становление;

- выявить структуру и содержание политических представлений респондентов, зафиксировать их стабилизацию, деформацию или трансформацию в иные формы, объяснив непосредственное влияние на указанные процессы изменчивых факторов культурно-политического контекста.

2.2. Анализ политических представлений и ценностей дагестанцев, постоянно проживающих в Республике

В соответствии с логикой диссертационного исследования, результаты интервьюирования респондентов, родившихся и постоянно проживающих в Республике Дагестан, первоначально были обобщены. Всего было опрошено 50 человек, среди которых в равных долях представлены все три интересующих нас поколения: возрастные группы 21-35, 36-50 и старше 50 лет. Анализ полученного материала позволяет сделать определенные заключения.

Роль политических ценностей в сознании респондентов и их соотношение с иными индивидуальными и групповыми ценностями

Анализ полученных эмпирических данных позволил выявить в основе менталитета граждан Дагестана следующие ценности: материальное благополучие, семья, религия, безопасность, принадлежность к национальному сообществу, принадлежность к гражданскому сообществу. Часть из них являются коллективными, в них присутствуют и интересующие нас политические аспекты. Например, ценность безопасности, имеющая в подавляющем большинстве случаев значение личной, может превращаться в политическую, если она наполняется политическим смыслом, то есть политизируется и начинает выражаться в других представлениях: *«Все эти события, связанные с терактами и постоянными спецоперациями, вызывают страх и беспокойство. Часть моих родственников уехали отсюда, ждем войны, многие погибают, жены остаются вдовами, дети сиротами. Какая там безопасность»*.

Уникальным является факт наличия крайних форм редукции сознания дагестанцев, связанных с сохранением и даже ренессансом архаических мифологических форм мировоззрения, основанных на суевериях, притчах, народных сказаниях, деформированных религиозных мифах. Мифологическое или религиозное мировоззрение укрепило убежденность граждан в реальности таких конструкций, как приметы, гадания, фанатичное соблюдение адатов, национальных и религиозно-обрядовых традиций. Таким образом, структура ценностей, выявленная в ходе исследования, четко аргументируется характером социокультурной трансформации в регионе.

Изучение трансформации коллективных ценностей в политические позволило сделать вывод о том, что данный процесс происходит в результате политизации ценности под воздействием определенного актуализированного временного фактора. Получается, что ценность всегда остается в структуре дагестанского менталитета, но ее значение для индивида трансформируется и выражается через изменённые представления. У всех исследуемых возрастных групп в структуре менталитета имеются перечисленные выше ценности, но специфика их выражения через представления имеет поколенческие особенности,

которые были проанализированы на примере ценностей демократии и патриотизма:

– для респондентов **в возрасте 21-35 лет** демократия – это *«разгул, попустительство, беспорядок»*, но в то же время и свобода, возможности, бизнес и обогащение, а патриотизм для них локален (*«я патриот своей семьи»*), этнизирован и принимает иногда религиозную окраску;

– представители средней **возрастной группы (36-50 лет)** определяют демократию как *«власть народа, выборы, волеизъявление»*, но в то же время считают, что *«это все не честно»* и *«то, на что не стоит тратить время обычному человеку, не заинтересованному в политической карьере»*, а патриотизм – *«это любовь к Родине, как малой, так и большой»*, *«это дружба народов»*, *«чувство гордости за уникальность страны, ее культуру, ресурсы»*;

– **респонденты старше 50 лет** считают, что демократия – это *«свобода, равенство, гласность, капитализм»*, *«изобилие товаров и низкая пенсия»*, *«выборы президента»*, *«борьба многих партий за власть»*, а патриотизм для них – *«борьба за светлое будущее, гордость за великую державу»*, *«готовы отдать жизнь за страну»*, *«вечное и верное ей служение»*.

Представления о демократии и формах политического участия

Указанное разнообразие понимания демократии разными поколениями, предопределило проведение дополнительного анализа представлений о демократии, идеальной форме правления, формах политического участия, существующих и преобладающих в сознании политических установок, которые были диагностированы путем анализа ответов на вопрос, касающийся представлений респондента о демократии и ее значении для современной России. Диагностика была проведена как самого когнитивного значения данного термина для респондента (анализ определения, которое дает респондент, отвечая на вопрос, степень четкости и конкретности наличествующего в сознании представления о нем), так и вектора эмоционального отношения к указанному феномену, который мог иметь как положительную окраску, так и отрицательный

характер и представляет личностное отношение респондента. Важным оказался тот факт, что респонденты выражали поддержку демократии в России и одобрение ее как политического режима в том случае, когда могли четко обосновать, почему она им выгодна. Например, представитель старшей возрастной подгруппы высказался таким образом: *«Демократия это очень хорошо, раньше не было возможности говорить все, что хочешь, не было так много возможностей для развития и конкуренции. Я делать этого не мог, но сейчас это могут делать мои дети»*.

В целом, общая картина «демократии» в представлениях респондентов демонстрирует отсутствие целостности и четкости, что в определенной степени предопределено сложностью и противоречивостью анализируемой категории. Первое, что обращает на себя внимание – это отсутствие содержательных компонентов образа: 24% респондентов ответили, что *«не знают, что такое демократия»*, а оставшиеся 76% респондентов, объясняя, что такое «демократия», в основном не имели четкого представления о данной форме политической организации общества. В целом, параметр четкости представления о «демократии» не очень высокий: только 53% респондентов дала более или менее четкое определение политической категории, а у 47% респондентов ответы были образными и абстрактными.

Предположение о слабости и нечеткости представления о «демократии», в силу слабой осведомленности о сущности понятия, подтверждается отсутствием амбивалентности в ответах: демократия для них не является сложным и противоречивым явлением, у всех респондентов это представление является односложным, имеющим положительное либо отрицательное значение. Так, для 72% респондентов демократия – это лучший из существующих политических режимов. При этом для подавляющего большинства опрошенных граждан источником власти в демократическом государстве является народ, а атрибутом демократизации – свобода человека, слова, мысли. В целом, отвечая на вопрос «Что такое демократия?», респонденты склонялись к тому, что это: *«власть*

народа» (38%), «свобода слова» (30%), «наличие гражданских прав» (24%), «гласность» (7%), «свободное проживание каждого человека» (4%), «свободное государство» (4%).

Параметр четкости представления о «демократии» у части респондентов (32%), одобряющих данный политический режим, достаточно низкий. Респонденты не имеют представления о конкретных способах реализации «власти народа», «свободы слова», «гражданских прав» и «гласности». Данная особенность полученных результатов, позволяет автору сделать вывод о том, что представления о конкретных способах реализации вышеуказанных атрибутов демократии могли бы способствовать развитию у респондентов идей о наличии/отсутствии реального функционирования данного политического режима, и как следствие содействовали бы более четкому формированию представлений у граждан. Несмотря на понимание респондентами основ демократии (гражданских прав и свобод, гласности и народовластия), нет определенных представлений о сущности этих понятий и категорий, отсутствует понимание механизма реализации данных прав. Это свидетельствует, что происходит стереотипизированное восприятие ценности «демократия» и формирование представлений о демократии без содержательной характеристики.

Не менее противоречиво понимание процесса становления демократии в России, несмотря на то, что ее существование признают более половины опрошенных граждан (64%): *«стоит стремиться к идеальной форме демократии», «еще многое предстоит сделать», «мы должны стремиться к совершенствованию демократии в стране», «России демократия нужна в первоизданном виде».*

Респонденты, не верящие в перспективу развития демократической организации общества в России (28%), признают лишь формальное закрепление в Конституции РФ демократической формы организации общества, отрицая при этом не только наличие демократии в России, но и возможность реализации главного демократического принципа – народовластия, указывая на то, что

демократия никогда не была властью народа, а всякое правление является олигархическим: *«демократия – это власть народа, но у нас ее не было и не будет»*. Негативные оценки демократии, прежде всего, связаны с тем, что в представлениях опрошенных политики используют демократический режим с целью реализации собственных интересов. А такое понимание демократии сводится к аксиоме, что *«это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством»*: *«политики придумали ее, чтобы было легче управлять народом»*, *«демократия – это прикрытие для политиков, которые могли бы играть народом, как им хочется»*, *«демократия – это придуманная людьми машина для дозволения себе всего желаемого, что не дозволено господом. Это не применимо ни для одного верующего человека»*.

Показательным является выделение респондентами параметра неестественности, обманчивости и навязывания своей власти одной группой людей большинству, что препятствует восприятию «демократии», как власти народа, при которой именно народ избирает правителей и имеет возможность сместить их законным способом.

Параметр четкости представления о «демократии» у части респондентов (86%), скептически относящихся к данному политическому режиму, практически отсутствует. Никто из опрошенных не дал ей своего определения, показав демократию как *«несправедливость»*, *«политическую проституцию»*, *«сказку»* или *«матерное слово»*. Для них представление о «демократии» очень размытое (*«демократия – понятие относительное, нет идеальной формы демократии, у каждой страны она своя»*). Данные результаты можно объяснить невыполнением основных принципов и обещаний демократии в республике: равноправие граждан, «прозрачность» выборности представительных органов государства и т.д. Именно поэтому у опрошенных, отсутствует четкое представление о том, что считать демократией, при этом формируется отрицательное эмоциональное отношение, как закономерный результат неоправданных ожиданий.

Негативное восприятие «демократии» у данной части респондентов объясняется также тем, что они четко отделяют «идею демократии» от ее реального воплощения на практике, о чем свидетельствуют их ответы: *«нам нужен твердый кулак, а не демократия», «это сказка, хочу сталинский режим», «просто народу она не нужна, нам нужен порядок».*

Теперь проанализируем, опираясь на логику нашего диссертационного исследования и учитывая избранную нами модели «ядро – периферия», такие **демократические ценности**,¹ как свобода и равноправие, права человека, легитимность, равноправие, вокруг которых у респондентов формировались представления о демократии.

Степень личностной значимости демократических ценностей у опрошенных респондентов сильно варьируется. Расставляя ценности, относящиеся к демократии, по степени значимости, 22,2% респондентов на первое место ставит *«соблюдение законов»*, 18,5% респондентов большую значимость признает за такими демократическими ценностями, как *«права человека»* и *«равенство»*. *«Свобода»*, как демократическая ценность, значима для 14,8% процентов опрошенных респондентов.

Такое соотношение ценностей для респондентов, на наш взгляд, наблюдается в силу сложившейся социально-политической конъюнктуры в Дагестане. В первом случае – *«соблюдение законов»* (22,2%) – связано с наблюдающимся в последние двадцать лет произволом со стороны разных клановых, криминальных и политических группировок, следствием чего является систематическое нарушение прав законов РФ и основополагающих принципов, заложенных в Российском законодательстве.

Значимость *«прав человека»* и *«равенства»*, как демократических ценностей, для респондентов объясняется существованием разницы в качестве жизни между «богатыми» и «бедными». Высокое социальное расслоение,

¹ Ценностями демократии являются следующие: гражданский и политический активизм; легитимность; свобода и равноправие; ответственность; достоинство личности; справедливость; политический и культурный плюрализм; права человека; личная независимость.

недосягаемая разница уровней дохода, по мнению экспертов, является одной из основных причин экстремистской и террористической активности в Республике¹.

Анализ представлений о демократии и ценности демократии, показывает, что в сознании испытуемых преобладают положительные представления о демократической форме правления в России. Параметры четкости и конкретности анализируемых представлений достаточно низкие, в представлениях респондентов практически отсутствует ясная, полная картина значения и признаков данного феномена. В целом, низкий уровень когнитивной сложности ответов компенсируется небольшим числом наиболее «звучных» эмоциональных характеристик.

Ценностные ориентации дагестанцев, как показало исследование, свидетельствуют об этатистском представлении о демократии. Данный вывод основывается на выявленном у респондентов запросе на ценность «сильного государства» посредством реализации ценностей «ответственности» и «подчинения закону». Данный набор демократических ценностей и формируемых на их основе представлений далек от либеральных взглядов.

Особое внимание в рамках исследования было сосредоточено на проблеме политических представлений и установок, выраженных в смысловых категориях членства в политических партиях (одобрении/не одобрении программ партий), политического участия (конвенционального, неконвенционального, постоянного, эпизодического, пассивного, активного) и политического поведения.

В целом, *респонденты в возрасте 21-35 лет* признают за демократией атрибутивную роль инструмента достижения «власти» меньшинства, преследующего сугубо личные, корыстные цели.

Средняя возрастная группа признает за демократией инструмент борьбы за власть и возможность всеобщего участия в политической сфере общества при помощи этого механизма, сочетаемой одновременно с отсутствием реальной

¹ Богатые или бедные? // Режим доступа: <http://kavpolit.com/bogatye-ili-bednye/?print> (дата обращения: 16.02.2015)

необходимости использования демократических механизмов участия по причине недоверия к власти и ее честности. Для них демократия формальна.

Респонденты старше 50 лет признают за демократией реальное народовластие, и считают необходимым участие в выборном процессе.

Представления о политической власти

Представления о власти (федеральной, региональной), оппозиции, политических предпочтениях, мотивации политического поведения у респондентов были выявлены путем качественного контент-анализа ответов на открытый вопрос «Власть – это ... » и закрытый вопрос, предлагающий выбрать из предложенных вариантов три ответа, которые, по мнению респондента, обозначают субъектов, обладающих наибольшей властью в России. Дополнительным параметром анализа выступили ответы на открытые вопросы, в рамках которых респонденты охарактеризовали власть в России в советский период, в период правления Б.Н. Ельцина и при президентстве В.В. Путина.

Когнитивная сложность представлений о власти у респондентов невысокая – в ответах отсутствуют содержательные характеристики: например, они не указывают на легальные и нелегальные способы осуществления власти, отсутствует разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви, федеральный и региональный уровни. В целом, власть для респондентов – это абстрактная и образная субстанция, а уровень рационализации её представления достаточно низкий.

Представление о власти как о способе действия выражается главным образом в категориях *управления, принуждения, контроля, подчинения: «воздействие на деятельность и поведение других людей», «власть – структура обладающая возможностью подчинить своей воле, управлять или распоряжаться», «наделение полномочиями, позволяющими управлять обществом», «возможность оказывать влияние, подчинить своему решению всех остальных», «власть – структура обладающая возможностью подчинить своей воле, управлять или распоряжаться».*

Представление о власти, имеющее отрицательную характеристику, было выявлено у 39% респондентов, а количество респондентов, затруднившихся ответить на вопрос о том, что такое власть, практически такое же, как и количество респондентов, в представлении которых власть имеет позитивные ассоциации (15% против 18% соответственно).

Подавляющее большинство респондентов, имеющих отрицательное представление о власти, ассоциируют ее с такими категориями, как:

- «сила» (20%) – как главный источник представлений о власти выступает «сила» в отрицательном ключе: *«угнетающая физическая сила группы людей», «вседозволенность», «своевластие», «подчинение своему решению всех остальных», «могущество, за которым гоняется человечество, как оно появилось на нашей земле и жестокое порабощение народа»;*
- «деньги» (15%);
- «несправедливость», в контексте *«обворовывания людей»* (13%);
- отрицательные абстрактные понятия *«зло»* (5,3%), *«грязь»* (4,9%), *«полная жуть»* (2%).

С точки зрения автора, подобные выводы о природе власти связаны с представлением жителей Дагестана о мотивации субъектов, ищущих власти и борющихся за нее. Определяя мотивы людей, стремящихся к власти, значительный процент опрошенных указывают такой – *«чтобы улучшить свое материальное положение»*. Этот мотив власти у молодого поколения объясняется созерцанием образа жизни, которого придерживаются представители политического истеблишмента. В общественном сознании сложилось стереотипное мнение, что преуспеть в жизни можно, только работая во властной структуре. Это связано с отсутствием в регионе альтернативных сфер для карьерного роста. Одновременно работа во властном секторе имеет статусный характер. Среди респондентов, придерживающихся такого восприятия данной позиции, – 80%.

В отличие от представлений о власти, где на первом месте выступает сила, в определении мотивов прихода к ней эту позицию занимает материальное благосостояние. И только 24% опрошенных граждан отмечают позицию – *«чтобы принести пользу обществу»*. В данном случае нет существенных различий по возрастному признаку или совершению религиозных обрядов.

Выявлен лишь небольшой процент респондентов, которые указывают на самореализацию как мотив стремления к власти. Интересным фактом является то, что большинство из них ежедневно совершают религиозные обряды. Данная особенность позволяет автору сделать предположение о причинах прогрессирующей исламизации региона: жители Дагестана, особенно молодежь, «уходят» в религию из-за отсутствия возможности реализоваться и самоутвердиться в других социальных сферах. Религия начинает восприниматься как адаптация к социальной действительности через формальные и неформальные религиозные организации, в которых население Дагестана находит применение своим физическим и духовным способностям. Часто молодые люди попадают в группировки, пропагандирующие радикальные экстремистские и сепаратистские идеи. Подобного рода идеи и группировки, находя поддержку международных религиозных организаций, выступают реальной политической силой. В контексте таких причин мотивации власти, самоутверждение происходит не в политической, а в духовной сфере. Данные особенности предопределяют тот факт, что в сознании респондентов «политическое» как таковое практически полностью вытесняется, как нечто негативное и противоестественное.

Представление о власти, имеющее отрицательную характеристику, объясняется такими обстоятельствами, как социальные преимущества людей, наделенных властью; социальное расслоение по материальному признаку между государственными чиновниками и простыми гражданами.

Кардинально отличаются представления об идеальной власти для России, которые в основном выражаются в категориях «силы», «справедливости» и «честности». **Власть должна быть:** *«справедливой, жесткой, чтобы она могла*

разобраться с олигархами; власть должна быть не такой, какая есть сейчас. Власть не должна воровать; власть должна быть сильной, справедливой, гласной и ориентированной на улучшение жизни людей; справедливой, должна защищать людей от преступников и разбоя; власть должна быть сильной. Представители власти должны соблюдать закон, сохранять порядок». Лишь небольшая часть интервьюируемых указала на демократические основы власти: «честные выборы; должна отвечать требованиям, установленных законом».

Респонденты четко разделяют субъектов власти – простых граждан и представителей власти по должности, используя при этом принцип идентификации «свой-чужой», наделяя каждого определенными характеристиками: *«Власть – это то, что простые смертные не знают», «управляющая верхушка общества», «справедливому человеку во власти места нет», «власть сама по себе, а народ отдельно от власти», «власть – это безграничное обворовывание простых людей».* Таким образом, идентификация «свой-чужой», в контексте «народ-власть», имеет общую характеристику. «Свои» – это простой народ, обычные справедливые люди, которые никак не могут повлиять на власть. «Чужие» – это представители власти, правящая верхушка, им всегда мало денег, они постоянно обворовывают простых людей, дистанцируются от народа.

Отметим также, что представление о власти лишь у незначительного количества респондентов связано с религией: *«Власть принадлежит только Аллаху, и если кто-то властвует над людьми, пусть правит так, как предписал всевышний, то есть по Шариату».* Данные результаты опровергают предположения автора диссертационного исследования о том, что должно было быть большее количество ответов, в которых власть имела бы религиозный контекст, так как Дагестан традиционно считается исламской Республикой, а на процесс социализации в большей степени влияет религиозный фактор.

Не менее важно для понимания отношения к власти, ее оценки рассмотрение особенностей восприятия отдельных политических деятелей.

Исследование показало, что персонификация в представлении власти отсутствует, никто из респондентов не связывал власть с конкретным политиком. Лишь для 21,5% власть – это «*определенная группа людей, принимающая решения*», однако нет четких характеристик этих групп, нет суждений о том, кто такие эти люди, где концентрируется возможность принятия ими решений, связана ли эта возможность с определенной политической позицией. Вероятно, в сознании респондентов власть вообще не связана с работой в государственных структурах. Это подтверждается размытыми интерпретациями о специфике полномочий ветвей власти, а также тем, что судебная власть вообще не воспринимается как власть.

В связи с ожиданиями автора, по поводу низкой степени персонификации власти в сознании испытуемых, в интервью был специально предложен вопрос с возможностью выбора наиболее значимых и сильных субъектов власти из списка 18 персон, а также возможностью указания собственного варианта. В вариантах ответов были предложены представители всех ветвей власти. Респонденты наделили наибольшей властью в России: «*Президента РФ*» (39,3%), «*силовые структуры*» (24,2%), «*Правительство РФ*» (12,2%), «*Государственную Думу*» (9%) и «*Администрацию Президента РФ*» (6%). На второе место респонденты поставили «*олигархов*» (28%), «*Президента РФ*» (18%), «*силовые структуры*» (15%) и «*мафию*» (6%).

Для выявления глубинных неосознаваемых аспектов восприятия политической власти, ряд вопросов в интервью был направлен на выявление представления о ней в разные исторические периоды в стране. Необходимо было получить более детальную картину того, насколько менялось представление о власти в период воздействия различных факторов социокультурной и политико-экономической действительности. Для целей диссертационного исследования важно было проверить – сохранялись ли политические ценности во все эти периоды или они менялись, сохранялись ли представления о власти или они

изменялись в силу трансформации ценностного базиса личности респондентов, произошедшего из-за социокультурного кризиса последнего десятилетия XX века.

Представления о *власти советского периода* имеют в подавляющем большинстве положительные ассоциации, что позволяет говорить о положительных представлениях о власти (67 %).

Положительные характеристики власти советского периода вызваны ассоциациями с:

– сильной и стабильной властью, которая была, по мнению респондентов, не коррумпированной, идейной и заботящейся о народе (16,6%): *«о нас заботилась власть», «власть была стабильной, боялись воровать и отправлять за границу советское добро», «в советское время в России власть была жесткой и постоянной»;*

– порядком (33,3%) и стабильностью (11,1%): *«порядок, стабильность», «все было хорошо, была стабильность в советское время», «в советское время был диктаторский порядок», «все было намного спокойнее, чем сейчас», «фабрики работали, заводы работали - безработицы не было, хотя говорили, что безработица есть»;*

– справедливостью (11,2%): *«была справедливость», «было все справедливее в основном», «равноправие, жесткий контроль».*

В целом, у 22,2% респондентов сформировалось представление, что *«для народа это было идеальное время», «было намного спокойнее, чем сейчас», «люди жили лучше».*

Отрицательные представления о власти в советский период связаны с отдельными особенностями социалистического режима: *«безбожием», «внушением атеизма», «отсутствием свободы слова и инакомыслия».* Отметим, что наибольшее количество атеистов и вообще их наличие представлено в возрастной группе нашего исследования старше 50 лет, что предопределено тем фактом, что в их сознании целенаправленно воспитывали атеистическую матрицу и их корневые, базисные ценности не изменились, несмотря на существенную

трансформацию окружающей социальной среды. Указанные данные эмпирически наглядно подтверждают факт устойчивости ценностей в ядре сознания и менталитета. Именно эти представители старшей возрастной группы весьма скептически относятся к процессу исламизации и даже вполне рационально объясняют, почему он происходит: *«У нас в жизни все было ясно. Мы были счастливы. Даже сейчас у нас есть вроде что-то, телевизор или машина, мы сделали ремонт, но ощущение счастья исчезло. На душе будто камень, а люди обозлены. А что же делать молодежи, если она обозлена и печальна сразу? Нам хоть можно вспоминать и этим утешаться... у нас уже был рай. А молодежи приходится придумывать рай в будущем. И этот выдуманный рай для них обещан религией».*

Второй важный этап – **период правления Б.Н. Ельцина**. Представления о власти в этот период у всех респондентов отрицательные, что в определенной степени вызвано следующими факторами: *«развал СССР», «тотальный развал экономики, промышленности»* и *«резкое ухудшение жизни населения»*. Такое представление о власти имело несколько составляющих:

- президент, как главный представитель власти, – *«пропивший Россию»* и *«продавший все, идиот»*;
- властные легитимные структуры либо *«находились в борьбе за жирный кусок»*, либо это был *«сумасшедший сброд идиотов»*;
- реальные властные полномочия были у криминальных структур и олигархов, так как оставшиеся чиновники *«работали на олигархов»*; *«власть в период Ельцина мафиозная и олигархическая»*.

Такой подход позволяет сделать автору вывод о том, что в сознании респондентов *«власти вообще не было»*, она доставалась тому, кто руководствовался принципом *«кто успел, тот и съел»*. В целом представление о власти данного периода имеет ассоциацию с *«разрухой»* (45%), *«хаосом/бардаком»* (44%), *«развратом»* (36%), *«бандитизмом»* (33,5%).

Превалирование негативных характеристик в оценках политической власти (62% против 21% положительных) прослеживается и в ответах респондентов в отношении *периода президентства В.В. Путина*, более того значительная часть респондентов (12%) вообще не смогли ответить на вопрос или не смогли определиться с тем, стала ли власть хуже или лучше (15%). Отрицательные характеристики власти «путинского» периода имеют преимущественно абстрактный характер (67%): *«беспредел»*, *«грязь»*, *«бардак»*, *«кризис»*, *«молчание ягнят»*, *«идиотизм»*.

В 33% случаев представления о власти имеют четкие характеристики, отражающие основания негативных оценок. Вероятно, действующая власть не может справиться с проблемами в социальной и политической сферах общества, ощущается постоянная неразрешенность проблем с *«коррупцией чиновников»*, *«несовершенством законов и их нарушением»*, *«проституцией»*, *«ваххабизмом»* и *«незаконным оборотом наркотиков»*, а также *«слабой экономикой»* и *«безработицей»*. Данное восприятие показывает, что власть не имеет авторитета.

Положительные представления о власти, выявленные у 21% респондентов, можно охарактеризовать скорее как нейтрально-положительные: *«более или менее стабильно»*, *«на данный момент начинаются положительные тенденции»*, *«лучше, чем в период Ельцина, в России есть улучшения при правлении Путина»*.

Согласно избранной нами модели (ядро – периферия), представления о власти у первой группы респондентов были сформированы вокруг **ценности сильного государства**. Нами был зафиксирован отчетливый «государственнический» характер, поскольку государству, как иерархической структуре, управляющей большими и малыми группами, приписывается важная роль в развитии страны, от него ждут активной и сильной внешней политики. Причем отчетливо тенденция опоры на консервативную ценность «сильного государства» стала особенно заметна в условиях экономического кризиса в регионе.

Другим подтверждением актуальности ценности «сильного государства» являются представления респондентов о сильной власти в советский период. Власть в период существования СССР у респондентов ассоциировалась с образом сильного и справедливого государства, в котором выросли и ускорились темпы развития крупной промышленности, поднялся уровень народного благосостояния и т.д. С другой стороны, ценность «сильного государства» связана с поиском харизматичного лидера, спасителя Отечества, способного вывести страну и регион из кризиса. В связи с этим, можно говорить о неудовлетворенности ценностного запроса респондентов, в силу чего представления о власти в целом носят отрицательные характеристики.

Представление о стране

Данный блок исследования был направлен на выявление пространственного аспекта представлений респондентов о современной России (вопрос о границах России), а также территориального аспекта политической идентичности. Представление о России, как стране, государстве (реальном и идеальном), его политическом масштабе, месте и роли региона в ее составе были выявлены путем качественного контент-анализа ответов на открытые вопросы, касающиеся представления респондента о границах России, о месте в ней Дагестана, а также о наличии у России друзей и врагов.

Отметим, что 51,5% респондентов, принявших участие в исследовании, затруднились ответить на поставленные вопросы. Полученные же ответы 48,5% респондентов можно условно разделить на 3 группы:

– 15,1% считают, что современная Россия имеет достаточные и необходимые территории в рамках существующих границ и ничего менять не следует;

– 18,1% не удовлетворены размерами территории и считают ее меньшей, чем она должна быть: в представлениях 15,1% у России не существует границ, они считают, что *«нет пределов для России»*, *«никакими границами невозможно определить Россию»*, *«там, где наши, там уже Россия»* и 3% имеют четкое

представление, что границы России совпадают с внешними границами стран СНГ;

– 9% респондентов ассоциируют территорию России с меньшей территорией, из них 6% считают, что Россия – это Дагестан, так как *«только Дагестан для меня – это моя страна»* или *«Россия ограничивается пределами Дагестана, дальше ты не человек»*, а для 3% опрошенных Россия ассоциируется именно с центральными городами федерального значения – Москвой и Санкт-Петербургом.

Представление о том, насколько Дагестан является Россией, нашло более четкие, по сравнению с представлением о границах России, обоснования в сознании респондентов. Практически все они (82,9%) смогли дать ответ на поставленный вопрос. Полученные ответы также можно условно разделить на 3 блока:

- Дагестан – часть России, вся территория которого полностью является российской территорией (48,4%);
- Дагестан частично является территорией России (30,3%);
- Дагестан никак не соотносится с Россией (30,3%).

Рассмотрим более подробно результаты каждого из блоков. Респонденты из первого блока в большинстве случаев давали ответ, что *«невозможно представить Дагестан без России»*, *«100%»*, *«Дагестан неотъемлемая часть России»*. Однако данное представление объясняется не естественным положением вещей, а необходимостью и отношением зависимости: *«Дагестан полностью зависит от России»*, *«без России Дагестан не выживет»*, *«он и есть Россия! Мы без нее никто! Она наша дойная корова. У нас нет ни промышленности, ни нефти, одна рыба»*.

Респонденты, которые ответили в рамках второго блока, приводили различные процентные соотношения целого и части: *«10%»*, *«35%»*, *«40%»*, *«50%»* и *«80%»*, обосновывая свои представления различными причинами: *«Дагестан настолько относится к России, насколько это определено*

географически и дотационно», «насколько это нужно самой России», «Россия для Дагестана является зарубежьем».

Представления о стране, ее масштабах и регионе в ее составе выстроились вокруг ценности патриотизма и имели свою специфику в историческом разрезе. Они отражали глубинные представления об историческом пути, прошлом, настоящем и будущем государства, о пространстве им занимаемом, притязаниях на дополнительные территории. В случаях, когда границы страны и региона не были взаимосвязаны, можно говорить о наличии локального патриотизма. Что касается возрастных особенностей восприятия, то респонденты первой возрастной группы (21-35 лет) демонстрировали наиболее радиальные представления, например, о Дагестане как самостоятельной исламской стране, также как и респонденты старше 50 лет – они представляли имперские масштабы или размеры СССР. Респонденты в возрасте 36-50 лет имеют наиболее адекватные и четкие представления.

Представления о политических институтах и лидерах

Представления о политических институтах и лидерах общефедерального и регионального масштабов были обнаружены путем качественного контент-анализа ответов на открытые вопросы об ассоциациях респондента, связанных с образом Президента России и Президента Республики Дагестан, образами других федеральных и республиканских государственных институтов, а также о степени самостоятельности этих институтов при принятии значимых политических решений.

Рассмотрим вначале представления респондентов о Президенте РФ, которые не отличаются высокой когнитивной сложностью, имеют более абстрактные, чем содержательные и персонифицирующие характеристики. Отметим, что у 33% респондентов представление о Президенте не вызывает никаких ассоциаций, а среди оставшихся 67% опрошенных, давших ответ: у 2/3 – положительные ассоциации, но также не отличающиеся содержательными характеристиками, и у 1/3 сформировались отрицательные ассоциации.

Анализ полученных эмпирических данных позволяет говорить о том, что представления о Президенте РФ не обладают высокой когнитивной сложностью. Причем респонденты не смогли четко обозначить его роль в политической системе, выявить влияние личности на качество выполнения функциональных обязанностей, определить психологические особенности и личностные качества президента. Кроме этого, представления о президенте настолько неоднозначны, что достаточно трудно объединить их по какому-либо принципу, что в очередной раз является подтверждением слабости и размытости образа. Самыми часто встречающимися были ответы – *«надежда на лучшее»/«надежда на светлое будущее»* (9%) и *«Путин»* (9,4%).

В то же время представляется возможным отметить «силовой» компонент в представлениях о В.В. Путине (17,6%), который связывается с проявлением силы, воли и власти: *«Путин-всемогущий»*, *«глава государства, гарант Конституции»*, *«с президентом России ассоциируется порядок, что не дает начаться войне в Дагестане»*, *«солдат с автоматом»*.

Респонденты, высказывающие отрицательное отношение о Президенте РФ, ссылаются на то, что он *«вор мирового уровня»/«ханука»* (49,4%) или *«кукловод»* (26,2%). По мнению опрошенных, на Президента РФ могут повлиять *«олигархи»* (21%), *«мафия»* (15%), *«зарубежная политика»* (15%), *«спецслужбы и силовики»* (12%). Хотя 22% от общего количества интервьюированных граждан считают, что нет людей, которые могли бы повлиять на Президента.

Представления о Президенте Дагестана являются еще более размытыми и неоднозначными, когнитивно бедными, а у 73% респондентов представление и вовсе отсутствует. У остальных сформировано:

– либо положительное представление (21%): *«непререкаемый авторитет, безграничная власть»*, *«поддержка Дагестана»*, *«глава государства, гарант Конституции РФ»*, *«мнение о Президенте Дагестана хорошее, так как убрали Амирова»*, *«как младший брат, Дагестан и Москва одна семья – Россия»*.

– либо отрицательное (6%): *«очередное недоразумение»*, *«ужас»*.

На открытый вопрос о том, кто может повлиять на Президента Дагестана, большинство (80%) отметили *«Президент РФ»*. При этом встречались более конкретные ответы, указывавшие на Президента РФ В.В. Путина: *«может повлиять Президент России В.В. Путин»*, *«Путин. Положительно»*, *«Путин»*. Остальные ответы разнообразны и отражают, преимущественно, домыслы, догадки и предположения, свидетельствующие о низкой осведомленности, но чуткой реакции на всевозможные слухи: *«какой-либо авторитет»*; *«спецслужбы и силовики»*; *«государственная бюрократия, близкие люди»*; *«каждый, кто сильнее»*; *«на нашего Президента никто не повлияет»*; *«наш Президент пока лучше знает»*; *«ему точно никто не нужен»*.

Представления о других институтах власти также не отличаются высокой детализацией. Государственная Дума РФ и Народное Собрание РД воспринимается в основном в негативном ключе: *«Сборище депутатов, которые столпились в очередь что-нибудь урвать»*, *«шайка бандитов»*, *«ГЕРЦ¹ и ихний бардак»*, *«бездельники, хапуги»*, *«большинство больше думают о собственном благополучии, а не о народе»*.

Что касается политических партий и общественных организаций, то удалось зафиксировать относительно четкое представление только о деятельности и роли «Единой России» и КПРФ. Представление о «Единой России» преимущественно атрибутивное: *«партия власти»*, *«в нее надо вступить, если хочешь куда-то влезть во власть»*, *«партия балаболов и демагогов, зато всю власть пригребла к рукам»*, *«что бы ни сделали, все значит заслуга «Единой России», везде это в новостях»*. Подобные ассоциации проявляются в ответах респондентов до 50 лет. Они также настаивают на игнорировании выборов федерального масштаба: *«там и так все решено»*, *«пусть единороссы сами там бюллетени заполняют, пусть*

¹ Муниципальное унитарное предприятие «Городской единый расчетный центр жилищно-коммунальных платежей». Обращает внимание тот факт, что ГЕРЦ ассоциируется с Народным Собранием. Вероятнее всего данный факт очередной раз свидетельствует о некомпетентности респондента, непонимании функциональных обязанностей и структурных элементов государственной, политической власти.

помучаются за всех заполнять», «да, нас заставляют голосовать, а я все равно не хожу, зачем весь этот фарс, чеченцы танцующие, совсем с ума посходили». Однако ответить на вопросы о том, что является основой партийных программ или какой деятельностью вообще занимаются партии, никто из респондентов не смог. Исключением стал ответ респондента в возрасте 48 лет, имеющего высшее гуманитарное образование: *«да чего они там хотят, доступа к власти и ресурсам, объединения в единоличного монополистического политического эксплуататора глупого, слепого и послушного народа, выборами они занимаются и пусканием пыли в глаза».* В целом, респонденты старшей возрастной группы продемонстрировали симпатию к КПРФ, но, разъясняя их политическую программу, они пользовались знаниями, полученными и усвоенными во времена существования СССР и никак не связанными с реальной программой партии: *«заводы рабочим они хотят отдать, вернуть опять Союз», «коммунистическое общество создают, где все равны и нет олигархов никаких, у них все отнимут и людям дадут», «никакой больше приватизации, а национализацию сделают».* Вероятно, представления старшего поколения развиваются по инерции, многие из которых упорно не хотят видеть коренных изменений жизни и продолжают жить в «виртуальном СССР». Важно отметить, что показанное различие респондентов проявляется при сопоставлении ответов первой группы и второй (переехавших в Москву) анализируемых «региональных» групп. Последняя характеризуется тем, что во всех возрастных группах обнаружилась трансформация на осознаваемом и бессознательном уровнях сознания.

Выбранная нами теоретическая модель анализа (выделение ядра и периферии), позволила рассмотреть представления о государственных институтах, которые сформированы на основе **ценности «авторитет государственной власти»**. Исследование показало, что государственная власть является носителем авторитета только в ракурсе возможности материального обогащения и статусного возвышения и, преимущественно, не связана с набором авторитетных полномочий, которыми можно гордиться и которые можно

уважать. Уважение государственной власти вероятно основано на страхе и ощущении ее административной силы и влияния. Все эти обобщения массового сознания постоянно поддерживают почву для негативации оценок государственной власти в целом и ее институтов в частности и снижения ее авторитета в глазах населения. Примечательно, что общая, преимущественно негативная, оценка институтов власти, незначительно отразилась на образе главных политических лиц государства и региона (Президентов РФ и Республики). Такие выводы основаны на представлении граждан о том, что власть и ее институты причина всех бед, но В.В. Путин или Р.Г. Абдулатипов стараются все исправить, а почти все улучшения – результат именно их личных стараний. Причем слово «президент» снижает степень позитивной оценки, в то время как их собственные имена (Путин и Абдулатипов) сравнительно возвышают положительную реакцию.

Представления в контексте исторической памяти

Эти представления были выявлены путем качественного контент-анализа ответов на открытые вопросы о событиях в истории России и Республики Дагестан, которые вызывают у респондента чувство гордости или чувство стыда.

Полученные ответы распределились на две группы, в зависимости от места расположения на шкале «гордость/сожаление». События ранжировались по трем периодам: Царская Россия, Советский период и современная Россия. Анализ полученных данных был проведен по следующим блокам:

- выделение в целом событий, которыми респонденты гордятся больше всего;
- выделение периода в истории страны, в котором преобладало наибольшее количество событий, вызывающих сожаление;
- выделение и анализ предметной составляющей, вызывающей сожаление за те или иные исторические события в стране.

Рассмотрим в первую очередь представления, основанные на *событиях, вызывающих гордость*. Из множества исторических событий только 67%

респондентов выделили те, которые, по их мнению, имели положительное значение для страны и вызывают чувство гордости, а остальные посчитали, что *«гордиться нечем»*. К таким событиям респонденты отнесли:

- победу в Великой Отечественной войне (64%);
- полет Ю.Гагарина в космос (14%);
- Олимпиаду 2014 года (14%).

Отметим тот факт, что респонденты гордятся победой в ВОВ, но у них не вызывают сожаление многочисленные человеческие потери, материальный ущерб, понесенный страной, то есть данное событие имеет однозначную оценку. Респонденты также гордятся такими событиями, как: *«защита Осетии»*, *«освобождение от крепостного права»*, *«7 ноября»*, *«день ВДВ»*, *«День защиты детей»*, *«создание ракет и оружия»*, *«1 мая»*.

9% респондентов, считают, что нужно гордиться не событиями, произошедшими в стране, а теми людьми, которые живут в России: *«у меня вызывают гордость только добрые люди»*, *«я горжусь людьми, которые здесь живут»*. Остальные респонденты (33%) не считают возможным обозначить события, которые можно было бы оценить положительно: *«А у нас есть какие-то события?!»*, *«Хороших событий у нас давно не было»*, *«Какими событиями я горжусь? Пока никакими»*.

Результат анализа полученных эмпирических данных, позволил выявить, что большинство событий, за которые опрошенные испытывали гордость, произошли в советское время (67%): октябрьская революция, победа в ВОВ, полет Ю. Гагарина в космос, победы хоккейной команды СССР, развитие тяжелой промышленности и разработка военной техники, оружия и ракет.

Меньше событий, которые имели бы положительную значимость, респонденты выделяют в периоды царской (23%) и современной (27%) России, гордость вызывают такие:

- *«освобождение от крепостного права»*, *«расширение границ государства в царское время»*, *«победы в битвах»*.

– «защита Осетии», «Олимпиада 2014 года», «день защиты детей», «день ВДВ», «празднование 7 ноября».

Содержательные аспекты представленных событий позволили проанализировать их предметную составляющую: респонденты больше всего гордятся событиями, связанными с

- военными достижения и победами страны (71,4%);
- техническими и технологическими разработками/достижениями (13,6%);
- спортивными победами (13,6%).

Рассмотрим теперь представления, основанные на событиях, вызывающих у респондентов чувство сожаления. Отметим, что 36,3% опрошенных затруднились дать ответ, а 4,3% считают, что в истории страны нет таких событий, о которых нам стоит сожалеть.

В наибольшей степени респонденты сожалеют о таких событиях, как:

- развал СССР (19,4%): *«развал СССР», «распад советской страны», «расстрел белого дома, развал советского союза»;*
- период президентства Б. Ельцина (14,2%): *«пьяный президент», «правление идиота Ельцина», «сожаление у меня вызывает только Ельцин, как же перед мировой общественностью стыдно за него»;*
- террористические акты (14,2%): *«теракты», «террористы и их акции в наших городах», «убийства мирных жителей и невинных детей».*

Как показывают эмпирические данные, на первый план выдвигаются события, происходящие в современной России (48,4%). Реже респонденты говорят о событиях советского времени (36,3%) и дореволюционной России (15%). В целом, в разные исторические периоды респонденты сожалеют о следующих событиях:

- события, относящиеся к периоду дореволюционной России: *«крепостное право, расстрел декабристов, Русско-японская война 1904-1905 гг., Октябрьская революция 1917 года»;*

– события, относящиеся к советскому периоду: *«ГУЛАГ, начало ВОВ, существование железного занавеса, война в Афганистане, расстрел Белого дома, августовский ПУТЧ и развал СССР»*;

– события, относящиеся к современной России: *«президентство Б.Н. Ельцина, террористические акты, конфликтные ситуации с Америкой/Англией»* и *«отсутствие возможности дать им жесткий отпор»*, приход к власти *«продажного правительства»*, *«Россия не защитила Сербию и Ирак»*, *«проигрыши российской футбольной сборной»*.

Содержательные аспекты выделенных событий, позволили проанализировать их предметную составляющую: респонденты негативно оценивают события, связанные с

– несостоятельностью представителей власти, политико-государственными кризисами (42%): *«то, что в России все евреи, которые говорят от имени русского народа, называя себя русскими, меняя фамилии и имена, а в реальности преследуют свои цели»*, *«то, что Англия и Америка помыкала нами»*, *«развал СССР»*, *«Октябрьская революция 1917 года»*;

– отсутствием безопасности, защищенности и стабильности (14,5%): *«террористические акты»*, *«заказные убийства работников правоохранительных органов, религиозных деятелей и депутатов»*;

– поражениями в военных конфликтах (12,5%): *«Русско-японская война 1904 года»*, *«начало ВОВ (лето 1941 года)»*, *«война в Афганистане»*;

– кризисом морально-этических и духовных идеалов общества (12,5%): *«пьянство»*, *«поголовное курение всех, начиная со школьников, и что еще хуже даже девушек и женщин»*, *«мы забываем ветеранов ВОВ и просто не оказываем уважение пожилым людям»*, *«проявляем неуважение к старшим»*;

– трансформацией идентичности (8,3%): *«запрет исламской одежды в некоторых городах и организациях»*, *«мне больно, что все против дагов»*, *«то, что к дагестанцам негативное отношение со стороны русских»*.

Еще одним аспектом анализа составляющих менталитета дагестанцев, в том числе политического, выступили представления в контексте исторической памяти и представления о стране, образованные на **ценности «патриотизм»**. В целом, патриотизм является для большинства опрошенных крайне важной ценностью. Однако младшая возрастная группа мало восприимчива к исторической ностальгии, поэтому формирование их представлений о патриотизме основывается на поддержке «своих» сограждан. Для этих граждан важнейшим фактором оказались события на Украине, которые значительно возвысили ценность патриотизма и совместно с ценностью сильного государства переросли в представления о «мощи и независимости страны». Можно считать, что указанная ценность для молодежи только начинает актуализироваться в ее общепринятом смысле. Что же касается средней и старшей групп, то их патриотизм основан на историческом ренессансе, а современные события отсылают к былым достижениям и актуализируют надежды.

В целом, советский период связан с наибольшим количеством положительных представлений в контексте исторической памяти, что в первую очередь основано, на наш взгляд, в основном на поддержке обществом исторических мифов и крайнем разочаровании социально-политическим кризисом 90-х годов, приведшим к ностальгии по СССР.

Выводы по параграфу 2.2.

Подвергнув качественному анализу результаты эмпирического исследования, основанного на качественных методах анализа, позволившего исследовать политические представления и ценности респондентов, родившихся и постоянно проживающих в Дагестане, мы можем сформулировать ряд обобщающих выводов:

– представители всех возрастных групп демонстрируют примерно одинаковые ценности внутри своей когорты, что обусловлено воздействием устойчивых факторов социального окружения: этнической и региональной

поликультурой, традиционным укладом жизни и быта, религиозным возрождением;

– все три поколения демонстрируют примерно одинаковые представления в пределах своей когорты и есть даже некоторые общие для всех когорт представления, сформированные в настоящее время под воздействием социокультурной трансформации и её региональной специфики, особенно это относится к стремительной исламизации, проникновению ислама в государственную сферу, в бытовую сферу, его агрессивной пропаганде, нестабильной политической и экономической ситуации, крайним масштабам коррупции, высокой безработице, неблагоприятной криминогенной обстановке;

– особенностями ценностных ориентаций и политических представлений носителей «советского» менталитета, граждан рожденных и проживающих в Дагестане, является нежелание мириться с трансформацией во всех сферах. Возможно, это обусловлено тем, что «советское мировоззрение» в настоящее время является единственной альтернативой религиозному фанатизму и этническому архаизму в Дагестане. Влияние же общероссийской идеологии в регионе минимально и деформировано, ввиду описанных в параграфе 1.3. факторов;

– особенностями ценностных ориентации и представлений носителей менталитета «девяностых годов, Ельцинской эпохи» являются дисбаланс и фрустрация. Они являются носителями традиционных дагестанских ценностей, основанных на устойчивой этнокультуре, при этом данная группа респондентов хорошо понимают и воспринимают современную жизнь, при этом в определенной степени проявляют апатию и бездеятельность. Их представления идеализированы, осторожны, взвешены, а установки не располагают к реальному действию;

– особенностями ценностных ориентаций и политических представлений носителей менталитета поколения «двухтысячных» являются агрессивность, крайняя раздражительность и недовольство, плюрализм, наличие множества вариаций. В целом их представления четкие, сбалансированы внутри каждого

вида, а установки располагают к активному действию. Надо учитывать тот факт, что изменчивые факторы, которые фрустрировали представления первой и второй возрастных групп, оказались устойчивыми при формировании представлений данной группы. Ввиду того, что факторов много и они все разные, мы наблюдаем и множество вариаций в представлениях. В то же время, наличие общих ценностей у всех возрастных групп обусловлено действием устойчивых и изменчивых факторов среды одновременно. Для третьей же группы, что особенно важно в данном случае, это их влияние в период детства и юношества (первичная, вторичная социализация).

Выявление систему ценностей и представлений «коренных» дагестанцев трех возрастных группой позволяет перейти к рассмотрению и сравнению её с аналогичной системой дагестанцев, сменивших социокультурное окружение.

2.3. Анализ политических представлений и ценностей дагестанцев, переселившихся в Москву на постоянное место жительства

Для реализации задач нашего диссертационного исследования необходимо обобщить результаты интервьюирования респондентов, родившихся в Дагестане, прошедших там первичную социализацию, но переселившихся в Москву на постоянное место жительства.

Всего было опрошено 52 человека, почти в равных долях представлены все три интересующих нас поколения (возраст 21-35 – 18 человек, 36-50 и старше 50 лет по 17 человек). Результаты эмпирического исследования представлены ниже.

Роль политических ценностей в сознании респондентов и их соотношение с иными индивидуальными и групповыми ценностями

Результаты исследования позволяют говорить о том, что набор ценностей у «московских» респондентов идентичен ценностям «коренных» дагестанцев, хотя разница в представлениях все же присутствует и основана она не столько на

поколенческих сдвигах, сколько обусловлена воздействием факторов иной социокультурной среды, причем особое значение имеет *продолжительность* такого воздействия. «Московские» дагестанцы когнитивно более гибкие, поэтому «демократия», «государство», «справедливость» для них имеют большее значение. В то же время более выражены, чем в Дагестане, крайние и радикальные формы представлений. Вероятно, причиной этого может быть «культурный шок», смена бытовой и культурной обстановки, наличие крайней формы неприспособленности на первых этапах вхождения в новую для индивида среду, наличие страха и чувства дезадаптации.

Для дагестанцев, проживающих в Москве менее десяти лет, актуализируются ценности личностного и локального характера – безопасность, консолидация, групповая поддержка, групповое сплочение, конформизм и прочие. Очень часто неумение справиться с психологическим напряжением адаптационных процессов («культурным шоком») способствует личностным разочарованиям: такие индивиды отбывают обратно в Дагестан. Примечательно, что именно эти граждане в самом регионе выступают носителями и трансляторами негативных представлений о России, федеральной политической власти. Жители региона, в силу региональных особенностей взаимоотношений граждан, доверяют таким индивидам и их личному опыту, что приводит к деформации их политической картины мира.

Для дагестанцев, проживающих в Москве более десяти лет, социокультурная действительность центрального региона становится привычной и чаще связывается с позитивными представлениями о комфорте и стабильности. Респонденты этой группы имеют наиболее четкие политические представления. Причем сравнительный анализ ответов респондентов из разных возрастных групп, но одинаково долго проживающих в Москве, позволил еще раз подтвердить выводы о том, что этот феномен связан больше с продолжительностью проживания в Москве, а не с принадлежностью к разным поколениям. Эти особенности четко прослеживаются в младшей группе, так как для нее десять лет

проживания в Москве накладываются на период первичной социализации, в то время как у двух других групп этот процесс связан с ресоциализацией.

Наглядно данный вывод можно продемонстрировать на общей матрице поколенческой модели системы политических представлений, в которой респонденты поделены в зависимости от трех дополнительных характеристик – форм преимущественного протекания процессов межгруппового и внутригруппового культурного взаимодействия (таблица 1). Причем под формами протекания процессов межгруппового и внутригруппового взаимодействия мы понимаем ассимиляцию, интеграцию и этническую консолидацию как реакции на средовую трансформацию.

Таблица 1.

Поколения \ Культ. взаимодейств.	Ассимиляция	Интеграция	Этническая консолидация
Младшее, 21-35 лет	7%	66%	27%
Среднее, 36-50 лет	48%	23%	29%
Старшее, от 51 года	52%	42%	6%

Проявление **ассимиляции** выражено механизмом поглощения принимающей синтетической культуры «большого города» и освоения культуры принимающего сообщества на базе этнокультурных особенностей. Для наших респондентов это выражалось прежде всего в языковой ассимиляции: прекращении использования родного языка, целенаправленном нежелании обучать этническому языку своих детей, признании на рациональном уровне отсутствия необходимости использования языка *«на котором больше никто не говорит или говорит очень мало людей»*. Такие респонденты демонстрировали бикультурность: одинаково активное использование элементов обеих культур – принимающей и принимаемой (этнокультура только в частно-семейном взаимодействии), а также частичное изменение этноконфессиональной идентичности. В некоторых случаях наблюдалась даже деэтнизация культуры и полное ее замещение принимающей. Часто причинами такой аккультурации

выступали смешанные браки. Как видно из таблицы №1 наиболее подвижной в области ассимиляционных и интеграционных процессов оказалась младшая возрастная группа, что объясняется легкостью приспособления к «новой» среде и интериоризацией ценностей, что предопределено продолжающейся первичной социализацией граждан в новом регионе.

Самой подвижной в деле ассимиляции выступила старшая группа. Все они проживают в Москве более 30-40 лет, чем и объясняется данный процесс.

Проявление *интеграции* мы обнаружили в таких приемах органичного приспособления к принимающей культуре «большого города» как, например, готовность к сближению и сотрудничеству с различными социальными группами, выработка общего самосознания и в конечном итоге трансформация культурной идентичности. Упрощенно это выглядит как осознанное рациональное вхождение и функционирование в «другом» обществе, при этом сохранение первоначальных элементов этнокультуры возможно только в рамках внутрисемейного и приватного времяпрепровождения.

Вне выдвигаемых автором гипотез, была выявлена крайняя форма приспособления к принимающей культурной среде именно в числе респондентов-интеграторов – полное и непримиримое отрицание своей этнической идентичности, вплоть до отрицания национального происхождения. Эта конфигурация является промежуточной между интеграцией и ассимиляцией, что обуславливает критику такими респондентами их этноса, при этом они используют ироничные, когнитивно осознанные формулировки: *«Понимаете, когда я вижу этих обезьян в метро или на улице, мне больше любого русского человека хочется их избить. Скорее всего, в ближайшее время я вступлю в ряды РНЕ и сделаюсь русским националистом»*, *«Мне сложно ответить вам кем я себя ощущаю и к кому я себя причисляю. Я сам по себе, как в сказке Редьярда Киплинга про кошку, которая гуляет сама по себе. Я не могу сказать, что я дагестанец в полном смысле слова, многие вещи важные для дагестанца мне противны. Я не понимаю оправданности системы опеки детей до 50 лет, я*

осуждаю факт женитьбы, как единственную цель в жизни, многие адаты и перегибы в поведении как в средневековье. Мне противно слышать крайне неграмотную речь дагестанцев, их эмоциональные, лишённые разумности споры. Но, в то же время, мне и не все нравится в москвичах. Самовлюбленность, ворчливость, постоянное недовольство, гордыня. Правда, мне кажется, что эти негативные и надоедливые качества у них формируются из-за жизни в мегаполисе, а настоящие русские люди гораздо приятнее. Мне кажется я сам ближе к русским. В основном, поэтому я и уехал много лет назад, за людьми и общением, а не за заработком».

Проявление **консолидации** было выявлено в деятельности анклавов и диаспор различных народов Дагестана в столичном регионе. На поверхности идеи сближения и объединения по национальному признаку лежат задачи взаимопомощи, взаимовыручки, поддержки общих целей, сохранения этнокультуры. При этом для Дагестана существуют как чисто этнические объединения¹, так и слитые в один общедагестанский анклав все этносы Республики (например, Полномочное представительство Дагестана в Москве, Ассоциация Молодежи Дагестана).

Крайним проявлением консолидации является **этноцентризм** – поддержание на эмоциональном и рациональном уровнях сознания групповой этноидентичности, придание ей исключительно позитивных характеристик, отрицание на эмоциональном уровне любых негативных характеристик этноса, проявление ингруппового фаворитизма и конформизма. Способами культурно-психологической защиты этноцентрической «картины мира» таких респондентов служат механизмы атрибуции, межгруппового восприятия, символизации, гиперболизации значения своего языка, ригидность к любым формам изменения привычного уклада жизни. Примерами служат следующие факты: ношение специфической одежды, (например, кепки «FBI», тюбетейки), длинные причёски,

¹ Например, ФЛНКА (Федеральная лезгинская национально-культурная автономия), Лакское народное движение «Гази-Кумух», ногайское общество «Бирлик» и др.

борода и красные мокасины у мужчин, платки и зеленые юбки у женщин, а также сохранение языковых штампов, сленга, манеры речи и поведения.

Таким образом, анализ данных, полученных с помощью интервью, позволяет сделать вывод о том, что дагестанцы, сумевшие и пожелавшие связать свою жизнь с Москвой, постепенно «сливаются» с москвичами, интегрируются и ассимилируются. Проявление консолидации на основе этноса или религии снижается прямо пропорционально годам, прожитым в столице. Одновременно не представляется возможным подтвердить или опровергнуть факт, что сохранить элементы этнокультуры, этно-ценности из жизни и менталитета некоренных социальных групп, прошедших первичную социализацию в «своем» регионе, практически невозможно.

Вышеуказанные показатели касаются только тех респондентов, что живут в Москве более 10 лет для младшей группы, более 20 лет для средней группы и более 35 лет для старшей группы. Для тех респондентов, которые живут в Москве менее 10 лет, картина иная (таблица 2).

Таблица 2.

Поколения \ Культ. взаимодейств.	Ассимиляция	Интеграция	Этническая консолидация
Младшее, 21-35 лет	7%	35%	58%
Среднее, 36-50 лет	10%	21%	69%
Старшее, от 51 года	0%	8%	92%

Из таблицы №2 видно, что в первые несколько лет пребывания в инокультурной среде респонденты испытывают «культурный шок», для противодействия которому прибегают к различным формам защиты привычного образа жизни. Частота демонстрации консолидирующих форм группового взаимодействия у этих респондентов резко возрастает. Значительное влияние на процесс трансформации представлений респондентов имеют следующие факторы: возраст респондента, продолжительность проживания в Москве, окружение

большим количеством родственников или одиночество, участие в межнациональном браке, использование своего языка наряду с русским и другие.

Персональные ценности формируются у индивида путем интериоризации общественных ценностей, принятых в столице за образцы и приемлемые для существования в качестве основных принципов поведения. Однако не все предложенные обществом ценности становятся личностными, что невозможно без целенаправленной, а иногда и неупорядоченной, деятельности агентов социализации. Для нашего диссертационного исследования, для понимания особенностей формирования ценностей, было важно определиться с их примерным комплексом.

Выявление общих ценностей важно, так как любая из них может стать политической в результате «политизации», то есть приписывания ей политического значения в результате затрагивания данной ценности политическими субъектами, СМИ, включения ее в политический процесс, борьбу за власть, разнообразные социальные конфликты и т.д. Именно поэтому, считая политические ценности ядром политического сознания и признавая их существование не в разрозненном виде, а в виде систем, мы уделяем особое внимание поиску их иерархии. Ведь ресоциализация не изменяет ценности, а лишь трансформирует их иерархию, актуализируя ту или иную ценность под воздействием окружения и формирования той или иной потребности в данный момент. Нам очень важно понять, изменилась ли иерархия ценностей дагестанцев, переехавших в Москву, или она осталась неизменной. Среды основных были обнаружены:

– *материалистические* ценности физической и психологической безопасности, благополучие: материальный достаток, наличие хорошей работы, семейное благополучие в форме создания и поддержания семьи, рождение детей, их рост и развитие, получение ими образования, создание ими собственных семей;

– *постматериалистические* ценности принадлежности к группе: ощущение себя представителем одной из дагестанских национальностей, удовлетворение этим фактом, гордость за такую принадлежность, ощущение исключительности и группового обладания набором позитивных черт;

– *качества жизни*: удовлетворение потребности в комфортной жизни, которая связана в сознании дагестанцев с представлениями о традиционном укладе, жизни в деревне, ведении натурального хозяйства, личностной независимости в хозяйстве, отсутствии какого-либо внешнего контроля за трудом, необходимости документального его оформления, уплаты налогов;

– *самовыражение и саморазвитие*: эти ценности встречались достаточно редко и преимущественно объективно определяемыми они были у средней возрастной группы, для младшей же группы «самовыражение» означало получение работы в государственных органах, а «саморазвитие» как возможность стать причастным к коррупции и повысить материальный достаток;

– *индивидуальные*: здоровье, труд, семья.

В целом для московских дагестанцев характерно преобладание материалистических ценностей (материального и семейного благополучия, личной безопасности), ценностей здоровья и качества жизни.

Фактически материальные ценности преобладали и у респондентов первой группы, однако у московских дагестанцев они связаны с ценностями качества жизни и саморазвития, в то время как принадлежность к группе, в том числе к тухумам теряет первостепенное значение для их значительной части.

Данные результаты показывают, что иерархия ценностей московских дагестанцев изменилась незначительно, в то время как их представления подверглись существенным изменениям: например, ими совсем по иному трактуется ценность «**безопасности**», которая отражается в представлениях как личная безопасность от московской преступности, в особенности от радикально настроенных националистов, маргинальных групп молодежи, неонацистов и болельщиков. Это представление плавно перетекает в форму политической

подоплеку и разжигания межнациональной розни заинтересованными силами в стране, в том числе мифическими политиками, имена и должности которых респонденты назвать не могут.

Ценность «свободы» приобретает политическую окраску, превращаясь в свободу от навешивания стереотипных ярлыков («лицо кавказской национальности», «чурка», «хач»), свободу действий от засилья коррупции в Дагестане («в Москве я свободен от чрезмерной коррупции, тут хотя бы работает ЖКХ, и по делам простых граждан суды справедливее, тут есть хоть какие-то льготы и хоть какие-то законы соблюдаются, взять хотя бы ПДД»). Ценности «законности» (ее обеспечивает сильная власть), «равенства» (негласное поощрение московскими чиновниками дискриминации и притеснения дагестанцев), «демократии» (возможности легитимной борьбы за свои права, в том числе против дискриминации, возможности реального участия в народном волеизъявлении через митинги, пикеты, шествия) приобретают несколько иное значение, чем в сознании первой группы.

Представления о демократии и формах политического участия¹

Анализ представлений о демократии, идеальной форме правления и формах политического участия, а также преобладающих в сознании политических установок, позволил зафиксировать следующий набор демократических ценностей: *права человека, свобода и равенство, отсутствие дискриминации*. Представления о демократии выявлялись по характеру личного эмоционального отношения к демократической форме правления в России, путем выделения ее признаков, определения степени четкости и конкретности анализируемой категории. Была выявлена специфика представлений о демократии у московских дагестанцев – наличие в сознании когнитивно сложных, эмоционально противоречивых конструкций, среди которых наблюдаются крайние позиции.

¹ Здесь и далее автор диссертационного исследования опирается на анализ полученных эмпирических данных посредством постановки вопросов в рамках глубинного интервью, которые были направлены на выявление сущности аналогичных политических представлений у первой исследуемой группы респондентов.

29% от общего числа опрошенных респондентов выразили негативное отношение к демократии, а одобрение демократического строя наблюдается только у 15%: *«демократия – это лучший из способов общественного устройства»*. При этом большая часть респондентов (56%) воздержалась от ответа на данный вопрос, либо выразила безразличие в отношении данной категории.

Отвечая на вопрос *«Что такое демократия?»* респонденты склонялись к тому, что это: *«власть народа»* (23%), *«свобода слова»* (28%), *«наличие гражданских прав»* (24%), *«гласность»* (2%), *«свободное проживание каждого человека, свобода его передвижения по стране»* (20%), *«свободное государство»* (1%).

В смысловое значение исследуемой конструкции респонденты вкладывают детали, имеющие существенную значимость для них: *«выбор»*, *«власть большинства»*, *«свобода»*, *«защита»*, *«хорошая жизнь»*, которые были использованы в рамках таких изречений: *«Демократия – власть большинства, при умелом управлении избранных представителей»*, *«наличие свободы слова, свободы выбора, избирания власти»*, *«демократия – это отсутствие страха за свое будущее, когда при возникновении спорных моментов, человек может обратиться в соответствующие властные инстанции»*, *«это разделение властей, наличие парламента, честных судов»*.

Своеобразным смыслом для некоторых опрошенных граждан наполнялась категория *«защита»* в контексте демократии, как формы реализации своей воли и выбора. *«Защита»* трактовалась ими как ценность безопасности и имела смысл *«личной безопасности»*, *«защиты самого себя»*: *«Мне кажется не очень правильным, предвзятое отношение к дагестанцам со стороны правоохранительных органов. Если у нас находят нож, приводят в участок. Ношение ножа для меня это обычное дело, нож, как и пистолет это оружие, средство личной защиты. Почему из вопроса о личной безопасности делают шум, и преподносят кавказцев в СМИ как бандитов? Это противоречит*

демократии». Особую группу респондентов составили те, кто демократию сравнивал не с личной, а с «социальной защищенностью»: *«у нас в России нет демократии – демократия есть в Израиле, там и медицина отличная и пенсии высокие»*.

Параметр четкости/размытости представления о демократии у респондентов, одобряющих демократический режим, достаточно высокий. Они имеют ясные и точные мнения о реализации демократических ценностей, ссылаются на сферу деятельности и полномочия различных социальных и политических институтов. Относительно высокая четкость представлений, среди прочих объективных причин, объясняется наличием и определенной активностью в Москве различных Национально-культурных автономий или других общественных организаций, с которыми дагестанцы так или иначе связаны.

Респонденты, имеющие негативные представления о демократии, признают лишь формальность данного политического режима, определяют эту категорию в понятиях «миф», «ложь», «обман»: *«Миф, в который верят. Но на самом деле демократии нет, и не может быть»*, *«Евреи придумали демократию, чтобы легче было обмануть народ»*, *«Ложь политиков»*. Как правило, их представления аморфны, размыты, рассогласованы и связаны с бессознательными аспектами восприятия. Примерами могут служить высказывания, трактующие демократию в контексте ислама: *«Демократия может существовать при шариатских законах. Сейчас у нас не демократия, а разврат»*, *«В демократическом обществе не должны ущемляться религиозные предпочтения людей. У нас в России, например не любят мусульман»*.

Результаты исследования позволяют нам говорить и об особенностях политических представлений, выражаемых респондентами разных возрастных групп в связи с существующим политическим режимом:

– **респонденты в возрасте 21-35** представляют демократию инструментом достижения власти – псевдо-власти для народа и реальной власти для политических элит: *«Демократия – власть народа, механизм помогающий*

убедить народ в том, что он имеет власть, но на деле народная власть заканчивается заявлениями о своих правах на место в очереди и мелких склоках с бюрократами в госорганах. Реальная власть преследует личные цели элиты»;

– **респонденты в возрасте 36-50 лет** представляют демократию как механизм легитимации власти и видят личную и коллективную прикладную выгоду от существования такого режима, рационально его одобряют: *«Демократия позволила существовать в нашей стране множеству политических сил. Многие слои общества имеют возможность убедиться в заботе о них государства. Хотя бы потому, что демократия подразумевает многопартийность, и многие партии стремятся придать себе законность и оправдаться в глазах своих избирателей, предпринимая какие-то шаги. Особенно ярко это видно в действиях президента. К каждому выбору он проворачивает очередной «ход конем» в пользу своего рейтинга. Демократия не позволяет силам, борющимся за власть окончательно обнаглеть, и обязывает их постоянно бросать «кость» народу, подкупая его бдительность»;*

– **респонденты в возрасте старше 50 лет** видят в демократии некий инструмент стабилизации общественной жизни, который сформировался в российском обществе в виду объективных исторических причин: *«Демократия отражает современные реалии жизни. Мне кажется, что возможность народа высказывать свою поддержку и одобрение какой-либо политической силе необходима. Для народа – это успокоение и надежда на улучшения, а для власти это возможность не беспокоиться о рейтингах, а работать на модернизацию. Мне не очень нравится, что оппозиция кричит, не понятно, что они предлагают после смены власти».*

Указанное понимание и трактовки анализируемой ценности позволяют говорить о том, что политические ценности «демократия» и «равенство» становятся наиболее актуальными у младшей группы, так как они связаны с процессами этнической консолидации для борьбы против дискриминации и за самоутверждение, в то время как у средней и старшей групп они зависят от

процессов интеграции или ассимиляции как реальный способ политического участия, которого они были лишены в Дагестане.

В целом, у респондентов преобладают положительные и нейтральные представления о демократии в России, они преимущественно четкие и конкретные, связанные с механизмами реализации демократических ценностей и основанные на относительно правильном понимании причин политического участия.

Представления о политической власти

Представление о власти московских дагестанцев выражаются главным образом в категориях *«управления»*, *«принуждения»*, *«контроля»*, *«подчинения»*: *«власть – это подчинение одних лиц другим»*; *«управление меньшинства большинством»*; *«наличие полномочий подчинить кого-либо»*, и формируются вокруг ценности **«сильного государства»** и **«авторитета политического лидера»**.

Ответы 18% респондентов транслируют отрицательное отношение к власти, которая ассоциируется у них с *«деньгами»* (25%), *«силой»* (13%) и *«воровством»* (10%). Однако они подчеркивают возможность существования идеальной власти, определяемой как: *«власть должна работать на народ»*, *«я признаю власть, которая функционирует по шариату»*.

Для большей части респондентов власть персонифицирована или институционализована, т.е. отождествляется с конкретными личностями или властными институтами: *«В современной России бразды власти находятся у Путина. Все зависит от его слов»*, *«власть это Путин, Гос. Дума, ФСБ, Администрация Президента»*, *«в России власть – это Путин, в Москве – Собянин, а в Дагестане – аварцы»*, *«сейчас властью можно назвать ФСБ. Они контролируют каждый шаг каждого человека»*.

По мнению опрошенных граждан, в первую очередь властью в Российской Федерации обладают: *«Президент РФ»* (46,2%), *«силовые структуры»* (27,2%), *«Правительство РФ»* (6,2%), *«Государственная Дума»* (13%) и *«Администрация*

Президента РФ» (7,4%). При определении менее значимых политических субъектов, на второе место они ставят «олигархов» (25%), «Президента РФ» (10%), «силовые структуры» (15 %) и «мафию» (6%).

Важно было также подвергнуть анализу и выявить политические представления о власти в разные исторические периоды, которые в рамках нашего исследования были разделены на три группы. Исследование результатов в рамках указанной тематики позволяет проследить, как менялось представление о власти при наличии одних и тех же ценностей, либо выявить степень трансформации ценностного базиса личности респондентов, произошедшей в результате социокультурного кризиса, пережитого Россией в конце XX века. Для более глубокого анализа важно было проанализировать эти представления у разных поколений.

Отметим, что у средней возрастной группы в представлениях о советской власти респондентов наблюдаются как положительные (56%), так и отрицательные (23%) характеристики. Позитивные представления о власти советского периода детерминированы ассоциациями с:

– сильной и устойчивой властью, которая была, по мнению респондентов, стабильной, не коррумпированной, идейной и заботящейся о народе (22,6%): *«людям не нужно было думать о будущем», «каждый человек мог найти работу у себя на Родине, а сейчас приходится выезжать, чтобы прокормить семью», «в советское время чиновники не воровали»;*

– безопасностью и порядком (26%): *«тогда люди чувствовали себя безопаснее, чем сейчас», «в советской России не было вахабистов, а сейчас он развелись повсюду. Мы тогда не думали о своей безопасности», «отсутствовал разгул преступности», «все было намного спокойнее, чем сейчас»;*

– справедливостью (11,2%): *«было равноправие, равные возможности, отсутствовала клановость», «материальные блага государства справедливо распределялись, чиновники не воровали», «равноправие, жесткий контроль».*

В целом у респондентов (22,2% от общего количества респондентов) сформировалось представление, что *«для народа это было идеальное время», «было намного спокойнее, чем сейчас», «люди жили лучше».*

Отрицательные представления о советской власти также как и у респондентов 21-35 лет связаны с *«безбожием», «атеизмом», «отсутствием свободы слова и инакомыслия».*

Представления о власти в период правления Б.Н. Ельцина у всех групп респондентов отрицательные. Причинами негативного восприятия власти являются объективные исторические факты: *«развал СССР», «снижение дохода», «разгул преступности» и «резкое ухудшение качества жизни населения».*

Власть периода правления В.В. Путина в представлениях у московских дагестанцев имеет больше положительных характеристик (53%), чем отрицательных (31%). Причем положительные характеристики связаны со *«стабильностью»,* улучшением материального положения и *«независимой внешней политикой».* А отрицательные характеристики с *«поощрением негативной межэтнической риторики», «чрезмерным акцентом на деятельности РПЦ и религии вообще», «не совсем понятными перспективами его реформ».*

Подчеркнём, что ***респонденты в возрасте 21-35,*** характеризуя власть, выделяют два ее уровня: региональный и федеральных, что обусловлено воздействием двух факторов. Во-первых, в связи с недавним переездом в Москву, молодые люди просто не могут в силу незнания специфики охарактеризовать московскую региональную и муниципальную власть, поэтому они вынуждены обращаться к известным им персонам и государственным структурам Дагестана. Для них власть преимущественно негативная, выступает инструментом обогащения, а также связана с коррупцией и клановостью.

Для молодых людей, проживших в Москве более 10 лет, картина немного модифицирована. Они в зависимости от превалирующего способа межкультурного взаимодействия (ассимиляции, интеграции, консолидации)

описывают власть как сложную многоуровневую структуру управления обществом и ресурсами страны, однако делают акцент либо на власти московской (если они интегрированы), либо на власти дагестанской (если они консолидированы).

Общим для этой категории граждан является незначительная заинтересованность властью и политикой, игнорирование её по разным личным причинам, подчеркивание малой значимости электорального поведения.

Высказывания *респондентов в возрасте 36-50 лет* о власти можно характеризовать как взвешенные и осторожные. В отличие от молодежи, которая сменила место жительства в основном из-за поиска работы, представители данной подгруппы оказались в Москве по разным причинам, среди которых создание семьи, получение в образования и особые профессиональные навыки. При этом важна не отдельная причина их переезда, а тот контекст, который способствовал принятию подобного решения и был преимущественно позитивным. Основу такого действия составлял осознанный шаг, желание работать или учиться, или даже эмоциональная привязанность к человеку, а не вынужденная необходимость покидать знакомых, друзей и родственников (ситуация с которой сталкиваются граждане 21-25 лет). Их представления о власти более четки, имеют в большей степени положительную окраску. У респондентов же, мотивом переезда которых был поиск работы (вынужденная мера), представления о власти более негативные, размытые, ассоциации связаны с Дагестаном, дагестанской региональной и муниципальной властью, о Московском регионе они знают очень мало. Своими представлениями они практически не отличаются от своих сверстников из Дагестана.

Отличительной особенностью представлений московских дагестанцев анализируемой возрастной группы является также то, что те респонденты, которые проживают в Москве давно, максимально точно понимают и объясняют структуру политической власти, дают оценку всем ее уровням, оценивают ее системные проблемы, имеют четкое представление о структуре государственных

органов. Среди негативных характеристик власти респонденты выделяют несистемность деятельности властных структур и государства, отсутствие видимого результата реформ: *«Власть, похоже, не имеет четкой программы решения межнациональных проблем, проблем внятного и прозрачного субсидирования и поддержки развития регионов. Власть поддерживает перевес в распределении благ в мегаполисы, особенно в Москву, на фоне которой многие регионы кажутся деревнями, потерпевшими природное стихийное бедствие. У власти есть инструменты регулирования политики, экономики и социальной сферы, но большинство реформ проведенных в последнее время кажутся выгодными лишь некоторому бизнесу, а в основном просто бессмысленными. Их результат сомнителен».*

Большинство респондентов этой подгруппы, характеризуя федеральную власть, затронули также проблемы разграничения полномочий между центром и регионами. Их волновал «либеральный» подход к этому вопросу: по их мнению, многие субъекты, в том числе и Дагестан, погрязли в своей дотационности из-за того, что местной власти дано слишком много полномочий (*«Дагестан настолько сложный регион, с большим количеством народов, что там нельзя давать много автономных прав местной власти. Кланов соперничают между собой, поощряют коррупцию, низводят законы до пустого звука, а перед федеральным центром, выслуживаясь, говорят о проблемах республики и вымаливают очередные дотации себе в карман. Но они и есть главная ее проблема. В Дагестане необходимо забрать власть у местных и внедрить группу управленцев из центра, которые просто не смогут выстроить с местными никаких незаконных взаимоотношений. Нужно установить четкий контроль за расходованием средств и тогда все дотации пойдут на благо обществу. Я считаю, что федеральный центр просто забросил Дагестан, не считает его важным субъектом и сквозь пальцы смотрит на тамошний беспредел»*).

Респонденты старше 50 лет, давая определение политической власти, демонстрируют два ярких образа, которые, как и у других групп, зависят от

сроков проживания в Москве. Для граждан, переехавших менее 10 лет назад, процессы интеграции затруднены: из-за возрастных особенностей им тяжелее трансформировать свои взгляды, а большая часть из них не контактирует с людьми вне своей семьи. Взгляды этой подгруппы практически идентичны представлениям такой же возрастной группы респондентов, проживающих в Дагестане. Противоположная точка зрения представлена у тех, кто уже много лет живет в Москве. Их представления в определенной степени идентичны «московским» и отражают разные вариации – от положительной оценки власти и поддержки президента и «Единой России» до поддержки оппозиционных сил: *«Федеральная власть это и есть власть над нами», «Власть это сложная категория, это механизм управления, гарантирующий подчинение людей какой-то системе. Такая система есть государство. Государство это благо. Оно меняется медленнее, чем меняется власть, поэтому оно смягчает неправильные решения властителей», «Мне кажется, что венец современной власти это Путин. Он очень хорош, как мне кажется, он хочет возродить СССР. Некоторые уже стали сравнивать его со Сталиным и Петром Первым», «Современная власть уже запуталась в том, какие силы она поддерживает. То рокировки президент-премьера, то кругом кричат про Навального, то про выборы, а пройдет две недели и все всё забывают. С властью сейчас неразбериха»* Надо признать, что их заинтересованность властью, а также осведомленность о политических событиях в стране гораздо выше, чем у их дагестанских соотечественников.

Таким образом, выявленные представления о власти носят противоречивый характер. В целом они более позитивные и четкие, чем у респондентов из Дагестана. А их отличительная особенность заключается в том, что политическая власть для московских дагестанцев является именно политической и связывается в сознании данной группы с деятельностью политических субъектов, государственных органов, имеющих четкие и легитимные основания для деятельности.

Представление о стране, месте и роли региона в составе страны

Анализ исследовательских данных показал, что ответы московских дагестанцев, в отличие от граждан, проживающих на территории Республики, характеризуются более рациональным восприятием границ Российской Федерации: 95% из них ограничили страну ее нынешней территорией. Предметом оценивания выступил лишь факт включения республики Крым в состав Российской Федерации. Часть респондентов (32%) считает, что присоединение Крыма законно и объективно в силу исторических причин: *«В советское время Никита Хрущев передал Крым Украине, теперь Крым передали России, по-моему это закономерно. Территории постоянно переходят между государствами. А территория Крыма, мне кажется, более подходит России исторически»*. Другая часть (18%) испытывают подъем патриотических чувств и оценивают расширение российской территории как важнейшее событие для страны, связывают с данным фактом эпоху политического лидерства, экономического подъема и получение высокого статуса на международной арене.

В связи с учетом имеющихся политических изменений список «врагов России» дополнен новыми акторами – *«госдеп»*, *«Псаки»*, *«Евро Союз»*, *«тупые американцы»*, *«Барак Обама»*, а также привело к актуализирована негативная роль главного врага – *«США»*. К друзьям страны респонденты относят регионы Юго-Восточной Азии, Индию, страны арабского Востока, Бразилию. Наблюдается определенный ренессанс представлений о *«военно-политических блоках»*, *«политических лагерях»* периода Холодной войны, а некоторые респонденты даже использовали похожую формулировку, внеся в нее изменения, учитывающие современные процессы, – *«вторая холодная война»*.

Анализ границ современной России имеет ряд особенностей, проявляющихся в восприятии их разными поколениями. Так, **респонденты в возрасте 21-35 лет** представляют Россию в рамках ее нынешних границ, при этом в отдельных случаях у них нет информацией о существовании иных ее границ в другие исторические периоды.

Респонденты в возрасте 36-50 лет представляют Россию в рамках ее нынешних границ и в большей степени одобряют присоединение Республики Крым, определяя это событие *«самым значимым за всю историю существования РФ»*. Анализируя весь период своей жизни в СССР и РФ, эти респонденты вспоминают только негативные события *«упадок, застой и развал СССР»*, *«неурядицы 90-х годов»*, *«экономические трудности»* на фоне которых *«расширение территории страны»* кажется единственным серьезным историческим фактом, который им удалось наблюдать. Политические представления этой группы также характеризуются тем, что они ревностно настаивали на органическом единстве Республики Дагестан и РФ: *«Дагестан добровольно в состав России не входил и добровольно из нее не выйдет»*¹, *«во время событий 1999 года дагестанский народ показал свой патриотизм и нежелание поддерживать лживые сепаратистские идеи, он встал на защиту своей малой и большой родины и будет стоять за ее процветание всегда»*, *«я не представляю Дагестан без России, как и Россию без Дагестана»*.

Респонденты старшей возрастной группы адекватно оценивают границы России или же стремятся к восстановлению границ СССР. Как правило, появление ренессансных представлений обусловлено событиями на Украине, которые вселяют великодержавные надежды в ожидания граждан старше 50 лет. Их представления опираются на идеалы, связанные с ценностью патриотизма и устойчивым желанием возродить мощь государства.

Таким образом, представления о географических границах России, соотношении малой и большой Родины в сознании московских дагестанцев объективны. Внешнеполитические события первой половины 2014 года вызвали в их сознании подъем патриотических чувств, что предопределило формирование представлений вокруг ценности «патриотизм». Примечательным фактом явилось перенесение на второй план региональных проблем и возвышение значимости внешнеполитической ситуации для отдельного индивида. Так,

¹ Респондент цитирует Расула Гамзатова

присутствовавшая в ответах респондентов из Дагестана риторика относительно территориальных споров с Азербайджаном, у московских дагестанцев, даже обособленных, практически исчезла, а в отдельных случаях даже приобрела великодержавный смысл: *«Наконец-то наша держава показала всему миру, что она и только она является оплотом справедливости, и никто не может диктовать нам условия жизни, мы независимы и сильны. Думаю в скором времени та часть северо-западного Азербайджана, которая населена лезгинами и аварцами перейдет к России. Это будет правильное и справедливое решение, ведь Азербайджан притесняет российское население по национальному признаку и отнимает все воды Самура, обрекая фермеров южного Дагестана на голод и потерю урожаев и работы. Думаю, теперь Путин В.В. решит этот вопрос».*

Представления о политических институтах и лидерах

Проведенный качественный контент-анализ ответов, полученных в рамках интервью и выявленных путем применения открытых вопросов о политических институтах и лидерах общефедерального и регионального масштабов (о Президенте России, Президенте Дагестана, способах влияния на политических лидеров, а также о Государственной Думе и Народном Собрании), позволил определить, что представления московских дагестанцев о политических лидерах не обладают высокой когнитивной сложностью.

В представлениях о Президенте России преобладают положительные компоненты, выраженные в понятиях *«порядок»*, *«спокойствие»* и *«стабильность»*: *«Президент России ассоциируется с относительной стабильностью»*, *«Путин навел порядок в стране»* и т.д. По мнению респондентов, на Президента РФ могут повлиять *«олигархи»* (13%), *«мафия»* (8%), *«зарубежная политика»* (20%), *«спецслужбы и силовики»* (15%). При этом 34% считают, что людей, которые могли бы повлиять на президента нет. Отметим, что у граждан всех исследуемых поколений были выявлены идентичные представления о Президенте РФ, однако возрастной фактор оказал влияние на представления о Президенте Дагестана.

У респондентов в возрасте 21-35 представления о Президенте Дагестана более обширны и имеют в большей степени позитивную эмоциональную окраску. На него возлагают большие надежды: *«Абдулатипов делегирован Москвой, чтобы навести там порядок», «Если он смог посадить Амирова, то он на что-то способен»*. Необходимо отметить, что арест С.Д. Амирова сильно поднял рейтинг Р.Г. Абдулатипова как среди дагестанцев, проживающих в Дагестане, так и среди московских дагестанцев младшей возрастной группы.

В меньшей степени представлены негативные оценки Президента РД: *«тамада – крашенные усы», «позор Дагестана. Противно слушать его выступления. Он, как и все, будет воровать»*.

В целом, суждения молодых респондентов, проживших в Москве достаточно долго (не менее 6-8 лет), практически идентичны представлениям граждан из средней возрастной группы: они равнодушны к региональной власти и ее политическим институтам, но в определенной степени интересуются московской элитой.

Респонденты в возрасте 36-50 лет не смогли оценить Президента Дагестана и политические институты исследуемого региона. В ответах прослеживалась аполитические тенденции (безразличие) в отношении к дагестанской политике: *«Я уже лет пять не думаю о дагестанской политике, мне абсолютно не важно что там происходит, ну и слава богу», «Поменяли шило на мыло», «ничего не знаю о Народном Собрании», «народное собрание – это государственная дума в миниатюре»* и т.д. В представлениях об институтах федеральной власти преобладали негативные ассоциации: *«ГосДума - сборище воров», «Гос Дом 2»*.

Респонденты старше 50 лет, проживающие в Москве длительное время, обладают в определенной степени полными и четкими представлениями о политических институтах и лидерах федерального масштаба, проявляют преимущественно активную позицию по вопросу необходимости политического участия и голосования на федеральных выборах. Одновременно их мало

интересует региональная власть, которую некоторые из респондентов оценивали лишь на основе оценок событий двух Чеченских войн, они путают фамилии региональных лидеров, а также плохо помнят названия республиканских органов правления и органов местного самоуправления. Политические события, происходящие на «малой Родине», их практически не интересуют.

Другие политические представления демонстрируют дагестанцы, переехавшие в Москву недавно. Эта категория граждан крайне негативно характеризует региональную власть: *«Президент Дагестана это всегда плохой герой, ворюга и расточитель государственной собственности, как бы он не именовался. Почему моим сыновьям негде работать? Потому что эта братия хапуг во власти, во главе с Президентом поддерживают крах экономики региона и чудовищную коррупцию. А я вынужден на старости лет переезжать во враждебный город, где все плюют мне в лицо за веешность»*.

В целом, мы можем говорить о том, что представления о политических лидерах и институтах власти сформировались у респондентов посредством лично-значимого контакта с политической действительностью. Если такой контакт был минимален, то респонденты проявляли абсентеистские настроения и незнание политической сферы, при этом образ власти у них позитивный или нейтральный. Негативистские тенденции в оценке образов власти были выявлены только у респондентов, интересы и цели которых не были реализованы, то ответственность за это они возлагают на власть.

Представления в контексте исторической памяти

Данные представления были выявлены путем качественного контент-анализа ответов на открытые вопросы о событиях в стране в целом и Республике, вызывающих гордость и разочарование.

Среди всех респондентов с предметами и событиями гордости определились 68%. 17% затруднились с ответом, а 15% решили, что гордиться нечем.

Московские дагестанцы гордятся: *«правлением Петра I», «победой в ВОВ», «полетом Ю. Гагарина в космос», «развитием промышленности в советский период», «наличием в стране огромного количества ресурсов», «высокими темпами развития московского региона», «стабильными двухтысячными годами», «присоединением к России республики Крым», «Олимпиадой 2014», «спортивными победами», «преобразованиями в Москве, связанными с политикой мэра Собянина, строительством дорог, работой портала госуслуг, капитальным ремонтом городских парков и др.».*

Разочарование у респондентов исследуемой региональной группы вызвали *«развал СССР», «правление Ельцина Б.Н.», «приватизация», «девальвация рубля 1998 года», «рост ксенофобии и национализма в двухтысячные годы», «экономические кризисы», «спортивные проигрыши», «теракты в московском метро», «националистические потасовки на Манежной площади и у ТЦ «Европейский», «дискриминация дагестанцев при приеме на работу, попытках аренды жилья и др.».*

В ответах респондентов наблюдается преимущественно приближенность событий и фактов во времени к современному периоду. Практически все респонденты, проживающие в Москве более десяти лет, описывали события, которыми гордятся и которых стыдятся, произошедшие недавно или происходящие в настоящее время. Такая особенность объясняется нами тем, что в поле зрения данных респондентов попадает гораздо большее число событий и фактов, связанных с общей динамикой жизни в столице. Они, в их понимании, находятся *«в гуще событий»* и *«наблюдают всё непосредственно»*, такая уверенность дает им возможность быть более уверенными в своих выводах и умозаключениях, так же как и в оценках.

Интересен тот факт, что в отношении оценок событий республиканского масштаба их примеры наоборот относятся в исторической перспективе к прошлому, а также сосредоточены в большей степени на выделении культурно-исторических особенностей региона. Гордость вызывают события: *«политика*

имама Шамиля», «древние культурные связи с арабским Востоком», «фольклор», «народные ремесла», «национальная культура», «национальные обычаи, межкультурные связи», «дагестанский характер», «дагестанское гостеприимство» и т.п. А разочарованы они «терактами в Дагестане», «войной в Чечне». Единственным современным событием, которое вызвало позитивное чувство у респондентов, оказалась «поимка федеральными властями экс-мэра Махачкалы С.Д. Амирова». Вероятно, прочие региональные политические новости интересуют московских респондентов, давно живущих в Москве, гораздо меньше, и скорее только в том случае, когда эти новости транслируются федеральными СМИ. В противном случае, граждане даже не знают, что происходит в их Республике: например, многие не смогли описать политическую ситуацию в регионе, назвать имена и посты ключевых фигур во власти и бизнесе.

Полагаем, что данные представления сформированы вокруг ценности «патриотизм», который многоаспектен, включает гордость за политические и экономические достижения и любовь к Родине (малой и большой). У респондентов, проживающих в Москве больше десяти лет, проявляется сближение регионального и общенационального патриотизма в единое целое. В случае недавнего переезда, патриотизм предстает как «матрешка», а в отдельных исключительных случаях прослеживается только патриотизм регионального уровня. В целом, приближение к той или иной форме проявления патриотических чувств и представлений прямо зависит от времени проживания в столице.

Остановимся также на рассмотрении данного параметра с учетом возрастных особенностей респондентов. Так, представители молодой группы акцентируют внимание на событиях исторически приближенных к их сознательной жизни, они мало заинтересованы как прошлым страны, так и региона. Ответы данной подгруппы более рационализированы, прагматичны, имеют значение личных или коллективных выгод: *«Я горжусь теми событиями в истории страны, которые создают для меня и моей семьи хорошие условия жизни. Мне нравятся реформы Собянина С., нравится стабильность зарплат,*

нравится возможность зарабатывать в Москве, конечно, поначалу было очень трудно, но теперь я привык и приобрел нужный ритм. А не нравится мне только отношение к дагестанцам, но в глубине души я понимаю, что поведение некоторых из них подстрекает москвичей думать о нас плохо», «Не очень хорошо знаю историю, но думаю, что в СССР было хорошо, родители хвалят этот период. А сейчас я горжусь страной, мы живем в Москве не намного хуже, чем в Европе, меня все устраивает».

Другая группа, **респонденты в возрасте 36-50 лет**, проявляет максимальный интерес к политической сфере, достаточно полно осведомлена о вопросах истории, имеет самые различные взгляды на историческое развитие России: от поддержки существующей власти и обоснования исторически верного пути развития страны, до оппозиционных взглядов, стремящихся к имперскому или советскому ренессансу, либо к либеральному реформаторству по образцу западноевропейских стран.

Респонденты старшего поколения в подавляющем большинстве демонстрируют консервативные взгляды, стремятся рационально обосновать поддержку коммунистических сил, либо партии Единой России, опираясь на устойчивые патриотические сюжеты: *«Наша страна одна из величайших, если не самая великая. Вы спрашиваете, чем я горжусь в истории, да практически всеми событиями. Имели ли они место в период трудностей для народа или происходили в период подъема и расцвета, но все они говорят, что советский народ выстоит в любых условиях и победит любого врага. Великие военные победы, великие победы советской науки и техники, великие победы советского спорта. Не думайте, что я думаю только о Союзе. Нынешняя страна его продолжатель и правопреемник. Сейчас мы пережили удар девяностых и опять окрепли. Происходящее в последнее время в мире, говорит о том, что нам предстоит доказать свою силу и стать опорой мира и справедливости для всех. Путин большой молодец, в последнее время он очень мне нравится».*

В целом, подвергнув детальному анализу политические представления московских дагестанцев, мы пришли к выводу, что их формирование детерминировано несколькими факторами: прохождением первичной или вторичной социализации; возраста; короткого или длительного периода проживания в Москве; формами межгруппового и внутригруппового культурного взаимодействия (ассимиляции, интеграции, консолидации); социодемографическими факторами (проживанием в одиночестве или с семьей); контактами с институтами этнической консолидации и ближайшего окружения. Эти особенности запускают разнообразные механизмы трансформации представлений изучаемой группы, которые можно классифицировать:

– *форма приспособления к социальной среде*, вопреки собственной воле, но под давлением объективной необходимости сознательное приспособление. Такой индивид сохраняет картину мира, приобретенную им в Дагестане, но не использует ее в жизнедеятельности при проживании в московском регионе: для Москвы индивид разрабатывает новую систему представлений, основанную на принципах двойственности;

– *форма слияния с социальной средой*, вопреки собственной воле, неосознанное приспособление. Индивид постепенно теряет, забывает, вытесняет, разрушает картину мира, приобретенную в Дагестане, но приобретает новую целостную картину, которую интериоризирует и на которую всегда и полностью опирается;

– *форма слияния с социальной средой как волевой акт*, связанный с отрицанием этнической, локально-региональной, религиозной идентичности, связанный с необходимостью оберегать картину мира, которая противоречит этно-религиозным ценностям, но опирается на либеральные космополитические идеалы. Индивид связывает свою систему представлений с объективной реальностью жизни в Москве и отождествляет их, в то время как пребывание на малой родине «раздражает», травмирует его чувства, заставляет ощущать постоянное непримиримое противоречие собственных представлений и

представлений его соотечественников. Такой индивид воспринимает Москву как «свою» и свободно контактирует с имплицитной социокультурной средой;

– **форма отторжения от социальной среды как волевой акт**, основанный на гипертрофированной этнической, локально-региональной и религиозной идентичности, связанной с необходимостью оберегать сформированную в месте рождения систему представлений. Индивид всячески противится необходимости приспособления к новой социокультурной действительности, особенно испытывая различные страхи перед событиями и фактами, которым не может найти объяснение, обращаясь к своим знаниям и опыту. Страх ошибиться, не суметь реализоваться, заниженная самооценка, предопределяют конформизм индивида, поиск им коллективной поддержки. Сознание такого типа иррационально игнорирует любые «раздражающие» факты: негативные оценки собственного или группового поведения, запускает механизмы объектной или обстоятельственной атрибуции для оправдания своих действий, даже если считает их неправильными. Диспозиционная атрибуция позволяет гражданину при восприятии поведения других воспринимать их преимущество в категории «чужих», а также приписывать им стереотипизированные враждебные характеристики. Такое восприятие связано с эго-защитной субъектностью индивида, который оправдывает собственное социальное поведение, и отвлекает внимание от скрытой, неизвестной и враждебной субъектности трудных для восприятия и понимания «других».

Выводы по параграфу 2.3.

1. Детальный анализ данных, полученных посредством интервью, позволяет говорить о наличии у респондентов из Москвы детализированного представления о политической сфере российского общества. Причем достаточно четко представлено понимание двухуровневости политической сферы: во власти показаны федеральный и региональный уровни. У дагестанцев, живущих в Республике, такого четкого представления нет.

2. Политические представления группы московских дагестанцев носят радикальный характер, среди них наличествуют взгляды, противопоставленные друг другу – крайние религиозные, этнические в форме отрицания дагестанской идентичности. Исключение составляют комплементарные представления, в которых их носителю удастся присоединить, сбалансировано наслоить свои прошлые взгляды на нынешние. Радикализм в представлениях основан на реакции на чужую культуру, которая основана на механизмах стереотипизации, категоризации, идентификации и рефлексии. Формирование радикальных представлений происходит следующим образом: если субъект наблюдает соответствие стереотипу, то он еще более убеждается, если он наблюдает противоречие стереотипу, то он стремится вычеркнуть наблюдение, отрицать его, так как иначе его устоявшаяся картина мира начинается разрушаться. Этот механизм демонстрирует наиболее интересные вариации в представлениях: вытеснение может привести как к исчезновению «устоявшейся картины» и ее замене новой, так и стиранию факта наблюдения «все равно остаюсь на своем». Стереотип подтвержден – значит, он был правдой, стереотип не подтвержден, а опровергнут – значит, он все равно верен, а наблюдаемый факт является ложью.

3. Ценности в ядре менталитета данной группы не изменились, изменения происходят на периферии – в представлениях. Это подтверждает факт существования и принятия общего менталитета, который сохраняет ценности в ядре, и позволяет менять только периферию – представления, то есть иначе интерпретировать, иначе трактовать и понимать одни и те же события и действия.

4. Изменения в представлениях связаны с работой таких культурно-психологических механизмов, как ассимиляция, интеграция и консолидация. Причем преобладание какого-либо из этих механизмов напрямую зависит от системы факторов социокультурной среды и окружающих, влияющих агентов и институтов социализации. Во-первых, прослеживается зависимость от времени постоянного проживания индивида на территории Москвы (меньше 10 лет или

больше 10, 15 и 25 лет для разных поколений), а также количества контактов с «прежним» региональным окружением.

5. В результате запускаются различные механизмы трансформации представлений в форме приспособления к социальной среде, слияния с социальной средой или отторжения от социальной среды. Эти формы объясняют все возможные варианты изменения представлений на периферии политического менталитета и позволяют классифицировать их.

Выводы по главе 2

На основе анализа всех существующих в социально-гуманитарном знании методологических подходов к изучению ценностей и представлений в структуре политического менталитета, мы синтезировали наиболее оптимальную предмету нашего исследования авторскую модель.

Ее основу составляет двухкомпонентный подход к анализу динамики ценностей и представлений в структуре политического менталитета: это анализ сходств и различий данных феноменов у представителей трех поколений (советского, постсоветского, поколения двухтысячных) и это анализ особенностей социокультурной среды и диапазона возможностей ее воздействия на указанные феномены у дагестанцев, постоянно проживающих в Республике и переехавших в Москву.

Компаративистский анализ ценностей у представителей обеих групп показал, что они были сформированы под воздействием устойчивых факторов социокультурной среды и оказались практически идентичными. Все различия имеют отношение к поколенческой специфике восприятия, а ценностные ориентиры внутри одного поколения гомогенны, аналогичны как респондентов живущих в Дагестане, так и живущих в Москве.

Сравнительное исследование представлений у представителей обеих групп показало, что они являются средством выражения одних и тех же ценностей, но посредством разных символов. Кроме того, представления существенно отличаются у представителей анализируемых групп, так как они подвержены

трансформационным процессам под влиянием переменчивых факторов социокультурного окружения.

В общем виде диапазон трансформации представлений выглядит следующим образом:

1. Для дагестанцев, постоянно проживающих в Дагестане, они привели к возникновению нескольких форм (систем): архаического этнического ренессанса, архаического религиозного ренессанса, нигилистического (отрицающего действительность, особая форма которого атеистический коммунизм), отщепенческого (воинствующего) и других.

2. Для дагестанцев, переехавших в Москву, после прохождения первичной социализации в Дагестане, они привели к «культурному шоку» в различных его формах: *конфронтация со средой* – радикальный национализм, радикальная религиозность; *ассимиляция со средой* – отрицание культурного размежевания, игнорирование культурной самоидентификации, игнорирование национальных и религиозных праздников, типичной одежды и прочей символики; *культурная автономия* – комплиментарное, взаимодополняемое сотрудничество с представителями «инокультурной» среды, при этом бережное сохранение собственной культурной идентичности; и наиболее полярная форма – *агрессивное отрицание* своей этнокультурной принадлежности.

Важно отметить, что индивид не очень четко осознающий свои представления, находящийся еще в стадии их переоформления, нуждается в закреплении их через лаконичные, ясные, непротиворечивые «символы», которые позволяют ему подчеркнуть свою идентичность в том числе и агрессивно. Так, символическое пространство современности является катализатором закрепления представлений, оно напрямую участвует в процессе перехода трансформирующихся представлений в наиболее устойчивые формы. Это позволяет говорить о том, что потенциально возможно управлять данным процессом, основываясь на «компенсаторной» роли символов.

Заключение

Теоретический анализ подходов к изучению феномена политического менталитета, его структуры и содержания, ценностей и представлений в его структуре и факторов, влияющих на их формирование и выражение, продемонстрировал актуальность рассмотрения этой категории в современной политической науке. Специфика предмета нашего исследования предопределила необходимость систематизации всех подходов в рамках социально-гуманитарного знания к определению «политического менталитета» в три блока: политико-культурный, политико-психологический и «комплексный».

В рамках первого, рассмотрение политического менталитета ведется путем сопоставления его с политической культурой: данные феномены не являются синхронизирующимися понятиями, поскольку в структуру политического менталитета не включен поведенческий компонент, детерминируемый им, но они взаимозависимы и оказывают взаимное влияние друг на друга. В целом, политический менталитет определяется как особенность массового национального сознания большой социальной группы.

Политико-психологический подход существенно дополняет и детализирует политико-культурный, привнося в понятие менталитета совокупность наиболее распространенных в большом сообществе осознанных или неосознанных когнитивных структур – идеалов, ценностей и принципов, а также мировоззренческих установок, поскольку в этом случае можно говорить об этническом (аварский менталитет), региональном (дагестанский менталитет) и национальном менталитетах (русский менталитет) и их соотношении.

Сопоставление научных трактовок позволило вывести собственное определение «политического менталитета» основанное на компиляции существующих в социально-гуманитарном знании (в рамках комплексного подхода) трактовок. *Политический менталитет* – комплексная фундаментальная категория, отражающая национальную специфику большой социальной общности, имеющая тесные связи с политической культурой и наряду

с ней выражающая политические установки, представления и идеалы через систему идей, ценностей и представлений, формирующаяся в массовом национальном политическом сознании в периоды первичной и вторичной социализации.

Содержание политического менталитета в рамках нашей работы было структурировано в рамках модели, включающей следующие компоненты: политические ценности, политические представления, политические образы, политические установки, социально-политическую идентичность. Причем социально-политические ценности в структуре политического менталитета не являются суммой индивидуальных ценностей представителей группы: они выступают как «общий знаменатель» этой совокупности. Социальные ценности формируются как универсальные принципы общественного бытия и представляют собой идеалы, нормы и ориентиры социальных практик. В процессе социализации общие ценности дифференцируются, детализируются, наполняются определенным идеологическим контекстом и в итоге трансформируются в ценности политические. При этом они принимают устойчивый характер и практически не поддаются трансформации.

Политические представления как совокупность знаний социума о политической жизни общества, выраженных в интерпретации политических категорий, субъектов, феноменов и явлений, напротив, поддаются изменениям в течение жизни граждан под влиянием определенных социокультурных и политических процессов и событий. Специфика политических представлений позволила дифференцировать и идентифицировать социальные общности, а теоретическая модель анализа устойчивого ядра и изменчивой периферии позволила проследить трансформации политического менталитета трех поколений.

Для нашего исследования было также важно, что, несмотря на определение менталитета как основы поддержания преемственности существования группы и устойчивого поведения входящих в нее членов, отдельные его элементы

постоянно меняются под влиянием изменений в общественной жизни, провоцирующих трансформацию их содержания. Особое значение имеет присутствие субъекта в ситуации «культурного шока» либо в стабильной, привычной и устойчивой социокультурной ситуации.

Авторская модель исследования была основана на двухкомпонентном анализе динамических изменений политических представлений и ценностей: во-первых, рассмотрение сходств и различий данных феноменов у представителей трех поколений (советского, постсоветского, поколения двухтысячных); во-вторых, изучение особенностей социокультурной среды и диапазона возможностей ее воздействия на указанные феномены у дагестанцев, постоянно проживающих в Республике и переехавших в Москву.

Проведенный анализ позволил выявить следующие особенности:

1. поколенческий исследовательский срез продемонстрировал, что

– представители всех возрастных групп демонстрируют примерно одинаковые политические ценности внутри своей когорты, что обусловлено воздействием устойчивых факторов социального окружения: причем для «коренных» представителей Дагестана такими факторами выступили этническая и региональная политическая культура, традиционный уклад жизни и быта, религиозное возрождение, а для граждан, сменивших социокультурное окружение, стала реакция на чужую культуру, основанная на механизмах стереотипизации, категоризации, идентификации и рефлексии;

– у представителей разных поколений выявлен специфический набор политических представлений, хотя ценностные ориентиры внутри одного поколения гомогенны, аналогичны как для живущих в Дагестане, так и для живущих в Москве;

– граждане, прошедшие первичную политическую социализацию в период существования стабильного СССР, подсознательно стремятся к социалистическому ренессансу, ввиду чего их представления проходят через призму ностальгических воспоминаний, они все политические и иные события

современности стремятся сравнить с теми, что были в СССР и зачастую придают последним «романтическое» позитивное значение. Их представления достаточно четкие и устойчивые, при этом приближаются в своих оценках к негативным;

– граждане, прошедшие первичную политическую социализацию в период существования нестабильного СССР, демонстрируют вектор «постоянного сомнения», их представления осторожны, зачастую не имеют четких и ясных границ, но границ не смысловых, а скорее оценочных. Они не очень понимают, то ли изменения вокруг них позитивны, то ли это не совсем так. Если говорить о политических установках этой группы, то они, либо абсентеистские, либо формальные;

– граждане, прошедшие первичную политическую социализацию в Российской Федерации, демонстрируют наличие системы политических представлений, но нередко искаженных, аморфных или негативных. В их представлении все политическое – это «неправда», «не для людей», и оценивается ими в основном негативно. Образование таких взглядов у третьей группы, объясняется нами тем фактом, что они социализировались в наиболее проблемном регионе страны и в период пика обострения социально-экономической и политической обстановки, при этом невозможность сравнения с альтернативным событийным вектором и эмоциональность молодого возраста обуславливают оценочную фрустрацию. В то же время установки данной группы значительно более динамичны, даже агрессивны, именно они максимально готовы «действовать» и «влиять»;

2. региональный исследовательский срез показал, что

– политические представления обеих групп являются средством выражения одних и тех же ценностей, но посредством разных символов;

– на формирование политических представлений существенное влияние оказывают социокультурная трансформация и её региональная специфика: например, для жителей Дагестана – это стремительная исламизация, проникновение ислама в государственную сферу, в бытовую сферу, его

агрессивная пропаганда, нестабильная политическая и экономическая ситуация, коррупция, высокая безработица, неблагоприятная криминогенная обстановка;

– у респондентов, постоянно проживающих в Дагестане, политические представления основаны на патриархальных и традиционных ценностях, имеющих коллективистский оттенок. Представления в полной мере отражают региональную специфику, о политике федерального масштаба респонденты знают не много, интерес к этой сфере в среднем низкий, в региональной политике они заинтересованы в большей степени, а представления о ней проходят сквозь призму обыденного сознания и обретают оттенки национальной и религиозной культуры ислама;

– для граждан, постоянно проживающих в Дагестане, трансформационные процессы, затрагивающие политические представления, привели к возникновению нескольких форм восприятия политической сферы: архаического этнического ренессанса, архаического религиозного ренессанса, нигилистического (атеистический коммунизм), отщепенческого (воинствующего) и других;

– у дагестанцев, проживающих в Москве, представления о политической сфере российского общества более детализированы, у них достаточно четкое представление о двухуровневости политической сферы, у дагестанцев, живущих в Республике, такого четкого представления нет;

– политические представления группы дагестанцев из столицы носят радикальный характер, среди них наличествуют взгляды антиномии, противопоставленные друг другу – крайние религиозные, этнические (в форме отрицания дагестанской идентичности), а исключение составляют комплементарные представления, в которых их носителю удастся присоединить, сбалансированно наложить свои прошлые взгляды на нынешние;

– политические ценности «московских» дагестанцев стабильны и устойчивы, а изменения происходят на периферии – в представлениях

посредством таких культурно-психологических механизмов, как ассимиляция, интеграция и консолидация;

- существует прямая взаимосвязь трансформаций политических представлений от времени постоянного проживания индивида на территории Москвы (меньше 10 лет или больше 10, 15 и 25 лет для разных поколений), а также количества контактов с «прежним» региональным окружением;

- для дагестанцев, переехавших в Москву, после прохождения первичной социализации в Дагестане, трансформационные процессы привели к «культурному шоку» в различных его формах: конфронтация со средой – радикальный национализм, радикальная религиозность; ассимиляция со средой – отрицание культурного размежевания, игнорирование культурной самоидентификации, игнорирование национальных и религиозных праздников, типичной одежды и прочей символики; культурная автономия – комплементарное, взаимодополняемое сотрудничество с представителями «инокультурной» среды, при этом бережное сохранение собственной культурной идентичности; и наиболее полярная форма – агрессивное отрицание своей этнокультурной принадлежности.

В целом, исследованные группы респондентов показали, что сделанные нами обобщения представлены в качестве частных случаев однотипного менталитета, и никак не свидетельствуют о наличии «различных» менталитетов: основные характеристики менталитета передаются от поколения к поколению в результате социализации, а все специфические черты менталитета формируются под воздействием факторов той «среды», в которой она проходит. При этом, ценности (как политические, так и общечеловеческие) в структуре менталитета респондентов исследованных поколений оказались идентичными и относительно стабильными.

Наше исследование также базировалось на теоретических разработках, обуславливающих формирование групповых представлений, в том числе политические, посредством закрепления (присоединения нового образа к уже

существующему) и объективации (перехода от абстрактного и непонятного значения к конкретному и понятному). Эти механизмы предопределили необходимость выявления и анализа не только политических представлений в чистом виде, но и ряда иных социальных представлений, а также фиксации ценностей, которые эти представления выражают, чтобы иметь возможность наблюдения того, какие представления были вначале и как они менялись под воздействием различных внешних факторов. Одновременно было обнаружено, что тождественность политического менталитета между его носителями обосновывается общностью социально-культурных и политических факторов, влияющих на формирование их сознания или же наоборот, его неоднородность, разнообразие обусловлено различием указанных условий. В рамках исследования упор был сделан на анализе символических оснований политических представлений и правильной их интерпретации, так как это помогло проявить единообразие менталитета, выраженное в способности его носителей придать гомогенный смысл одним и тем же явлениям политического мира.

В определенной степени такое понимание трансформационных процессов политического менталитета позволяет нам говорить о потенциальной возможности целенаправленно воздействовать на данный процесс, основываясь на «компенсаторной» роли символов. Анализ данных показал, что индивид, не очень четко осознающий свои представления, находящийся еще в стадии их переоформления, нуждается в закреплении их через лаконичные, ясные, непротиворечивые «символы», которые позволяют ему подчеркнуть свою идентичность, в том числе и агрессивно. Символическое пространство современности выступает катализатором закрепления представлений, оно напрямую участвует в процессе перехода трансформирующихся представлений в наиболее устойчивые формы. Данное осмысление трансформационных процессов политического менталитета, на наш взгляд, необходимо для разработки более эффективных государственных программ развития российского общества и укрепления его идентичности.

Список источников и литературы

1. *Абдулаев Ш.-С.О.* К вопросу о прогнозировании социально-экономического развития республики Дагестан для достижения стратегических целей // Вестник Дагестанского центра. 2010. № 36.
2. *Абидов М.Х.* Миграция населения и миграционная политика в Дагестане // Народонаселение. 2008. №1.
3. *Абрамсон Д.В.* Исследование перспективных направлений развития промышленных предприятий Республики Дагестан // Вестник Дагестанского научного центра. 2008. № 31.
4. *Абульханова К.А.* Российский менталитет: кросс-культурный и типологические подходы / Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1997. *Авшалумов Л.Х.* Традиции дагестанских народов как фактор стабилизации общественно-политической ситуации в Дагестане // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2005.
5. *Авшалумов Л.Х.* Традиции дагестанских народов как фактор стабилизации общественно-политической ситуации в Дагестане // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2005.
6. *Алибекова С.Я.* Трансформация сознания молодежи в условиях глобализации (на примере Республики Дагестан и Чеченской Республики) // Трансформации в сознании молодежи Северного Кавказа в условиях глобализации. Сборник научных статей. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН. 2006.
7. *Алиев А.-Г.К.* Северный Кавказ: современные проблемы этнополитического развития. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2003.
8. *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. №4.

9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
10. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект пресс, 1997.
11. Андрееенкова А.В. Политическое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения. №3(97). Май-Июнь, 2010.
12. Андрееенкова А.В. Уникальные траектории и общие тренды в сфере политического поведения и политических установок в России и других странах бывшего СССР // Ежегодная международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». М., 2013.
13. Ахмедов Дж. Светлые адаты горцев // Народы Дагестана: Республиканский и общественно-политический журнал. 2011. №2.
14. Ачария Б. Политический менталитет россиян глазами иностранного ученого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1.
15. Баранов Н.А. Демократия и российская ментальность // Ментальность этнических культур. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 9-10 июня 2005 г. СПб., 2005.
16. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
17. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
18. Бирюков М., Сергеев В. Демократия и соборность: представительная власть в традиционной российской и советской политической культуре //Общественные науки и современность. 1995. № 6.
19. Блинов В.В. Политико-психологический анализ консервативной идеологии в современной России. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.
20. Бобровников В.О. Исламское «возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 2.

21. Булатов Г. Отношение к старшим и долгожительство на Кавказе // Отечественные записки. 2005. №5.
22. Вардомацкий А.П. Некоторые особенности постсоветского общественного мнения // Социологические исследования. 1998. № 9.
23. Волков Ю.Г. Идеология в социально-политической жизни // Политическая социология. Ростов-на-Дону. 1997.
24. Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века. Махачкала, 2002.
25. Гаман-Голутвина О.В. Политическая культура как компонент культуры // Теоретическая культурология. М., 2005.
26. Гамбатов Ш.М. Миграции сельского населения республики Дагестан // Проблемы миграции и опыте ее решения в полиэтничном Кавказском регионе. М.–Ставрополь, 2003.
27. Ган К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Вып. XXXI. Отд. 2. 1989.
28. Гасанов Г.Г. Политическое сознание молодёжи и этнополитическая ситуация в Республике Дагестан. Дисс. ...кан. пол. наук. М., 2010.
29. Гасанов С.С. Социально-экономические детерминанты преступности на Северном Кавказе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3.
30. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991
31. Герген К. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М., 1995.
32. Голбацева Х. Влияние религиозных факторов на правосознание дагестанцев // Правовая система Дагестана: Материалы республиканской межвузовской научной конференции. Махачкала. 2005.
33. Горский А.А., Пушкарев Л.Н. Предисловие // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.). М., 1994.

34. *Громов Д.В.* Межнациональная напряженность в Москве // Свободная мысль. 2008. № 2.
35. *Гудиева К.Н.* Политико-психологический анализ образов власти на Северном Кавказе (по материалам исследования жителей республик Северная Осетия - Алания и Дагестан). Дисс. ...канд.пол.наук. М., 2013.
36. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М., 1993.
37. *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1., М., 1989.
38. *Гусаева К.Г.* Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности. Дис. ...кан.философ.наук. Махачкала, 2006.
39. *Данилова Е.Н.* Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006.
40. *Деулина О.Ю.* Политические представления в предвыборных материалах современных российских парламентских партий (сравнительный анализ избирательных кампаний 2003, 2005 и 2007 гг.). Дис. ...кан.пол.наук. М., 2011.
41. *Джамалова Э.К.* Историко-правовой анализ основ формирования правосознания молодежи. Дис. ...канд. юрид.наук. Махачкала, 2005.
42. *Джамалова Э.К., Гуруев Д.К.* Некоторые проблемы формирования правосознания и правовой культуры молодежи в Республике Дагестан // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. Вып. 2.
43. *Дзуцев Х.В.* Система высшего образования в общественном мнении жителей республик на территории СКФО Российской Федерации // Наука и образование на Юге России: достижения и проблемы модернизации. Ростов-на-Дону, 2012.
44. *Дибиров А.-Н.З, Исраилова К.М.* Дагестанцы — кто мы? Махачкала: Дагестанский институт экономики и политик. 2006.

45. *Додонов Р.А.* Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье, 1998.
46. *Дорожкин Ю., Быстриковский А.* Теневые политико-элитные группы в постсоветской России // Власть. 2011. №6.
47. *Дробижева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М., 2002.
48. *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
49. *Дробижева Л.М., Головахи Е.* Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. М., 2007.
50. *Дробницкий О.Г.* Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблемы ценностей в философии. М.-Л.: Наука. 1996.
51. *Дуаз В.* Явление анкеровки в исследованиях социальных представлений // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1.
52. *Дубов И.Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5.
53. *Дука А.В.* Политическая культура – поиски теоретических оснований // ПОЛИТЭКС = POLITECH: Политическая экспертиза: Научный журнал. Том 2. № 1. СПб., 2006.
54. *Дьюи Д.* Возрождающийся либерализм Текст. / Д. Дьюи // Полис. 1994. №3.
55. *Дьюи Д.* Этика демократии // Полис. 1994. №3.
56. *Евгеньева Т.В.* Культурно-психологические основания образа «Другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят. Политический экстремизм и радикальная ксенофобия в социокультурном пространстве современной России / под ред. Евгеньевой Т.В. М., 2004.
57. *Евгеньева Т.В.* Перспективы российского демократии и архетипы российской ментальности // Новая Россия: политика и культура в современном измерении. М., 2003.

58. *Евгеньева Т.В.* Современные исторические мифы: закономерности формирования и функционирования // РГГУ – вузам России. М., 2005.
59. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
60. *Емельянова Т.П., Донцов А.В.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии. // Вопросы психологии. 1984. №1.
61. *Залимханова К.М., Ханбабаев З.М.* Политизация ислама на Северном Кавказе (на примере Дагестана и Чечни). Махачкала, 2000.
62. *Заманова Л.Б.* Политический менталитет студенческой молодежи Республики Башкортостан на современном этапе: Дис. ... канд. полит, наук. Уфа, 2006.
63. *Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности. М., 1986.
64. *Иванов В.Н., Назаров М.М.* Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования// Социально-политический журнал. 1998. № 2.
65. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. №4.
66. *Кадиев З.Н.* Особенности демографических и миграционных процессов в Дагестане. Национальные интересы и национальная политика на Юге России: приоритеты и перспективы. // Материалы Всероссийской научной конференции. 14.12.2006 г. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2007.
67. *Карпов Ю.Ю. Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI вв.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Спб., 2011.
68. *Карпов Ю.Ю.* Этносоциальные трансформации в условиях миграционных процессов (на примере Дагестана) // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008
69. *Кассирер Э.* Философия символических форм. В 3-х т. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
70. *Кисриев Э.* Ислам и власть в Дагестане. М., 2004

71. *Кисриев Э.* Сопротивление системы политических институтов Дагестана процессу создания «единого правового пространства» России // Федерализм в России. Казань, 2001.
72. *Коваленко В.И., Костин А.И.* Политические идеологии: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1997. №2.
73. *Козловский В.В.* Понятие ментальности в социологической перспективе. // Социология и социальная антропология: Межвуз. сб. к 60-летию со дня рождения проф. А.О. Бороноева / Под ред. В.Д. Виноградова, В.В. Козловского. СПб., 1997
74. *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997.
75. *Кульчик Ю.Г.* Этнополитическая ситуация в Дагестане // Политический мониторинг. Октябрь. 1992.
76. *Курайши Д.А.* Исламский фактор в политическом процессе современной России. Дис. ...кан.полит.наук. М., 2009.
77. *Кусов В.Г.* Категория ментальности в социологическом измерении // Социологические исследования. 2000. № 9;
78. *Лазебный Л.Н.* Политическое сознание отражение, регуляция, ценности. М.: Знак, 1999.
79. *Ламажаа Ч.К.* Клановость в политике регионов России. СПб.: Алетейя, 2010.
80. *Лебедев И.А.* Взаимосвязь политических ценностей и политических институтов в процессе постсоветской трансформации России. Автореферат дис. ...канд. полит. наук. М., 2000.
81. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 2012.
82. *Левшуков Р.А.* Исламизация в социокультурном пространстве Северного Кавказа: интеграционные и дезинтеграционные функции. Дис. ...кан.социол.наук. Ростов-на-Дону, 2003.

83. *Ленк К., Маринг М.* Ответственность и глобализация // *Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: В 5 тт.* М. 2005.
84. *Леонтьев Д.А.* Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.
85. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // *Вопросы философии.* 1996. № 5.
86. *Лесная Л.В.* Интерпретация, понятия менталитета в российских и зарубежных источниках // *II Всероссийский социологический конгресс «Российское общество и социология в XX веке: социальные вызовы и альтернативы».* М., 2003.
87. *Литвина С.А., Муравьева О.И.* Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян и ее взаимосвязь с культурными измерениями // *Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе /* под ред. В.И. Кабрина и О.И. Муравьевой. Томск, 2004.
88. *Лубский Р.А.* Политический менталитет: Методологические проблемы изучения и российские реалии: Дис. ...канд. филос. наук. Р/на-Дону, 1999.
89. *Лубский А.В.* Политический менталитет и легитимность политической власти // *Политический менталитет. Тезисы докладов и сообщений научной конференции.* Ростов-на-Дону, 1996.
90. *Магомедалиева К.М.* Влияние социальной дифференциации на мировоззрение дагестанской молодежи // *Трансформации в сознании молодежи Северного Кавказа в условиях глобализации. Сборник научных статей.* Махачкала. Изд-во ДНЦ РАН. 2006.
91. *Магомедов А.М.* Традиции народов Дагестана как важнейшие средства формирования юных поколений // *Наука и социальный прогресс Дагестана: Материалы № 3-й республиканской конференции, посвященной памяти Х.М. Фаталиева, 23-24 января 1995 г.*
92. *Магомедов Р.М.* Обычаи и традиции народов Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз., 1992.

93. *Магомедова М.А.* Этноконфессиональная толерантность — одно из условий формирования гражданского общества в Дагестане // Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтнического и многоконфессионального региона. Сборник научных статей. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2008.
94. *Магомедова М.З.* Исламский образ жизни в сложном этноконфессиональном регионе // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2005.
95. *Магомедханов М.М.* Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.: ООО «ДИНЭМ», 2008.
96. *Малинова О.Ю.* «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // Полис. 2006, № 5.
97. *Малинова О.Ю.* Исследования политической культуры: Уч. пособие. М., 2002.
98. *Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1.
99. *Малинова О.Ю.* Российская идентичность между идеями нации и цивилизации // Вестник Института Кеннана в России. 2012. № 22.
100. *Манекин Р.В.* Контент-анализ как метод исследования истории мысли. Опыт количественного исследования итальянских текстов эпохи Возрождения (Поджо Браччолини) // Клио. 1991. №1.
101. *Маслоу А.* Психология бытия. М., Киев, 1997.
102. *Маслоу А.Г.* На подступах к Психологии Бытия / пер. с англ. / под общ. ред. О. Чистякова. М.: Рефл-бук. К.:Ваклер; М.: Смысл, 1997.
103. *Медведев И.Г.* Политическая стабильность как фактор национальной безопасности России. Дис. ...канд.полит.наук. Кемерово, 2003.

104. *Медведева С.М.* Влияние социальной памяти россиян на их представления об идеальной власти // Психология политической власти: Науч. докл. Саратов, 2004.
105. *Мисроков З.Х.* Феномен адатского и мусульманского права народов Северного Кавказа в процессах трансформации Российской государственности (XIX- начало XXI вв.) // Государство и право. 2002. №11.
106. *Молчанолва О.А.* Политическая социализация в современной российской школе (политико-психологический анализ). Дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.
107. *Москаленко И.В.* К проблеме изучения нравственных ценностей: нравственные национальные ценности // Сборники конференций НИЦ: Социосфера. 2011. № 16.
108. *Московичи С.* От коллективных представлений - к социальным // Вопросы социологии. 1992. №2.
109. *Мостовая И.В., Скорик А.П.* Архетипы и ориентиры российской ментальности // Политические исследования. 1994. №4.
110. *Мухина В.С.* Предисловие // Механизмы формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности / МГПИ. М., 1985.
111. *Оллпорт Г.* Личность в психологии. СПб., 1998.
112. *Омаров М.А.* Этническое многообразие как фактор формирования российской идентичности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, № 6, 2012.
113. *Омаров О.С.* Правовая культура: становление и развитие. По материалам Республики Дагестан. Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2000.
114. *Паин Э.А.* Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.
115. *Пантин И.К., Плимак Е.Г.* Драма российских реформ и революций. М.: Весь мир, 2000.

116. *Пищева Т.Н.* Трансформация представлений о политических лидерах в постсоветской России // Психология политической власти: Науч. докл. Саратов, 2004.

117. *Подвойская Н.Л.* Комплексный характер взаимовлияния политической культуры и политического менталитета // Социально-психологические вызовы современного общества, Проблемы. Перспективы. Пути решения: материалы II Международной заочной научно-практической конференции. Брянск: «Курсив», 2013.

118. *Подвойская Н.Л.* Концепт политического менталитета в американской политологии второй половины XX века // Дисс. кан. пол. наук. Москва, 2009.

119. *Подвойская Н.Л.* Политический менталитет // Элитология: Энциклопедический словарь. / Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ. 2013.

120. *Подвойская Н.Л.* Политический менталитет как категория политической науки // Научный потенциал регионов на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей / Под общ. ред. В.А. Гутмана, А.Л. Хаченьяна. Астрахань: ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2013. № 1 (4).

121. *Полежаев Д.В.* Национальное сознание и ментальность личности // Этнонациональные ценности в условиях глобализации: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Махачкала, 25-26 сентября 2008 г.) / Отв. ред. М.И. Билалов. Махачкала, 2008.

122. *Полежаев Д.В.* Русский менталитет: социально-философское осмысление. Волгоград, 2007.

123. *Попов А.В., Зуева Л.А.* Ценности в политике // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 1.

124. *Пушкарев Л.Н.* Понятие «менталитет» в современной зарубежной историографии / Л.Н. Пушкарев // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999.

125. *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? (Исторические заметки) // Отечественная история 1995. №3.
126. *Ракитянский Н.* Полиментальное измерение политической модернизации в России // Власть, бизнес, гражданское общество в условиях модернизации России: институты, стратегии и практики политического сотрудничества. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). 2013.
127. *Ракитянский Н.* Сверхсознание как фактор формирования политического менталитета // Полис. 2013. № 6.
128. *Ракитянский Н.М.* Категории сознания и менталитета в контексте феномена политической полиментальности// Стратегическая стабильность. 2012. № 3.
129. *Раульф У.* История ментальностей. К реконструкции духовных процессов. Сборник статей. М., 1995.
130. *Ревель Ж.* История ментальностей: опыт обзора // Споры о гласном. М.: Наука, 1993.
131. *Розин М.Д., Суций С.Я.* Современный Северный Кавказ – между системным кризисом и инерционным развитием // Инженерный вестник Дона. 2012. №2.
132. *Розин М.Д., Суций С.Я.* Современный Северный Кавказ – между системным кризисом и инерционным развитием // Инженерный вестник Дона. 2012. №2.
133. *Розов Н.С.* Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1998.
134. *Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М.: «Совпадение», 1998.
135. *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.

136. *Сагидов А.М.* Обычаи и традиции в правовой системе Республики Дагестан. Дис. ...канд.юрид.н. М., 2008
137. *Саидова А.С.* Этнический фактор в становлении и развитии российского федерализма: региональные особенности (на примере Республики Дагестан): Автореферат дисс. канд.полит. наук. М., 2010.
138. *Самсонова Т.Н.* Гражданское образование в России: состояние и проблемы // Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации: Материалы Круглого стола / Под ред. Н.С.Федоркина, Н.В.Карповой / Под ред. Н. В. Карпова. Москва, 2009.
139. *Самсонова Т.Н.* Институциональные изменения в постсоветской России и их влияние на процесс политической социализации // Ломоносовские чтения. Научная конференция / Под ред. В.И.Добренькова. Книжный дом Университет Москва, 2007.
140. *Самсонова Т.Н.* К вопросу о формировании гражданственности в современной России // Гражданское общество: теория и практика. Ежегодник. Выпуск 5. НИГО М.-Чебоксары, Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011.
141. *Самсонова Т.Н.* О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2.
142. *Самсонова Т.Н.* Формирование гражданской культуры в современной России // Философские науки. 2013. № 1.
143. *Селезнева А.В.* Методология исследования политических представлений и ценностей // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. № 2. 2011. *Селезнева А.В.* Молодежь в современной России: политические ценности и представления. Монография. М., 2014.
144. *Селезнева А.В.* Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России// Политическая психология. Хрестоматия. / под ред. Шестопа Е.Б. Москва, 2010.

145. *Селезнева А.В.* Поколение в российской политике: политические представления и ценности. Дис. ...канд. полит. наук. М., 2008.
146. *Селезнева А.В.* Формирование политического сознания молодежи в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. №2. 2013.
147. *Семененко И.С.* Российская идентичность перед вызовами XXI века: проблемы и риски на пути формирования гражданской нации // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России. Сборник статей. Отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. М., 2010.
148. *Семёнов В.Е.* Российская полиментальность и умонастроения современной молодежи // Молодежная политика XXI века (Материалы Всероссийской ювенологической конференции). СПб., 1999.
149. *Следзевский И.Е.* Мифологема границы: ее происхождение и современные политические проявления // Современная политическая мифология: Содержание и механизмы функционирования. М., 1996.
150. *Следзевский И.Е.* Феномен политического сознания в ситуации социокультурного кризиса // «Новая» Россия: социальные и политические мифы. М.1999.
151. *Смирнова Я.С.* Семейное и общественное положение старших возрастных групп // Абхазское долгожительство. М., 1987.
152. *Суций С.Я.* Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. Изд.стереотип. М.:ЛЕНАНД, 2014.
153. *Сюкияйнен Л.Р.* Шариат и мусульманско-правовая культура. М.: Институт государства и права РАН. 1997.
154. *Тишков В.А.* Этнология и политика: Статьи 1989-2004. М., 2005.
155. *Усманова З.Р.* Становление общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа (политико-психологический анализ). Дис. ...канд.полит.наук. М., 2013.

156. *Фарукишин М.Х.* К вопросу об определении понятия политической культуры // Проблемы политической науки. Казань, 2005.
157. Федорова М.М. Ценностные основания западной цивилизации // Книга учителя «Диалог культур»: учебно-метод. пособие и хрестоматия / Отв. ред. М.Т. Степанянц. М., 2014.
158. *Федотова В.* Русская апатия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. №1.
159. *Фильд Д.* История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996.
160. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / Пер. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998.
161. *Шестопал Е.Б.* Образы российской власти: от Ельцина до Путина. М., 2009.
162. *Шестопал Е.Б.* Политическая психология. Москва 2010.
163. *Шестопал Е.Б.* Психология политического восприятия в современной России. М.: РОССПЭН, 2012.
164. *Шилов В. Н.* Политическая аксиология. Монография. Белгород, 2005. С. 10.
165. *Щербинина Н. Г.* Ценности, миф и лидер как символические политические формы // Проблемы политических ценностей в условиях трансформации режима: Научный ежегодник Томского МИОН / Под. ред. А.И. Щербинина. Томск, 2004.
166. *Щербинина Н.Г.* Ценности и политика// Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России. М., 2004.
167. *Элиадэ М.* Аспекты мифа. М.: Академ. проект, 2000.
168. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Ренесанс, 1991.
169. *Юрина М.В.* Механизм политической идентификации в период первичной политической социализации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 5.

170. Юсупова Г.И. Глобализация и социокультурные трансформации на юге России // Вестник Дагестанского научного центра. 2010. № 36.
171. Ядов В.Я. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
172. Яницкий М.С. Ценностная структура массового сознания современной России // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания. М.: Аспект Пресс, 2002.
173. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система (монография). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000.
174. Яницкий М.С., Серый А.В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности (учебное пособие). Новокузнецк, 2010.
175. Яницкий М.С., Тулбаева Д.Н. Психологические детерминанты включенности в деятельность // Сибирский психологический журнал. № 26. Томск, 2007.
176. Асваров Н.А. Молодежь Дагестана: особенности и процесс формирования правосознания и правовой культуры на современном этапе // Режим доступа: [http://www.rusnauka.com/ 3_ANR_2013/Istoria/2_126185.doc.htm](http://www.rusnauka.com/3_ANR_2013/Istoria/2_126185.doc.htm) (свободный, дата обращения 25.02.2015).
177. Грызлов В. Национальные отношения в Дагестане (в контексте общероссийских проблем) // Обозреватель. № 28(32). Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N28_93/28_02.HTM (свободный, дата обращения: 13.03.2015)
178. Проценко Н., Дементьева Ю. Исламу придётся идти по пути модернизации // Эксперт-Юг. 2013. №11-12 (251) .Режим доступа: <http://expert.ru/south/2013/12/islamu-pridyotsya-idti-po-puti-modernizatsii/> (свободный, дата обращения: 13.03.2015)
179. Сулейманов Р. Русские мусульмане в постсоветской России: причины неофитства, положение в исламской среде, реакция государства и общества // Агентство политических новостей. Режим доступа:

<http://www.apn.ru/publications/article27336.htm/> (свободный, дата обращения: 13.03.2015)

180. *Тихонова П.П.* Фактор территориально-этнической ментальности. Режим доступа: <http://nikkolom.ni/book3/pagepk2.htm/> (свободный доступ. Дата обращения: 05.03.2015)

181. *Abrie J.* Central System, Peripheral System: Their Function and Roles in the Dynamics Social representations // paper on Social Representation. V.2. № 2. 1993.

182. *Almond G., Verba S.* The civic Culture Revisited. Boston, Toronto, 1980.

183. *Almond G.A.* The Study of Political Culture // Political Culture in Germany / Ed. by D. BergSchlosser, R. Rytlewski. London, 1993.

184. *Feldman S.* Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes // Oxford Handbook of Political Psychology. 2003.

185. *Inglehart R.* Cultural shift in advanced industrial society. Princeton: Princeton University Press, 1990.

186. *Jodelet D.* Representation sociale: phenomenes, concept et theorie// Moscovici (S). Psychologie sociale. Paris, PUF, 1984.

187. *Moliner P.* Les méthodes de repérage et d'identification du noyau des représentations. In C. Guimelli (Ed). Structures et transformations des représentations sociales. Paris: Delachaux et Niestlé, 1994.

188. *Morgentau H.* Politics among Nations. N.Y., 1967.

189. *Moscovici S.* Notes towards a description of social representations // European journal of social psychology. 1988. Vol.18. № 3.

190. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // Social representations. Cambridge, 1984.

191. *Oberg K.* Cultural shock: Adjustment to new cultural environment // Practical Anthropology. 1960. № 7.

192. *Parsons T., Shils E.* Toward a General Theory of Action. N.Y.: Harper & Row, 1964.

193. *Perry R.B.* General Theory of Values. N.Y., 1926.

194. *Pye L.W.* Political Culture // International Encyclopedia of the Social Sciences / D.W. Sills (ed.). Vol. XII. N.Y., 1968.
195. *Reinerman C.* American States of Mind. New-Haven-L., 1987.
196. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. N.Y., 1973.
197. *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values. In M. P. Zanna (Ed.), Advances in experimental social psychology (Vol. 25, pp. 1-65). New York: Academic Press, 1992.
198. *Sergeev V., Biryukov N.* Russia's Road to Democracy, Parliament, Communism and Traditional Culture. Brookfield, Vermont, 1997. P.12.
199. *Tajfel H.* Intergroup behavior, social comparison & social change. Katz-Newcomb Lectures. Ann - Arbor, 1974.
200. *Taylor S.E., Fiske S., Etcoff N., Ruderman A.* Categorical and contextual bases of person memory and stereotyping // Journal of Personality and Social Psychology. 1978. № 36.
201. *Tucker R.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N.Y.-L., 1987.
202. *Turner J.* Social categorization and the self-concept: a social cognitive theory of group behaviour//Advances in Group Processes/Ed. E. Lawer. 1985. V. 2.
203. *Turner J., Oakes P.* Self-categorization theory and social influence//The Psychology of Group Influence, 2nd ed./Ed. P. Paulus. Hillsdale, N. Y.: Erlbaum. 1989.
204. *Wells A.* Social representations and the world of science // J. for the theory of social behavior. 1987. Vol.17. № 4.